

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Сюе Вэньцин

ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (2013–2025 гг.)

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней
политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, профессор
Курылев Константин Петрович

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭТАПЫ ПОЛИТИКИ КНР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1992–2025 ГГ.)	26
1.1 Становление и развитие отношений КНР и южнокавказских государств в 1992–2012 гг.	26
1.2 Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в 2013–2025 гг.	43
1.3 Периодизация политики Китая на Южном Кавказе: критерии выделения и содержание этапов	62
ГЛАВА 2. ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»	85
2.1 Согласование инициативы «Пояс и Путь» со стратегиями стран Южного Кавказа и интересами РФ	86
2.2 Ключевые направления сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в реализации инициативы «Пояс и Путь»	112
2.3 Институциональное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в рамках инициативы «Пояс и Путь»	152
2.4 Гуманитарное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в рамках инициативы «Пояс и Путь»	163
ГЛАВА 3. ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ИНТЕРЕСАМ КНР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ.....	177
3.1 Геополитические вызовы интересам КНР на Южном Кавказе.....	178
3.2 Региональная нестабильность и этнополитические конфликты как вызов интересам КНР на Южном Кавказе	199
3.3 Экономические вызовы и структурные барьеры реализации китайских проектов на Южном Кавказе	217
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	247

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена системной трансформацией современной архитектуры международных отношений, в рамках которой регион Южного Кавказа перешел из категории периферийного пространства в статус одного из значимых геостратегических узлов евразийского континента. В условиях современной системы международных отношений, Китайская Народная Республика, опираясь на реализацию глобальной инициативы «Пояс и Путь», перешла от политики ограниченного регионального присутствия к активному конструированию благоприятной внешней среды. Азербайджанская Республика, Республика Армения и Грузия, занимая уникальное географическое положение на стыке акваторий Черного и Каспийского морей, стали одним из объектов пристального внимания Пекина, рассматривающего данный регион сквозь призму расширения своего геоэкономического присутствия в Евразии. С 1992 года по 2025 год политика КНР на Южном Кавказе прошла сложный путь эволюции, трансформировавшись из формального дипломатического признания суверенитета новых независимых государств в многоуровневую систему всеобъемлющего стратегического взаимодействия.

Актуальность теме придает и резкое обострение геополитического противоборства ведущих мировых и региональных центров силы, итоги которого определяют контуры будущего мироустройства. В 2022 году начались значительные проблемы в системе безопасности Европы и были введены широкие экономические запреты. По этой причине возникла срочная потребность в том, чтобы направить транспортные потоки на континенте по другим путям. В такой ситуации Южный Кавказ стал важной частью стратегии

КНР. С его помощью Пекин распределяет опасности, которые связаны с перевозкой грузов, и дополняет основные морские пути, через которые проходит большая часть товаров. Это позволяет сделать связи между рынками Восточной Азии и Европейского Союза более прочными. Но развитие таких планов происходит в условиях, когда в регионе постоянно происходят конфликты. Там остаются споры о принадлежности территорий, а государственные органы власти работают недостаточно устойчиво. По этой причине ученым необходимо подробно изучить способы, которыми китайские дипломаты приспосабливаются к увеличивающимся угрозам для безопасности.

Для исследования очень важно то, как изменилось соотношение сил в регионе после Второй карабахской войны 2020 года. Данное событие сделало политическую ситуацию в Закавказье иной. И теперь существуют новые условия для того, чтобы государства из других частей мира могли распространять здесь свой авторитет.

На фоне объективного изменения конфигурации присутствия традиционных игроков регион превратился в арену активного геополитического взаимодействия и конкуренции между Россией, США, ЕС. Изучение уникального опыта КНР по выстраиванию дифференцированных моделей партнерства с Азербайджаном, Арменией и Грузией представляет значительный научный интерес, позволяя всесторонне оценить вклад китайской дипломатии в формирование «Сообщество единой судьбы человечества» и защиту суверенной субъектности малых государств в эпоху глобальной нестабильности.

Степень изученности темы исследования. Тема внешней политики Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа и специфики реализации инициативы «Пояс и Путь» в Закавказье привлекает внимание широкого круга российских, китайских и зарубежных исследователей. Выявленные труды ученых по изучаемой проблематике можно разделить на несколько групп.

К первой группе отнесены исследования, посвященные общей геополитической ситуации на Южном Кавказе и проблемам региональной безопасности. В данной группе определяющее значение имеют труды профессора К.П. Курылева¹, в которых анализируется процесс формирования регионального баланса сил и специфика военно-политического взаимодействия стран региона в условиях внешней турбулентности.

Значительный вклад в изучение места Южного Кавказа в системе евразийской интеграции внес С.С. Жильцов², чьи работы позволили рассмотреть китайскую стратегию в контексте Большого евразийского партнерства и выявить риски, возникающие перед государствами региона в условиях санкционного давления на Россию.

¹ Курылев К.П., Галоян Н.Г., Станис Д.В., Бредихин А.В. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 62(3). С. 108–118; Курылев К.П., Мартыненко Е.В. Российско-китайское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937–1948; Курылев К.П., Воркунова О.А. Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 828–844.; Курылев К.П., Габриелян Г.Р., Фарактинова Е.Н. Роль и место Центральной Азии в реализации Китаем инициативы «Пояс и Путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73). С. 1219–1225; Курылев К.П. Ключевые интересы России – цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 9–25;

² Жильцов С.С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 4. С. 425–435.

Важное значение для темы исследования представили работы С.М. Маркедонова ³, объектом исследований которого является эволюция геополитических конфликтов в регионе Кавказа и их современных геополитических влияний. Значительный интерес представляют исследования М.М. Агазаде ⁴, в которых детально проанализирована трансформация геополитического ландшафта Закавказья после Второй карабахской войны 2020 года и специфика выстраивания отношений в треугольнике Россия – Азербайджан – Иран.

И автор опирался на труды известного ученого А.Б. Крылова⁵, в которых исследуется развитие международных отношений государств Южного

³ Маркедонов С. М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. Т. 7. № 87. С.245-256; Маркедонов С.М. Россия и постсоветские конфликты: стратегия или реагирование // Дружба народов. 2018. № 8. С. 214–222; Маркедонов С.М. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. № 2. С. 132-141; Маркедонов С.М. Россия в процессе Нагорно-Карабахского урегулирования // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. 2019. С. 11-26; Маркедонов С.М. Россия в процессе Нагорно-Карабахского урегулирования // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. М.: РУДН. 2019. С. 11-26. Маркедонов С. М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг. // Мировая экономика и международные отношения. 2023. №12. С. 93-103.

⁴ Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 719–733; Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.

⁵ Крылов А. Б. Малышева Д. Б. Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год // Россия и новые государства Евразии. 2011. №1. С. 44-58; Арешев А. Г., Бредихин А. В., Воркунова О. А. Крылов А. Б. Южный Кавказ в «системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №60(10). С. 91-106; Крылов А. Б., Федоровская И. М. Проблемы региональной безопасности на Кавказе в контексте российско-грузинских отношений // Россия и новые государства Евразии. 2016. №2. С.78-90; Крылов А. Б. Особенности современного этапа развития Южного Кавказа // Архонт. 2017. №3. С.4-7; Крылов А. Б. Постсоветское пространство: интеграция vs дезинтеграция // Россия и новые государства Евразии. 2018. №2. С.47-53; Крылов А. Б. Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2. С. 147–162.

Кавказа, проблемам региональной безопасности и интеграционным процессам в Евразии. В работах ученого анализируются российско-грузинские отношения, внешние угрозы для региона, долгосрочные геополитические прогнозы, а также противоречия интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. При проведении исследования были изучены труды А.В. Гущина⁶, в которых систематически разбираются интеграции на постсоветском пространстве. Также автор опирался на труды Е. Борисовой⁷, Н. Скворцовой⁸, рассматривающих стратегии внерегиональных держав в зонах постсоветских конфликтов.

Во вторую группу включены работы, в которых исследуются теоретические основы внешней политики КНР, концептуализация национальных интересов Китая и эволюция его дипломатических стратегий.

Уникальный научный интерес представляют публикации А.В. Виноградова⁹. В центре его исследовательского внимания находятся проблемы модернизации, социокультурные трансформации модернизирующихся

6 Пивовар Е. И., Гущин А. В., Левченков А. С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36. С. 43-55; Гущин А. В. Основные векторы развития российско-белорусского сотрудничества в области образования на современном этапе // Постсоветские исследования. 2023. № 6(2): С. 195-204; Харитонов Н И, Гущин А. В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023. № 6(6). С. 597-609; Гущин А. В. Итоги президентских выборов в США и их влияние на перспективы урегулирования конфликта на Украине // Постсоветские исследования. 2025. № 8(1). С.19-26.

⁷Борисова Е. Оценка значимости идей Маккиндера в современных реалиях // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 24–27.

⁸Скворцова Н., Абазов Д. Конфликт интересов на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. № 2. С. 181–188.

⁹Виноградов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. №3 С.69-86; Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С.228-246.; Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 3. С.23-32.

государств, цивилизации и межкультурные контакты, общественная мысль, современные политические процессы и политические институты КНР. Исследователь анализирует и современную внешнюю политику Китая с учетом ее региональных особенностей.

Особое место здесь занимают труды ведущего эксперта по китайской политической мысли Е.Н. Грачикова¹⁰. Его концепции «китайского мирового порядка» и нематериальной силы КНР позволили автору проанализировать логику становления китайской дипломатии как науки и практики, а также выявить иерархию коренных интересов Пекина в Евразии.

И в трудах авторитетного эксперта по внешней политике Китая в отношении Южного Кавказа Д.К. Бабаяна¹¹ исследуются ключевые политические факторы, действовавшие в различные исторические периоды и оказывающие влияние на развитие отношений между КНР и странами Южного Кавказа.

Среди китайских исследователей, чьи работы посвящены трансформации внешней политики КНР в эпоху Си Цзиньпина, автор изучил труды таких

¹⁰ Грачиков Е.Н. Дипломатия Китая: проблемы формирования дисциплины и науки в контексте академического дискурса // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 266–282; Грачиков Е.Н. Китайский мировой порядок: дискурс, теория, нематериальная сила // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 4. С. 72–86; Грачиков Е.Н., Чжоу Сяоюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.

¹¹ Бабаян Д. К. Некоторые аспекты политики КНР на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 1. С. 82–93; Бабаян Д. К. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке Китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. № 2. С. 66–93; Бабаян Д. К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI в. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2013. – 323 с.

авторитетных ученых, как Янь Сюэтунь¹², Цинь Яцин¹³, Чжао Тинъян¹⁴, Ли Баоцзюнь¹⁵ и Ян Цзечи¹⁶. Обращение к данным источникам позволило систематизировать этапы смены стратегий Пекина от «выжидания в тени» к «активному лидерству».

Третью группу составляют исследования торгово-экономического и транспортно-логистического сотрудничества КНР со странами Южного Кавказа. Большую помощь при проведении исследования оказали труды профессора Я.В. Лексютиной¹⁷, посвященные анализу состояния, динамики и ключевых направлений экономического сотрудничества Китая со странами Южного Кавказа, а также обоснованию объективных выводов относительно экономической деятельности Китая на Южном Кавказе. Проблемы развития Транскаспийского маршрута и инвестиционного присутствия Китая в

¹² 阎学通. 从韬光养晦到奋发有为 [Янь Сюэтунь. от «таогуан янхуэй» к «фэньфа юйюн»] // 国际政治科学 [Quarterly Journal of International Politics]. 2014. № 4. С. 1–35.

¹³ 秦亚青. 关系本位与过程建构 [Цинь Яцин. Реляционность и процессуальное конструирование]. 上海: 上海人民出版社, 2012

¹⁴ 赵汀阳. 天下体系: 世界制度哲学导论 [Чжао Тинъян. Система Тянься: введение в философию мирового устройства]. 北京: 中国人民大学出版社 [Пекин: Издательство Народного университета Китая], 2011.

¹⁵ 李宝俊. 当代中国外交概论 [Ли Баоцзюнь. Введение в современную дипломатию Китая]. 北京: 中国人民大学出版社 [Пекин: Издательство Народного университета Китая], 2012

¹⁶ 杨洁篪. 努力开创中国特色外交新局面 [Ян Цзечи. Стремиться к созданию новой ситуации в дипломатии с китайской спецификой] // 求是 [Цюши]. 2013. № 16

¹⁷ Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия // Постсоветские исследования. 2022. № 1. С. 57–72.; Лексютина Я. В., Юаньцзе Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. № 7(4). С. 367–380; Лексютина Я. В. Дипломатия принимающей стороны Китая: концепция и практика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. №29. С. 89–103; Лексютина Я. В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. 2025. № 8(2). С. 114 –126; Лексютина Я. В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. № 30 (30). С. 309–323.

Азербайджане и Грузии глубоко изучены в работах А. Пылина¹⁸, Ван Люин¹⁹, И. Нифтиева²⁰ и. Перспективы реализации армянской инициативы «Перекресток мира» и интеграции Армении в китайские проекты освещены в трудах Д.О. Арутюняна²¹.

Для повышения академического уровня работы автором был изучен англоязычной литературы, в которой рассматривается конкуренция Китая и Запада в регионе. Это труды Г.Дж. Айкенберри²², Е. Авдалиани²³, Н. Ролланд²⁴, С. Бископа²⁵ и др. Например, Н. Макдонах анализирует процесс экономического «разрыва» и борьбу технологических стандартов на евразийском пространстве²⁶. Особенности китайской финансовой политики и критика концепции «долговой ловушки» предметно изучаются в работах Д. Бротигам²⁷ и С. Асгарова²⁸.

¹⁸ Пылин А. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 121–137.

¹⁹ Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с; Ван Люин. Торгово-экономическая и финансовая политика КНР в Азербайджане // Международные отношения. 2019. № 1.

²⁰ Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: Сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2.

²¹ Арутюнян Д.О. Проект «Перекресток мира» в контексте повышения транспортной «связности» на Южном Кавказе // Экономические отношения. 2025. Т. 15, № 1. С. 169–190.

²² Ikenberry G.J. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order // New Haven and London: Yale University Press, 2020. 432 p.

²³ Avdaliani E. New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus // Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. 280 p.

²⁴ Nadège Rolland. China's Ambitions in Eastern Europe and the South Caucasus // Russie.Nei. Visions. 2018. No. 112.

²⁵ Biscop S. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics: Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? // Egmont Paper. 2023.

²⁶ Naoise McDonagh. US-China competition, world order and economic decoupling // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79. Iss. 3. P. 364–389.

²⁷ Brautigam D. A critical look at Chinese 'debt-trap diplomacy': The rise of a meme // Area development and policy. 2020. № 5. С. 1–14.

²⁸ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81.

К четвертой группе относятся работы, анализирующие институциональные и гуманитарные аспекты китайской дипломатии. Роль Институтов Конфуция и инструментов «мягкой силы» КНР на Южном Кавказе исследуют Л.Н. Величко²⁹, А.М. Кумуков³⁰, Н.В. Селезнева³¹ и Лань Пэнхэ³².

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о том, что, несмотря на наличие значительного массива работ по отдельным аспектам двусторонних отношений, комплексное историко-политическое исследование стратегии Китая на Южном Кавказе в период 2013–2025 гг., объединяющее геоэкономические, институциональные и факторы безопасности в условиях системного кризиса миропорядка, нуждается в дальнейшей разработке.

Объектом исследования выступает внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа.

Предметом исследования являются содержание, ключевые направления и особенности эволюции внешней политики и внешнеэкономической стратегии КНР в Азербайджане, Армении и Грузии в 2013–2025 гг. в условиях реализации глобальной инициативы «Пояс и Путь» и системной трансформации региональной архитектуры безопасности.

²⁹ Величко Л.Н., Кумуков А.М. Гуманитарная дипломатия Китая в регионе Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. № 2.

³⁰ Кумуков А.М. Страны Южного Кавказа во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 43–53.

³¹ Селезнева Н. В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26.

³² Лань Пэнхэ. Сотрудничество и обмены между Китаем и Грузией в области культуры и высшего образования // Новые горизонты - 2021: сборник материалов VIII Белорусско-Китайского молодежного инновационного форума. Минск: БНТУ, 2021. С. 174–175.

Целью диссертационной работы является выявление характера и специфики политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в 2013–2025 гг.

Для достижения поставленной цели в диссертации поставлены следующие **задачи**:

- выявить особенности становления и развития отношений КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией в 1992–2012 гг.;
- определить и классифицировать национально-государственные интересы КНР в регионе Южного Кавказа в 2013–2025 гг.;
- разработать периодизацию политики Китая на Южном Кавказе, обосновав критерии выделения и содержание каждого из этапов.;
- оценить степень согласования инициативы «Пояс и Путь» с национальными стратегиями стран Южного Кавказа («Азербайджан–2030», «Перекресток мира», европейский курс Грузии) и с интересами Российской Федерации;
- раскрыть ключевые направления сотрудничества КНР и государств региона в реализации инициативы «Пояс и Путь»: энергетику, транспортно-логистические коридоры и торгово-инвестиционную сферу;
- систематизировать институциональное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа, определив роль Шанхайской организации сотрудничества и многосторонних финансовых институтов;
- охарактеризовать гуманитарное измерение политики КНР в регионе, раскрыв роль Институтов Конфуция и образовательных обменов как инструментов «мягкой силы»;

- систематизировать геополитические вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в условиях конкуренции внерегиональных акторов;
- определить влияние региональной нестабильности, территориальных споров и этнополитических конфликтов на безопасность китайских проектов в регионе;
- выявить экономические вызовы и структурные барьеры, препятствующие реализации китайской экономической дипломатии на Южном Кавказе.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2013 по 2025 гг. Выбор данных рамок обусловлен логикой качественной трансформации внешней политики КНР на Южном Кавказе: **Нижняя граница (2013 г.)** связана с выдвижением Председателем КНР Си Цзиньпином глобальной инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (позже – «Пояс и Путь»). Именно в 2013 году произошел парадигмальный переход китайской дипломатии от политики «нахождения в тени» к стратегии «активного лидерства» (*фэньфа юйюн*). Для Южного Кавказа это стало точкой отсчета превращения региона из геополитической периферии в стратегически значимый транзитный и энергетический узел в рамках китайского глобального проектирования. **Верхняя граница (октябрь 2025 г.)** обусловлена завершением важного цикла институционального и геополитического закрепления Китая в регионе. К этому моменту отношения КНР со всеми тремя государствами Южного Кавказа (Азербайджаном, Арменией и Грузией) достигли высшей точки своего развития – уровня стратегического и всеобъемлющего стратегического партнерства. Выбор 2025 года в качестве завершающего этапа позволяет подвести итоги важнейшего периода

региональной дипломатии Пекина, в ходе которого в условиях масштабного кризиса евразийской безопасности (2022–2025 гг.) был окончательно сформирован Транскаспийский международный транспортный маршрут (Срединный коридор) как жизнеспособная альтернатива традиционным логистическим путям. В целях соблюдения принципа историзма в работе также кратко рассматривается предыстория отношений в период с 1992 по 2012 гг., что необходимо для выявления предпосылок и динамики последующего перехода к полномасштабной реализации инициативы «Пояс и Путь».

Источниковая база исследования опирается на массив разноплановых материалов на русском, китайском и английском языках, которые по видовому признаку были разделены на пять основных групп. Комплексный анализ данных документов позволил проследить эволюцию дипломатической стратегии Китая в рамках специальности «История международных отношений и внешней политики».

В первую группу вошли нормативно-правовые акты и концептуальные документы стратегического планирования КНР и государств Южного Кавказа. Ключевое значение для понимания правовых основ внешней политики Пекина имеют Конституция КНР / Редакция 11.03.2018³³ и Закон КНР о внешних связях (2023 г.)³⁴. Также проанализированы Концепции внешней политики РФ

³³中华人民共和国宪法 [Конституция КНР]. 14.06.2005. /中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 10.03.2025);

³⁴中华人民共和国对外关系法[Закон КНР о внешних связях]. 28.06.2023. / 中华人民共和国中央人民政府[Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/zcfg/fl/202306/t20230628_11105189.shtml (дата обращения: 10.03.2025).

(1993–2023 гг.), позволяющие оценить контекст российско-китайского взаимодействия в регионе³⁵. Со стороны государств Южного Кавказа изучены программные документы, закрепляющие национальные приоритеты, в частности, Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении стратегии «Азербайджан 2030»³⁶ и армянская инициатива «Перекресток мира». И официальные международные документы – двусторонние договоры, совместные заявления, декларации и коммюнике. Анализ этих источников позволяет восстановить динамику повышения статуса отношений от первых соглашений 1992 г. до Совместного заявления об установлении стратегического партнерства между КНР и Грузией (2023 г.), а также всестороннего стратегического партнерства с Азербайджаном и Арменией³⁷. Важное место занимают многосторонние документы в рамках ШОС, определяющие контуры региональной безопасности³⁸.

³⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 10.03.2025);

³⁶ «Национальные приоритеты социально-экономического развития: Азербайджан 2030». Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 года; Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030». URL: <https://president.az/ru/articles/view/50474> (дата обращения: 10.06.2025);

³⁷ «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/.../t20020315_9287841.shtml; 中华人民共和国和格鲁吉亚共和国建交联合公报. 09.06.1992; [«Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Армения»]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/.../t20040928_9306143.shtml; Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества. 14.07.2006; 中华人民共和国与格鲁吉亚关于建立战略伙伴关系的联合声明（全文）[Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии об установлении стратегического партнерства (полный текст)]. 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики]. 31.07.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/xgxw_676482/202307/t20230731_11120026.shtml

³⁸ Об участии делегации Секретариата ШОС в официальной церемонии открытия 4-го ЭКСПО «Китай-Евразия» и Форуме китайско-евразийского экономического развития и сотрудничества. Портал ШОС. 01.09.2014. URL:

Вторую группу составляют делопроизводственные материалы, включающие меморандумы о взаимопонимании, отчеты министерств иностранных дел КНР, Азербайджана, Армении и Грузии, а также протоколы заседаний межправительственных комиссий³⁹. Изучение этих документов позволило детально восстановить ход дипломатических переговоров по конкретным проектам в сфере энергетики и транспорта.

Третью группу составляют публицистические источники: программные речи и выступления политических лидеров, интервью и аналитические доклады. Особое внимание уделено трудам Председателя КНР Си Цзиньпина «О государственном управлении», в которых концептуализированы идеи «Сообщества единой судьбы человечества»⁴⁰. К этой же группе относятся интервью ведущих дипломатов региона, раскрывающие мотивы сближения с Пекином⁴¹.

Четвертую группу образуют статистические материалы и сообщения информационных агентств. Использование данных Национального бюро статистики КНР и отчетов Евразийского банка развития обеспечило эмпирическую верификацию интенсивности экономического присутствия

<https://rus.sectsc.org/20140901/8852.html?ysclid=mor5ewf4er437913071> (дата обращения: 10.06.2025)

³⁹ Встреча министра иностранных дел Армении с министром иностранных дел Китая. 26.06.2025. Министерство иностранных дел Армении. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2025/06/26/Mirzoyan_Wang_Yi/13337 (Дата обращения: 11.11.2025)

⁴⁰ Xi Jinping. The Governance of China. Vol. IV. Beijing, Foreign Languages Press, 2022. 658 p; 钱彤:《习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话》.《人民日报》. 2013 年 10 月 26 日. [ЦяньТун. Си Цзиньпин выступил с важной речью на симпозиуме по дипломатии соседних стран // Жэньминь Жибао, 26 октября 2013 г.]

⁴¹ From the interview of the Georgian news agency “Newsday” with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Georgia in China David Aptsiauri “What is the future of Georgian Chinese relations?” // Information Agency “Newsday”.

Китая⁴². Обращение к материалам агентств Синьхуа, АЗЕРТАДЖ и ТАСС позволило зафиксировать фактическую реализацию конкретных инициатив «на земле», от модернизации железной дороги БТК до запуска объектов «зеленой» энергетики⁴³.

В целом стоит отметить, что проблематика диссертационного исследования в российской, китайской и западной научной литературе нашла свое отражение, однако комплексного и глубокого анализа феномен не получил. Но высокая публикационная активность публицистических источников приводит к дискуссиям по некоторым вопросам, что позволяет провести исследование, опирающееся на разные точки зрения и подходы.

Методология исследования обусловлена поставленными целью и задачами, а также спецификой объекта и предмета диссертации. Теоретической базой работы выступает синтез положений структурного реализма К. Уолтца и теории неофункционализма. Применение структурного реализма позволило рассмотреть внешнеполитические и геоэкономические шаги Пекина, Москвы, Вашингтона и Брюсселя в Закавказье как закономерные действия великих держав, стремящихся к максимизации своего влияния и

⁴² Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая. [中国统计年鉴. 中国国家统计局. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (Дата обращения: 20.10.2024)]; Объем накопленных инвестиций Китая в Евразийском регионе превысил \$66 млрд: новый доклад ЕАБР. 25.12.2025. URL: <https://eabr.org/press/releases/obem-nakoplennykh-investitsiy-kitaya-v-evraziyskom-regione-prevysil-66-mlrd-novyy-doklad-eabr/> (дата обращения: 23.02.2026).

⁴³ Азербайджан и Китай приняли декларацию о стратегическом партнерстве. 04 июля 2024. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21267517> (Дата обращения: 08.08.2025); Подписанные между Азербайджаном и китайскими компаниями документы предусматривают производство 2,4 ГВт зеленой энергии. 23.04.2025. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. URL: https://azertag.az/ru/xeber/podpisannye_mezhdu_azerbaidzhanom_i_kitaiskimi_kompaniyami_dokumenty_predusmatrivayut_proizvodstvo_24_gvt_zelenoi_energii-3518915 (дата обращения 23.10.2025).

защите национальных интересов в условиях высокой международной турбулентности. В свою очередь, использование инструментария неофункционализма позволило автору детально проанализировать динамику взаимодействия КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией через развитие «функциональных связей» в энергетике и логистике.

Исследование основывается на принципах историзма, достоверности и научной объективности. Принцип историзма позволил изучить политику Китая на Южном Кавказе в хронологической последовательности, выявить исторические предпосылки нормализации дипломатических контактов в начале 1990-х гг. и проследить эволюцию этих связей до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства в 2025 г. Принцип достоверности обеспечил опору исключительно на верифицированные первоисточники и статистические данные, что позволило дистанцироваться от идеологизированных оценок, таких как западный нарратив о «китайской долговой ловушке», и сосредоточить внимание на всестороннем анализе реальных фактов.

Методы исследования. При проведении исследования применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы. Из общенаучных методов были задействованы анализ, синтез, детализация и абстрагирование, что способствовало воссозданию целостной картины китайского присутствия в регионе. В рамках системного подхода использовались специально-исторические методы: историко-сравнительный метод позволил выявить различия в подходах Пекина к государствам Южного Кавказа; историко-типологический метод обеспечил возможность классифицировать модели

двустороннего взаимодействия (ресурсно-энергетическую, транзитно-логистическую и балансирующую); проблемно-хронологический метод позволил изучить динамику реализации китайских интересов в условиях обострения глобальных и региональных вызовов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем выявлена и концептуально обоснована специфика эволюции политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в 1992–2025 гг. К значимым результатам, определяющим научную новизну, относятся следующие положения:

– установлено, что в 2013–2025 гг. политика КНР на Южном Кавказе изменила свою целевую функцию: из инструмента обеспечения безопасности границ и поддержания принципа «одного Китая» она превратилась в инструмент закрепления транзитного и инвестиционного присутствия; выявлено, что Пекин последовательно замещал модель прямого кредитования моделью совместных индустриальных и транзитных активов, что позволило ему расширять экономическое присутствие, избегая вовлечения в этнополитические конфликты региона;

– разработана и концептуально обоснована авторская историческая периодизация китайской политики на Южном Кавказе, демонстрирующая качественный переход от этапа «пассивного дипломатического зондирования» (1990-е гг.) к фазе «прагматичного инвестиционного присутствия» (2000-е – начало 2010-х гг.) и, наконец, к современному этапу «проактивного геоэкономического лидерства» (2013–2025 гг.) в рамках системной реализации глобальной стратегии «Пояс и Путь»;

– выявлены и предметно доказаны специфические, строго дифференцированные модели двустороннего взаимодействия Китая с государствами региона, учитывающие их ресурсную и геополитическую специфику: ресурсно-энергетическое стратегическое партнерство с Азербайджаном, транзитно-логистическая модель сотрудничества с Грузией на базе зоны свободной торговли и геополитически балансирующая модель отношений с Арменией;

– всесторонне исследован малоизученный в исторической ретроспективе фактор влияния постсоветских региональных этнополитических конфликтов (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) на архитектуру китайской дипломатии, что позволило раскрыть тактику «осторожного балансирования» Пекина, направленную на обеспечение безопасности инфраструктурных маршрутов без прямого политического вмешательства;

– детально проанализирована трансформация роли Транскаспийского международного транспортного маршрута (Срединного коридора) в китайском внешнеполитическом планировании, при этом доказано, что в условиях масштабного геополитического кризиса 2022–2025 гг. и санкционного давления Запада Южный Кавказ окончательно утвердился в стратегии КНР как транзитный хаб между Азией и Европой;

– концептуализирована институциональная и гуманитарная составляющая китайской дипломатии на Южном Кавказе, аргументированно показано, как КНР синхронизирует жесткую инфраструктурную политику с механизмами «мягкой силы» и интеграционными форматами в рамках ШОС, формируя комплексную, устойчивую к внешним шокам систему регионального присутствия;

– в научный оборот введен пласт оригинальных источников на русском, китайском и английском языках, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, включая новейшую документацию межправительственного диалога по торгово-инвестиционным вопросам и материалы китайских аналитических центров за период 2023–2025 гг., что позволило исследовать динамику деятельности КНР по формированию регионального сегмента «Сообщества единой судьбы».

Положения, выносимые на защиту.

1. В рассматриваемый период внешнеполитический курс Китайской Народной Республики на Южном Кавказе претерпел фундаментальную трансформацию: от политики пассивного дипломатического зондирования 1990-х гг. к стратегии проактивного регионального проектирования в 2013–2025 гг. Данная эволюция детерминирована качественным изменением иерархии национальных интересов Китая, где на смену обеспечению базовой безопасности границ пришло стремление к глобальному геоэкономическому лидерству и к закреплению в регионе в логике концепций «Пояса и Пути» и «Сообщества единой судьбы человечества», закреплённых в официальных внешнеполитических документах КНР.
2. В условиях масштабного кризиса европейской архитектуры безопасности и санкционной изоляции традиционных евразийских маршрутов после 2022 года, Южный Кавказ приобрел для Пекина статус дополнительного транзитного моста. Форсированное развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута (Срединного коридора) рассматривается китайским руководством как ключевой инструмент диверсификации логистических цепочек и минимизации зависимости от

влияния западных акторов, что превращает регион в опорный элемент глобальной связности в рамках инициативы «Пояс и Путь».

3. В целях расширения своего веса КНР применяет на Южном Кавказе разные способы сотрудничества, которые соответствуют особенностям каждого государства. С Азербайджаном Китай взаимодействует через добычу ресурсов и логистику, так как эта страна обладает нефтью, газом и крупными транспортными узлами. Для Грузии Китай является партнером в торговле и транзите, потому что между странами действует соглашение о свободной торговле. С Арменией Китай развивает проекты в сфере высоких технологий, так как республика находится в условиях закрытых транспортных путей.
4. На отношение Китая к местным территориальным спорам влияет метод, при котором экономическая выгода отделена от политики. При таком подходе Пекин ставит целью решение практических задач и получение прибыли, а не следование идеям или политическим правилам. КНР уменьшает угрозы для безопасности не через прямое участие в спорах, а через создание условий, когда участники конфликта зависят от общих доходов. Когда в 2020 году соотношение сил в регионе изменилось, это показало, что китайские представители могут быстро подстраиваться под усиление союза Азербайджана и Турции. И при этом Китай продолжает вести полезные переговоры с Ереваном.
5. Взаимодействие Китая с внерегиональными центрами силы на Южном Кавказе строится на модели сложного многоуровневого балансирования. Пекин гармонизирует свои проекты с интересами Российской Федерации в рамках Большого евразийского партнерства, признавая за Москвой роль

гаранта военно-политической стабильности, и одновременно предлагает республикам Закавказья привлекательную экономическую альтернативу западному давлению, исключая жесткую политическую обусловленность сотрудничества.

6. В ответ на системные экономические вызовы и распространение западного нарратива о «китайской долговой ловушке», КНР перешла к реализации стратегии «глубокой индустриальной привязки». Это выражается в переходе от прямого кредитования к созданию совместных индустриальных парков, локализации производств и форсированному экспорту китайских технологических стандартов в сфере «зеленой» энергетики, что обеспечивает долгосрочную рентабельность китайских активов и социальную легитимность присутствия Поднебесной в регионе.
7. Институциональное закрепление интересов КНР на Южном Кавказе обеспечивается синергией механизмов ШОС и инструментов гуманитарной дипломатии. Вовлечение Азербайджана и Армении в структуры ШОС в качестве партнеров по диалогу, дополненное широким расширением сети Институтов Конфуция, служит целям формирования лояльных национальных элит и создания единой нормативной среды, устойчивой к внешним идеологическим шокам.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в углублении научных знаний о механизмах взаимодействия великой державы с малыми государствами в условиях системного кризиса миропорядка. Материалы исследования вносят вклад в разработку истории международных отношений на евразийском пространстве, раскрывая специфику реализации китайских парадигмальных теорий («морального реализма»,

«реляционности», концепции «Тянься») в дипломатической практике на Южном Кавказе. Представленные выводы о дифференциации внешнеполитических подходов КНР и роли Срединного коридора дополняют теоретические представления о процессах формирования Большого евразийского партнерства и трансформации региональных подсистем международных отношений в эпоху глобальной турбулентности.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что систематизированные в ходе работы исторические факты, выявленные тенденции в торгово-экономическом и военно-политическом сотрудничестве КНР со странами Южного Кавказа могут представлять интерес для профильных ведомств (МИД, министерств экономического развития) при разработке долгосрочных стратегий на кавказском и китайском направлениях. Материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений при подготовке учебных курсов по истории внешней политики КНР, геополитике Кавказского региона и современным проблемам евразийской интеграции.

Степень достоверности исследования обеспечивается использованием обширного спектра официальных источников и документов на русском, английском и китайском языках, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Достоверность результатов подкрепляется применением комплексной методики историко-системного анализа, опорой на верифицированные статистические данные Национального бюро статистики КНР и международных институтов развития, а также глубоким критическим анализом экспертных оценок ведущих российских, китайских и западных

исследователей, изучающих проблемы Закавказья и инициативы «Пояс и Путь».

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования нашли отражение в шести научных публикациях автора по теме диссертации, изданных в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Перечень РUDN.

Структура диссертации строго подчинена логике научного поиска и решению поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения и обширного списка источников и литературы. Первая глава посвящена концептуальным основам и историческому контексту развития отношений КНР с южнокавказскими государствами в 1992–2012 гг. Вторая глава раскрывает содержание и ключевые направления политики Китая на Южном Кавказе в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь» в 2013–2025 гг. Третья глава представляет собой комплексный анализ геополитических, инфраструктурных и макроэкономических вызовов интересам Пекина в исследуемом регионе и оценку эффективности дипломатических механизмов адаптации КНР к данным угрозам.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭТАПЫ ПОЛИТИКИ КНР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (1992–2025 гг.)

Первая глава диссертационного исследования посвящена комплексному историко-дипломатическому анализу процесса становления, развития и концептуальной трансформации отношений между Китайской Народной Республикой и государствами Южного Кавказа. Распад биполярной системы и образование независимых Азербайджана, Армении и Грузии потребовали от Пекина выработки принципиально нового внешнеполитического курса на евразийском направлении. В данной главе подробно исследуется логичная эволюция китайской стратегии от формального дипломатического признания республик в начале 1990-х годов до выстраивания с ними отношений всеобъемлющего стратегического партнерства в условиях радикального изменения мирового баланса сил.

Хронологически материал главы разделен на этапы, отражающие смену внешнеполитических парадигм КНР: от реактивной дипломатии, сосредоточенной на безопасности и принципе «одного Китая», к превращению региона после 2013 г. в транзитно-энергетический узел инициативы «Пояс и путь». Особое внимание уделено дифференцированному подходу Пекина, который, избегая вовлечения в этнополитические конфликты, выстроил три модели взаимодействия с Баку, Ереваном и Тбилиси, опираясь на их ресурсный, логистический и геополитический потенциал.

1.1 Становление и развитие отношений КНР и южнокавказских государств в 1992–2012 гг.

Распад Союза Советских Социалистических Республик в декабре 1991 года привел к кардинальной перестройке системы международных отношений и формированию геополитического вакуума на обширных пространствах

Евразии. Появление новых независимых государств на Южном Кавказе потребовало от Пекина оперативной выработки обновленного внешнеполитического курса. Опираясь на теоретико-методологический аппарат неофункционализма, процесс развития двусторонних связей в период 1992–2012 годов целесообразно разделить на два качественно различающихся этапа. Начальный этап охватывает 1992–2001 годы и характеризуется исключительно политическим зондированием. Этап предварительного развития отношений приходится на 2002–2012 годы и отличается постепенным зарождением первичных функциональных связей в экономике.

Анализ начального этапа отношений КНР с государствами Южного Кавказа требует понимания эволюции китайской внешнеполитической мысли. Согласно концепции Е.Н. Грачикова и Чжоу Сяюй, именно в этот период (1979–2008 гг.) произошел переход от классовых приоритетов к реализации национально-государственных интересов (“ 国家利益 ”), что обусловило стремление Пекина к установлению стабильных связей с новыми республиками для обеспечения безопасности собственных границ⁴⁴.

Успешная трансформация взаимодействия из одной сферы в другую была невозможна из-за глубочайшего экономического кризиса в странах постсоветского пространства и сосредоточенности самого Китая на решении внутренних задач модернизации. Процесс установления дипломатических отношений между Пекином и южнокавказскими столицами носил стремительный и во многом формальный характер. 2 апреля 1992 года в Баку

⁴⁴ Грачиков Е.Н., Чжоу Сяюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.

был подписан первый базовый документ⁴⁵. Спустя несколько дней аналогичный шаг был предпринят в отношении Республики Армения⁴⁶, а также подтвержден в соответствующем заявлении китайского внешнеполитического ведомства⁴⁷. В начале июня того же года официальные контакты были окончательно закреплены с Грузией⁴⁸.

Критическое осмысление текстов данных учредительных документов позволяет выявить истинные мотивы китайской дипломатии того времени. Все три коммюнике были составлены по строгому единому шаблону без малейшего учета индивидуальных экономических или ресурсных особенностей Азербайджана, Армении или Грузии. В текстах соглашений полностью отсутствуют положения о торгово-экономическом сотрудничестве или инфраструктурной интеграции. Фундаментальным лейтмотивом документов выступает безоговорочное признание южнокавказскими республиками концепции «одного Китая» (“一个中国” 原则). Для китайского руководства в условиях трансформации миропорядка после холодной войны первоочередной задачей являлось обеспечение режима международной

⁴⁵ «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676284/1207_676296/200203/t20020315_9287841.shtml

⁴⁶ Двусторонние отношения. 11.02.2015. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Армения. URL: <http://www.mfa.am/ru/country-by-country/cn/> (Дата обращения: 28.10.2024)

⁴⁷ 中华人民共和国和亚美尼亚共和国建交联合公报. 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление «Об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Арменией». Портал МИД КНР] URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200011/t20001107_8003142.shtml (Дата обращения: 03.12.2024)

⁴⁸ 中华人民共和国和格鲁吉亚共和国建交联合公报 [Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Грузия] 09.06.1992. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/1207_676488/200011/t20001107_7978214.shtml (Дата обращения: 04.12.2024)

изоляции Тайваня. Новые независимые государства остро нуждались в легитимизации собственного суверенитета на мировой арене и потому легко принимали данные политические условия Пекина в обмен на дипломатическое признание.

Вторым концептуальным столпом базовых соглашений стало закрепление взаимодействия на основе «Пять принципов мирного сосуществования» (“和平共处五项原则”). Интеграция данных принципов в двусторонние документы имела глубокий прагматичный смысл. Южный Кавказ погружался в пучину этнополитических конфликтов и территориальных споров. Строгое следование принципам взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела позволяло Китаю выстраивать официальный диалог с местными правительствами без необходимости принимать чью-либо сторону в армяно-азербайджанском противостоянии или в вопросах сепаратизма на территории Грузии.

М.М. Агазаде подчеркивает, что распад СССР и последующая Вторая карабахская война внесли фундаментальные изменения в баланс сил в регионе, однако предпосылки для этих процессов закладывались еще на этапе становления независимости республик, когда Южный Кавказ стал рассматриваться как потенциальный «коридор» для транзита ресурсов и влияния⁴⁹.

Политические контакты на высшем уровне в период с 1994 по 2001 год стали основным инструментом институционализации отношений Китая с республиками Южного Кавказа. Историческое значение имел официальный

⁴⁹ Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.

визит президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в КНР, состоявшийся 7–10 марта 1994 года. По итогам переговоров с Председателем КНР Цзян Цзэмином было подписано «Совместное заявление об основах дружественных отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой»⁵⁰. Анализ текста документа показывает существенное расширение политической повестки по сравнению с учредительным коммюнике 1992 года. Стороны закрепили обязательства по созданию механизмов межпарламентского и межправительственного обмена, а также договорились о сотрудничестве в сфере борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью. Включение пункта о недопущении использования территории одной стороны третьими силами против другой стороны свидетельствует о стремлении Пекина обезопасить свои западные рубежи от угроз сепаратизма и экстремизма. Однако, несмотря на подписание ряда экономических соглашений, они не нашли отражения в тексте итогового политического заявления, что подтверждает приоритет вопросов безопасности над экономикой на данном этапе.

Параллельно развивался политический диалог с Арменией. В июле 1992 года состоялся визит вице-президента Гагика Арутюняна в Китай, в ходе которого было подписано межправительственное коммюнике и соглашение о предоставлении государственного кредита⁵¹. Последующий визит президента

⁵⁰ «Совместное заявление об основах дружественных отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой» URL: https://az.china-embassy.gov.cn/rus/sbjw/202011/t20201118_1098618.htm

⁵¹ 中华人民共和国和亚美尼亚共和国联合公报. 中华人民共和国外交部. [«Совместное Коммюнике между Правительством Китайской Народной Республикой и Правительством Республики Армения»] URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200011/t20001107_8003144.shtml (Дата обращения: 03.12.2024)

Левона Тер-Петросяна в мае 1996 года закрепил курс на создание правовой базы для деловой активности⁵². В отличие от азербайджанского вектора, где доминировала тематика безопасности, в диалоге с Ереваном акцент смещался на культурно-гуманитарное и научно-техническое сотрудничество, что нашло отражение в документах, подписанных в ходе визита премьер-министра Андраника Маргаряна в 2000 году⁵³.

В отношениях с Грузией ключевым событием стал визит Эдуарда Шеварднадзе в Китай в 1993 году. Подписанное «Совместное заявление»⁵⁴ зафиксировало взаимную поддержку территориальной целостности. Важным нюансом стало положение о том, что идеологические различия и выбор пути развития не должны препятствовать сотрудничеству. Это позволило Пекину сохранить каналы коммуникации с Тбилиси, несмотря на прозападный дрейф грузинской внешней политики.

Таким образом, дипломатическая активность 1990-х годов выполнила задачу-минимум – создала институциональный каркас двусторонних отношений. Однако, в силу отсутствия крупных совместных экономических

⁵² «Совместное коммюнике об основах дружественных отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Армения» [关于中华人民共和国和亚美尼亚共和国友好关系基础的联合公报]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200011/t20001107_9306140.shtml (дата обращения: 28.10.2024)

⁵³ 中国与亚美尼亚两国政府发表联合公报. [Совместное Коммюнике между Правительством Китайской Народной Республикой и Правительством Республики Армения]. МИД Китая. URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200012/t20001205_9306142.shtml (дата обращения: 28.10.2024)

⁵⁴ 中华人民共和国和格鲁吉亚共和国联合声明 [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Грузия]. 02.06.1993. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/1207_676488/200011/t20001107_9291138.shtml (Дата обращения: 04.12.2024)

проектов, политические декларации не трансформировались в реальную интеграцию.

Экономическое взаимодействие между Китаем и странами Южного Кавказа в 1990-е годы развивалось по сценарию, характерному для отношений КНР с развивающимися рынками в начальной фазе их открытия. Статистические данные демонстрируют устойчивый, но неравномерный рост торгового оборота, который, однако, оставался на крайне низком уровне в абсолютных показателях. Для наглядности динамика товарооборота сведена в аналитическую таблицу. (см. табл.1).

Таблица 1

**Динамика товарооборота Китая со странами Южного Кавказа
(1994–2001 гг.), тыс. долл. США**

Год	Грузия	Армения	Азербайджан	Итого по региону
1994	2 110	3 560	9 800	15 470
1995	400	880	3 780	5 060
1996	2 150	660	1 460	4 270
1997	4 080	370	15 660	20 110
1998	7 730	840	1 310	9 880
1999	3 730	11 590	1 140	16 460
2000	3 890	5 240	6 170	15 300
2001	7 000	3 440	15 040	25 480

Источник: Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая.⁵⁵

Анализ данных таблицы 1 показывает, что за рассматриваемый период совокупный товарооборот вырос более чем на 60%, однако структура торговли оставалась примитивной. Китай экспортировал преимущественно продукцию легкой промышленности (текстиль, обувь, бытовые товары), а импортировал

⁵⁵ Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая. [中国统计年鉴. 中国国家统计局. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (Дата обращения: 20.10.2024)]

сырьевые ресурсы и сельскохозяйственную продукцию. Характерной чертой этого периода является высокая волатильность показателей, обусловленная нестабильностью экономик стран региона, последствиями вооруженных конфликтов и отсутствием надежных логистических маршрутов. Например, резкое падение торговли с Азербайджаном в 1998–1999 годах коррелирует с мировым финансовым кризисом и падением цен на нефть.

Основной проблемой данного этапа стало отсутствие институциональных механизмов, способных конвертировать политические контакты в экономические проекты. Создание в 1999 году Китайско-азербайджанской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству⁵⁶ стало первой попыткой систематизировать взаимодействие, но реальные результаты этой работы проявились значительно позже. В отношениях с Арменией и Грузией подобные механизмы на тот момент отсутствовали.

С точки зрения теории неофункционализма, на данном этапе «эффект перелива» (spillover effect) не сработал. Низкоуровневая торговля товарами народного потребления не создавала потребности в углублении политической интеграции или гармонизации законодательства. Отсутствие крупных инфраструктурных и энергетических проектов, которые могли бы стать драйверами сотрудничества, консервировало отношения на уровне декларативной дипломатии. Китай в 1990-е годы был сосредоточен на привлечении инвестиций в собственную экономику и еще не обладал ресурсами для масштабной активности за рубежом, что также ограничивало потенциал экономического присутствия в регионе.

⁵⁶ Ван Люин. Торгово-экономическая и финансовая политика Китая в Азербайджане // Международные отношения. 2019. № 1

На рубеже тысячелетий внешнеполитическая стратегия Китая претерпела качественную трансформацию, связанную с вступлением страны во Всемирную торговую организацию и провозглашением курса «выхода вовне» (“走出去”). В этот период отношения с государствами Южного Кавказа переходят от формального дипломатического признания к попыткам наполнения их реальным экономическим содержанием. Визиты лидеров стран региона в Пекин в этот период зафиксировали новые приоритеты сотрудничества.

Визит президента Армении Роберта Кочаряна в Китай в сентябре 2004 года ознаменовался подписанием «Совместной декларации», в которой впервые был сделан акцент не только на политических принципах, но и на необходимости создания благоприятных условий для бизнеса⁵⁷. Важным сигналом стало взаимное осуждение политики двойных стандартов в вопросах прав человека, что свидетельствовало о сближении идеологических позиций Пекина и Еревана на международной арене.

В отношениях с Азербайджаном качественный скачок произошел в марте 2005 года во время визита Ильхама Алиева. Когда стороны подписали «Совместное заявление об установлении отношений дружбы и сотрудничества», они создали базу для того, чтобы партнеры взаимодействовали в сфере энергетики. В тексте указано, что приоритетными являются такие области, как нефть, газ, нефтехимия и машиностроение. Для этого периода характерно, что экономические интересы стали влиять на

⁵⁷ 中华人民共和国和亚美尼亚共和国联合声明. 中华人民共和国外交部. [«Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Армения»] URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200409/t20040928_9306143.shtml (Дата обращения: 03.12.2024)

политические решения. Из-за этого возникли условия, при которых сотрудничество в одной сфере ведет к интеграции в других областях, что называют неофункциональным «переливом». Посредством подписания 13 межправительственных соглашений была сформирована правовая система. На этой основе китайские компании получили возможность работать на рынке Азербайджана.

И в отношении Грузии китайская политика также развивалась, хотя внутренняя политическая ситуация в государстве была нестабильной. Когда Михаил Саакашвили посетил Китай в апреле 2006 года, стороны приняли «Совместное заявление о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества». С этим документом связано то, что китайские предприятия могут участвовать в процессах, когда государственное имущество переходит в частную собственность. К ним относятся обновление и техническое улучшение инфраструктуры, в том числе систем связи и транспорта.

Гибкость китайской дипломатии проявилась в том, что Пекин объявил о готовности взаимодействовать с Тбилиси независимо от того, какой идеологический курс избирает грузинское руководство. Показательной оказалась и линия Китая в период российско-грузинского противостояния 2008 года: отказавшись признать независимость Абхазии и Южной Осетии, КНР, по сути, встала на сторону территориальной целостности Грузии и тем самым сохранила доверие Тбилиси⁵⁸.

Соответственно, второй этап характеризуется тем, что подходы Китая к государствам региона расходятся: в случае с Азербайджаном упор делается на

⁵⁸ Грузия подтвердила позицию против «независимости Тайваня». Информационное агентство Синьхуа. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/ztbd/zgtw/t246114.htm>. (Дата обращения: 18.10.2024)

энергетику, во взаимодействии с Грузией на первый план выходят инфраструктура и транзит, а в отношениях с Арменией – политический диалог и гуманитарные связи. Что касается торгово-экономического взаимодействия, то во втором периоде оно совершило качественный рывок, чему способствовали как рост самой китайской экономики, так и относительное выравнивание экономической ситуации в странах Южного Кавказа.

Статистические данные свидетельствуют о многократном увеличении объемов взаимной торговли, что наглядно отражено в таблице. (см. табл.2)

Таблица 2

**Динамика товарооборота Китая со странами Южного Кавказа (2002–2012 гг.),
тыс. долл.**

Год	Грузия	Армения	Азербайджан	Итого по региону
2002	1 151	860	9 549	11 560
2003	2 812	649	23 816	27 277
2004	5 706	1 384	18 395	25 485
2005	4 342	2 338	25 805	32 485
2006	8 531	4 149	36 869	49 549
2007	19 233	8 921	47 656	75 810
2008	29 641	8 072	80 096	117 809
2009	20 980	11 138	68 174	100 292
2010	32 018	16 389	93 270	141 677
2011	79 917	17 035	108 634	205 586
2012	77 374	14 727	128 373	220 474

Источник: составлено автором на основе данных ⁵⁹.

Данные таблицы 2 показывают взрывной рост товарооборота: с 2002 по 2012 год совокупный объем торговли увеличился почти в 20 раз. Азербайджан окончательно закрепился в статусе главного торгового партнера Китая в

⁵⁹ Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая. [中国统计年鉴. 中国国家统计局. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (Дата обращения: 20.10.2024)]

регионе, что объясняется началом активного сотрудничества в энергетике. Приход китайской национальной корпорации CNPC на азербайджанский рынок⁶⁰ и участие китайских компаний в модернизации энергетической инфраструктуры⁶¹ создали первый прецедент успешного функционального сотрудничества, которое начало перерастать в более тесные межгосударственные связи.

В Грузии китайский капитал начал осваивать инфраструктурный сектор. Проекты строительства обьездной железной дороги вокруг Тбилиси и создание Свободной индустриальной зоны «Хуалинг»⁶² стали первыми примерами прямых китайских инвестиций, которые впоследствии легли в основу переговоров о зоне свободной торговли. В Армении, несмотря на отсутствие общей границы и логистические сложности, активизировался малый и средний бизнес, а создание совместного предприятия по производству каучука «Шаньси-Наирит» продемонстрировало потенциал производственной кооперации⁶³.

Параллельно с экономикой развивалось гуманитарное измерение. Появление первых Институтов Конфуция – в Ереване (2008), Тбилиси (2010)⁶⁴ и Баку (2011) – заложило инструмент «мягкой силы» и подготовило

⁶⁰ Business Watch: November 18, 2003. RadioFreeRadio.URL: <https://www.rferl.org/a/1341592.html> (Датаобращения: 11.10.2024)

⁶¹ Бабаян Давид. Некоторые аспекты политики КНР на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 1

⁶² Давид Бабаян. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. № 2 (18)

⁶³ 孙玉华, 任雪梅. 中国与亚美尼亚关系的历史、现状及前景展望 // 东北亚外语研究. 2018. 6(01):85-90. DOI: 10.16838/j.cnki.21-1587/h.2018.01.014. [Sun Yuhua, Ren Xuemei. A Review of Sino-Armenia Relation: The History, Current Situation and its Prospect // Foreign Language Research In Northeast Asia. 2018. 6(01):85-90.]

⁶⁴ Мокрецкий Александр Чеславович. Отношения КНР и СНГ: новые горизонты развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17

основу для последующего стратегического сближения. Подводя итог периоду 1992–2012 годов, можно утверждать, что именно тогда накопилась та критическая масса, которая позволила отношениям выйти на новый уровень. Если в 1990-е годы дело ограничивалось преимущественно политическим признанием, то в 2000-е – на волне подъема китайской экономики и стратегии «выхода вовне» – в регионе возникли первые очаги функционального сотрудничества. Тем не менее «эффект перелива» проявился неодинаково: наиболее отчетливо – в Азербайджане (связка «энергетика – политика») и Грузии (связка «инвестиции – инфраструктура»), тогда как в Армении экономическая интеграция сдерживалась геополитическими обстоятельствами. Именно эти процессы задали различный характер подключения стран региона к инициативе «Пояс и Путь» после 2013 года. Наряду с ростом товарооборота период 2002–2012 годов ознаменовался и качественным изменением самого китайского экономического присутствия: наметился переход к прямым иностранным инвестициям и осуществлению инфраструктурных проектов.

Этот сдвиг был обусловлен стратегией Пекина по интернационализации своих предприятий, которые искали новые рынки сбыта технологий и приложения капитала. В Азербайджане ключевым драйвером инвестиционного сотрудничества закономерно стал энергетический сектор. В сентябре 2003 года визит руководства Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) в Баку заложил основу для участия китайского капитала в разработке каспийских недр ⁶⁵. Показательным примером успешного

⁶⁵ BusinessWatch: November 18, 2003. RadioFreeRadio.URL: <https://www.rferl.org/a/1341592.html> (Датаобращения: 11.10.2024)

функционального сотрудничества стал контракт Китайской национальной электротехнической корпорации (CNEEC) на реконструкцию Азербайджанской ТЭС, обеспечивавшей почти половину генерации электроэнергии в стране⁶⁶. Также в этот период началось проникновение китайских телекоммуникационных гигантов: участие ZTE Corporation в выставке BakuTel 2009 обозначило интерес Пекина к цифровизации региона⁶⁷.

В Армении, несмотря на закрытые границы и сложную логистику, китайский бизнес выбрал тактику создания совместных производственных предприятий. Примером такой стратегии стало сотрудничество компании Shanxi Synthetic Rubber Co. Ltd. с армянским заводом «Наирит» по производству синтетического каучука, запущенное в 2004 году. Позднее, в 2009 году, было создано совместное предприятие с участием Xinjiang Xinyuan Industry and Trade Company⁶⁸. Эти проекты, хотя и не носили системного макроэкономического характера, выполняли важную функцию поддержания экономического присутствия Китая в условиях геополитической изоляции Еревана.

В Грузии китайская инвестиционная активность приобрела ярко выраженный инфраструктурный и логистический характер, предвосхищая идеи будущего «Пояса и пути». В апреле 2010 года китайские корпорации Sino Hydro и China Railway 23rd Bureau Group приступили к реализации стратегически важного проекта строительства обьездной железной дороги

⁶⁶ Бабаян Давид. Некоторые аспекты политики КНР на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 1

⁶⁷ Сегодня начинает работу BakuTel 2009. Life. AZ. 04.11.2025. URL: <http://www.news.life.az/index.php?newsid=3838> (дата обращения: 24.10.2024)

⁶⁸ 驻亚美尼亚大使宏九印出席中亚合资企业签字仪式. Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Armenia. 21.05. 2009. URL: https://am.china-embassy.gov.cn/xwdt/200905/t20090521_1700931.htm (дата обращения: 31.10.2024)

вокруг Тбилиси⁶⁹. Кульминацией этого этапа стало начало строительства в 2012 году Хуалинградской свободной индустриальной зоны, которая превратилась в крупнейший китайский инвестиционный хаб в регионе. Именно успешная реализация этих проектов создала предпосылки для начала диалога о зоне свободной торговли. С точки зрения неофункционализма, именно в Грузии и Азербайджане инвестиционное сотрудничество начало формировать устойчивые функциональные связи, которые требовали дальнейшей политической поддержки, запуская тем самым механизм «перелива» из экономики в политику.

Параллельно с наращиванием экономического присутствия Китая в 2000-е годы приступил к системному формированию инструментов «мягкой силы» на Южном Кавказе, осознавая, что долгосрочное партнерство невозможно без культурного взаимопонимания и подготовки лояльных кадров. Ключевым институциональным механизмом этой стратегии стало создание сети Институтов Конфуция. Первым в регионе стал Институт Конфуция в Ереване, открытый в 2008 году на базе Ереванского государственного лингвистического университета имени В. Брюсова. Данный шаг наглядно показал, насколько своеобразной была линия Пекина в отношении Армении: именно культурная и образовательная сферы традиционно брали на себя роль своего рода противовеса скромному экономическому потенциалу сторон.

Что касается Грузии, то заметный сдвиг в гуманитарном направлении случился в 2010 году, когда при Свободном университете Тбилиси заработал Институт Конфуция – плод сотрудничества с Университетом Ланьчжоу.

⁶⁹ Давид Бабаян. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. № 2 (18)

Появление этого центра сложно назвать самостоятельным жестом культурной дипломатии; скорее оно органично встроилось в общий рост деловой и инвестиционной активности Китая в республике. Формальная почва для такого шага была заложена еще в 1993 году, когда стороны заключили соглашение о культурном взаимодействии ⁷⁰, однако практическим содержанием этот документ наполнился лишь примерно пятнадцать лет спустя – тогда, когда совместные проекты породили спрос на кадры, владеющие китайским языком.

Азербайджанское направление гуманитарной политики Пекина сложилось несколько позднее: в 2011 году свои двери открыл Институт Конфуция при Бакинском государственном университете. В этом случае культурные инициативы шли рука об руку с политическим диалогом – так, Дни культуры Азербайджана в Китае и зеркальные мероприятия в Баку в 2011–2012 годах создавали благоприятный фон для энергетических переговоров. В итоге к 2012 году Пекин довел до конца формирование опорной сети культурного присутствия сразу в трех республиках. Через призму неофункционализма это уместно рассматривать как подготовку почвы, на которой позднее могли бы прижиться более масштабные интеграционные проекты. Гуманитарные контакты уже не были простым дополнением к дипломатии – они превратились в своего рода «смазку» экономического механизма, сглаживая культурные различия и укрепляя благоприятный образ Китая в глазах местных элит и населения.

Если рассматривать всю траекторию китайско-южнокавказских отношений в 1992–2012 годах с опорой на неофункционалистскую оптику,

⁷⁰ Селезнева Наталья Викторовна. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26

становятся видны как основные закономерности, так и структурные пределы стратегии Пекина на этом отрезке истории.

Прежде всего, характер взаимодействия отчетливо распадается на этапы, каждый из которых соответствует наращиванию совокупной мощи Китая. На первом отрезке (1992–2001) действия Пекина были преимущественно ответными и вращались вокруг элементарных задач безопасности – изоляции Тайваня на международной арене и недопущения внешней поддержки уйгурского сепаратизма. Экономика в этой конфигурации оставалась на периферии, а функциональные связи попросту не сложились, что закрывало путь к любой интеграции.

Далее, на этапе становления (2002–2012) уже начали проступать черты избирательного подхода, учитывающего ресурсные и транспортно-логистические особенности каждого партнера. С Азербайджаном мотором сближения выступила энергетика, запустившая привычный сценарий «перетекания» из хозяйственной сферы в политическую. В Грузии опорой стали вложения в инфраструктуру, заложившие основу для ее последующей транзитной функции. Армянское же направление в силу объективных геополитических рамок развивалось главным образом в политико-гуманитарной плоскости и не дошло до плотной экономической связки.

Наконец, при всем кратном увеличении товарооборота и появлении первых инвестиционных начинаний целостной региональной стратегии у Китая к 2012 году так и не выработалось. Его присутствие носило разрозненный характер и во многом определялось сиюминутными обстоятельствами. Тем не менее выстроенный за эти годы институциональный контур (договорно-правовая база, механизмы межправительственных

комиссий) вместе с инструментарием «мягкой силы» (Институты Конфуция) послужил тем основанием, на которое впоследствии оперлась глобальная инициатива «Пояс и путь».

Таким образом, двадцатилетний период стал этапом накопления потенциала, необходимого для перехода от двустороннего формата к системному региональному проектированию.

1.2 Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в 2013–2025 гг.

Осенью 2013 года стала поворотным моментом в евразийской стратегии Пекина. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Астане и Джакарте, выдвинул амбициозную инициативу, объединившую концепции Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Проект, получивший название ««一帶一路»» («Один пояс , один путь», позже – «Пояс и Путь»), ознаменовал переход Китая от региональной политики к глобальному геоэкономическому проектированию.

Интересы КНР в регионе после 2013 года неразрывно связаны с концепцией Большого евразийского партнерства. По оценке С.С. Жильцова, российская инициатива партнерства и китайский проект «Пояс и Путь» совместно выстраивают новую интеграционную конфигурацию, в которой Южному Кавказу отводится роль важнейшего связующего звена, скрепляющего экономическое пространство незападных центров силы⁷¹.

В рамках этой новой архитектуры регион обрел статус стратегически значимого транзитного узла. Три республики – Азербайджан, Грузия и Армения – попали в поле зрения Пекина благодаря своему исключительному

⁷¹ Жильцов С.С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 4. С. 425–435.

расположению на стыке Европы и Азии, соединяющему Каспий и Черное море. Значимость региона для Китая повысило прежде всего то, что на фоне растущей нестабильности традиционных путей возникла потребность в диверсификации торговых маршрутов. Южный Кавказ – составная часть Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), который также называют «Средним коридором». Развитие этого направления дает Китаю возможность уменьшить зависимость от северного коридора, идущего через Россию, что после 2022 г., в условиях геополитической турбулентности, приобрело критическое значение. Еще на саммите ШОС в Бишкеке в сентябре 2013 г. Си Цзиньпин изложил концепцию «Пяти связей» (“ 五 通 ”): координация в политике, взаимосвязанность инфраструктуры, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и контакты между людьми⁷². Именно эта схема стала фундаментом обновленного курса Пекина на Южном Кавказе. С геоэкономической точки зрения интерес КНР не сводится к одному лишь транзиту: регион соседствует с богатыми энергоресурсами Каспием и Ираном, что открывает перспективу формирования единой энергетической сети. Стратегические интересы КНР на Южном Кавказе после 2013 г. претерпели качественное изменение – обозначился последовательный переход от простого ввоза сырья к деятельному участию в создании новой региональной энергетической архитектуры. По мере реализации глобальной инициативы «Пояс и Путь»

⁷²钱彤: 《习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话》, 《人民日报》2013 年 10 月 26 日, 第 1 版. [Цянь Тун. Си Цзиньпин выступил с важной речью на симпозиуме по дипломатии соседних стран // Жэньминь Жибао, 26 октября 2013 г.]

вопрос энергобезопасности Китая стал осмысляться сквозь призму строительства диверсифицированных сухопутных коридоров.

Данные маршруты призваны эффективно нивелировать риски традиционных морских поставок через Малаккский пролив. В этой обновленной конфигурации Азербайджанская Республика приобрела статус стержневого партнера Пекина. Страна обладает не только уникальными запасами углеводородов в Каспийском бассейне, но и развитой сетью трубопроводов для их экспорта. Исследователи справедливо отмечают, что китайский интерес к каспийским ресурсам продиктован стремлением создать трансконтинентальную сеть снабжения. Такая сеть должна связать три ключевых нефтегазоносных региона – Россию, Персидский залив и Каспийское море – в единую систему энергетического обеспечения КНР⁷³.

Критический анализ отраслевой специфики китайского присутствия позволяет выявить дифференциацию интересов Пекина в отношении каждой из республик Южного Кавказа. Если в азербайджанском векторе доминирует традиционная добыча нефти и нефтехимия, то в Грузии и Армении акцент смещен на возобновляемые источники и транзитные инфраструктурные мощности. Представляется, что такая стратегия является прямым следствием прагматичного подхода Пекина. Китайское руководство виртуозно адаптирует свои цели под конкретные ресурсные и геополитические возможности принимающей стороны.

Для объективной оценки динамики экономического присутствия Пекина в регионе автором были систематизированы статистические данные о

⁷³ Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. (дата обращения: 23.02.2026)

товарообороте КНР с Азербайджаном, Грузией и Арменией за период 2013–2025 гг., которые представлены в Таблице 3 (см. табл.3).

Таблица 3

**Динамика и структура товарооборота КНР с государствами Южного Кавказа в период реализации инициативы «Пояс и Путь» (2013–2025 гг.),
млн долл. США**

Государство / Показатель	2013 г.	2017 г.	2021 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г. (итог)
Азербайджан	711	944	2184	3100	3500	4210
<i>в т.ч. экспорт из КНР</i>	<i>492</i>	<i>615</i>	<i>1450</i>	<i>2150</i>	<i>2450</i>	<i>3050</i>
<i>в т.ч. импорт в КНР</i>	<i>219</i>	<i>329</i>	<i>734</i>	<i>950</i>	<i>1050</i>	<i>1160</i>
Грузия	602	823	1480	1640	1850	2080
<i>в т.ч. экспорт из КНР</i>	<i>510</i>	<i>630</i>	<i>1120</i>	<i>1250</i>	<i>1400</i>	<i>1620</i>
<i>в т.ч. импорт в КНР</i>	<i>92</i>	<i>193</i>	<i>360</i>	<i>390</i>	<i>450</i>	<i>460</i>
Армения	458	592	1260	2120	2280	2640
<i>в т.ч. экспорт из КНР</i>	<i>380</i>	<i>410</i>	<i>840</i>	<i>1580</i>	<i>1720</i>	<i>1980</i>
<i>в т.ч. импорт в КНР</i>	<i>78</i>	<i>182</i>	<i>420</i>	<i>540</i>	<i>560</i>	<i>660</i>
ИТОГО ПО РЕГИОНУ	1771	2359	4924	6860	7630	8930

Источник: составлено автором на основе данных Национального бюро статистики КНР⁷⁴, материалов Государственного таможенного комитета Азербайджанской Республики⁷⁵, Национального статистического управления Грузии⁷⁶ и Статистический комитет Республики Армения⁷⁷.

Для детального сопоставления этих векторов ниже представлена аналитическая характеристика стратегических приоритетов (см. Таблицу 4).

Таблица 4

⁷⁴ Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая. [中国统计年鉴. 中国国家统计局].

⁷⁵ Государственный таможенный комитет Азербайджанской Республики. Статистика внешней торговли. URL: <https://customs.gov.az/ru/faydali/statistika/> (дата обращения: 23.04.2025)

⁷⁶ Национальное статистическое управление Грузии (ГЕОСТАТ). Внешняя торговля Грузии. URL: <https://www.geostat.ge/ru/modules/categories/35/vneshnyaya-torgovlya> (дата обращения: 23.03.2025)

⁷⁷ Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/ru/> (дата обращения: 25.04.2025)

Дифференциация стратегических интересов КНР в государствах Южного Кавказа (2013–2025 гг.)

Страна	Ключевой сектор интересов	Основной инструмент реализации	Ожидаемый стратегический эффект для КНР
Азербайджан	Традиционная энергетика и глубокая нефтехимия	Прямые инвестиции госкорпораций (CNPC, Sinopec, CNCEC)	Укрепление национальной безопасности, доступ к каспийским ресурсам
Грузия	Транзитная логистика, торговля и портовая база	Зона свободной торговли (ЗСТ), инвестиции в глубоководные порты (Анаклия)	Создание беспоплиного коридора для продвижения китайских товаров на рынок ЕС
Армения	Геополитическое равновесие и высокие технологии	Нишевые проекты (спутниковая связь, ГИС), модернизация трасс «Север-Юг»	Поддержание региональной стабильности, ограничение пантюркистской идеологии

Источник: составлено автором на основе анализа данных⁷⁸ и ⁷⁹

Особое значение в системе приоритетов Китая приобрел сектор возобновляемой энергетики. Пекин смотрит на это направление шире, чем на обычную коммерцию: для него это еще и удобный способ продвигать вовне собственные технические стандарты. Так, в Азербайджане китайские компании доводят до реализации проект Гобустанской солнечной электростанции, что укладывается в задачи национальной стратегии «Азербайджан-2030». Армения же привлекательна с иной стороны – здесь речь идет об обновлении атомной отрасли и о распространении китайских ГИС-решений. Действуя сразу по нескольким линиям, Китай постепенно завязывает регион на свои технологии, а это и есть та самая почва, на которой срабатывает

⁷⁸ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

⁷⁹ Кумуков А. М. Страны Южного Кавказа во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 43–54

неофункциональный «эффект перелива»: как только сотрудничество доходит до уровня общих стандартов, сторонам поневоле приходится согласовывать политику и сближать национальное законодательство.

Все это разворачивается на фоне довольно осторожного международного соперничества. Начиная с 2022 года Евросоюз заметно нарастил усилия, стремясь заместить российские энергоносители каспийскими. Однако подобная линия Запада напрямую расходится с расчетами Пекина, который рассчитывает замкнуть на себе отдельные звенья логистических цепочек. В такой обстановке негласное превращение Китая в регионального гаранта стабильности оказывается для него способом уберечь собственные вложения. Пекин делает ставку на экономический вес как на рычаг, удерживающий регион от крупных вооруженных конфликтов, которые могли бы обнулить уже построенную инфраструктуру. По сути, Китай на деле реализует принцип «развитие ради мира», где именно хозяйственная выгода служит главным тормозом для политических потрясений⁸⁰.

Ключевым же звеном стратегических расчетов КНР в рассматриваемом регионе является создание надежной транспортно-логистической системы, которая соединила бы производственные центры Восточной Азии с потребительскими рынками Европы. В логике инициативы «Пояс и путь» Южный Кавказ для Пекина – отнюдь не проходной коридор, а узловая геополитическая развязка, от которой зависит работоспособность Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), больше известного как «Средний коридор». В литературе отмечается, что вплоть до

⁸⁰ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

2022 года этот путь воспринимали лишь как необязательную подстраховку к северной трассе, идущей через территорию России. Но резкая смена международной конъюнктуры и обширные санкции, затронувшие привычные евразийские магистрали, заставили заново, причем радикально, оценить вес кавказского транзита⁸¹.

Особая значимость Южного Кавказа как логистического узла объясняется для Китая курсом на предельно широкую диверсификацию маршрутов доставки. Пекин методично снижает свою привязку к монопольным транзитным направлениям, что дает ему возможность подстраховываться от геополитических рисков. Нынешняя картина инфраструктурной связанности региона говорит о том, что интересы Китая здесь рассчитаны надолго и уже глубоко вплетены в местную ткань. Вовлеченность китайских госкорпораций в модернизацию глубоководных портов на грузинском черноморском побережье и наращивание пропускной способности железной дороги Баку – Тбилиси – Карс закладывают материальный фундамент для доминирования Пекина в грузопотоках Евразии. Чтобы системно показать, в чем преимущества и особенности кавказского транзита в сопоставлении с альтернативными маршрутами, ниже приводится соответствующий аналитический разбор (см. табл. 5).

Таблица 5

Сравнительный анализ евразийских транзитных маршрутов в фокусе китайских интересов

⁸¹ А. Пылин. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-na-yuzhnom-kavkaze-i-ih-tranzitnyy-potentsial> (дата обращения: 23.02.2026)

Характеристика маршрута	Северный коридор (через РФ)	Средний коридор (Южный Кавказ)	Морской путь (через Суэц)
Время в пути до ЕС	15–20 суток	12–15 суток	35–45 суток
Ключевые риски	Санкционное давление, политическая изоляция	Географическая сложность, региональные конфликты	Уязвимость морских проливов, пиратство, пробки
Степень китайского контроля	Умеренная (зависимость от РЖД)	Высокая (инвестиции в порты и ЗСТ)	Ограниченная (международные воды)
Стратегический приоритет	Традиционный основной путь	Главный альтернативный вектор	Резервный канал поставок

Источник: составлено автором на основе анализа⁸² и⁸³

Становление логистической инфраструктуры на Южном Кавказе можно с полным основанием считать наглядным воплощением идей неофункционализма на практике. Стоит сторонам начать с сугубо технических вещей – прокладки дорог, обустройства портов, – как почти сразу возникает необходимость сводить к единому знаменателю таможенные правила, выравнивать транспортные тарифы и учреждать надгосударственные координирующие структуры. Именно тут и включается механизм «перелива»: то, что начиналось как чисто хозяйственный расчет Пекина, постепенно перерастает в запросы политического свойства. Ведь Китаю важно не просто строить трассы, а выстроить целостную систему управления транзитом, в которой роль нормативной опоры отводится китайским техническим стандартам и цифровым сервисам – в частности, в контуре Цифрового Шелкового пути.

⁸² Hao Kun. Construction of the Trans-Caspian International Transport Route: Process, Challenges and Thoughts // Journal of International Relations. 2024. № 5

⁸³ А. Пылин Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory-na-yuzhnom-kavkaze-i-ih-tranzitnyy-potentsial> (дата обращения: 09.03.2026).

Не меньшее значение имеет и включение Южного Кавказа в морскую коммуникационную сеть. Вложения Китая в порт Анаклия воспринимаются как заявка на создание стратегической опорной точки в бассейне Черного моря. Благодаря этому Пекин получает возможность держать под контролем не только сухопутные перевозки, но и замкнуть цепочку поставок, соединив кавказский транзит с балканским маршрутом, а через него – с Центральной Европой. В результате к рубежу 2025 года Южный Кавказ в китайской системе приоритетов окончательно перестает быть второстепенной окраиной и превращается в одну из несущих конструкций евразийской транспортной архитектуры.

Что касается региональной безопасности, то Пекин официально оценивает ее через неразрывную связку между устойчивостью международной обстановки и защищенностью собственных западных границ. По мере разворачивания инициативы «Пояс и путь» руководство КНР окончательно распрощалось с ролью стороннего наблюдателя за местными конфликтами и перешло к тактике мягкого сдерживания, опирающейся на экономическое присутствие.

Южный Кавказ в системе интересов КНР выступает не только как транзитный коридор, но и как важный геополитический буфер, отделяющий пространство Центральной Азии от зон нестабильности на Ближнем Востоке. Исследователи подчеркивают, что стабильность кавказского перешейка напрямую коррелирует с контртеррористической ситуацией в СУАР, поскольку

регион исторически служил каналом проникновения радикальных идеологий и пантюркистских настроений вглубь евразийского континента⁸⁴.

Китайская стратегия безопасности в регионе опирается на уникальную концепцию «развития ради мира», предполагающую, что создание глубокой экономической взаимозависимости является лучшим предохранителем от вооруженной эскалации. Пекин последовательно придерживается принципа невмешательства во внутренние дела, воздерживаясь от прямой поддержки какой-либо стороны в затяжных этнополитических спорах. В вопросе Нагорно-Карабахского конфликта и территориальной целостности Грузии Китай демонстрирует подчеркнуто сбалансированную позицию, призывая к мирному урегулированию на основе международного права. Согласно имеющимся данным, такая отстраненность не является признаком слабости, а представляет собой продуманный инструмент сохранения статуса «независимого арбитра», что позволяет Китаю беспрепятственно наращивать активы во всех трех республиках региона одновременно. Специфика китайского подхода к региональным вызовам безопасности отражена в следующей таблице (см. табл.6).

Таблица 6

Механизмы реагирования КНР на вызовы безопасности на Южном Кавказе

Уровень угрозы	Характер вызова	Механизм реагирования КНР	Результат для региональной стабильности
Трансграничный	Распространение экстремизма и терроризма	Углубление обмена разведанными, антитеррористическое	Создание пояса безопасности

⁸⁴ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

		сотрудничество в рамках ШОС	вокруг западных провинций КНР
Межгосударственный	Территориальные споры (Карабах, Абхазия, Осетия)	Экономическое «умиротворение», инвестиции в совместную инфраструктуру	Снижение вероятности разрушения транзитных коридоров
Идеологический	Пантюркизм и внешнее вмешательство Запада	Наращивание «мягкой силы», продвижение концепции «Сообщество единой судьбы»	Укрепление суверенной устойчивости государств-партнеров

Источник: составлено автором на основе анализа⁸⁵ и⁸⁶

Применение неофункционального подхода к анализу сферы безопасности позволяет выявить процесс формирования так называемых «сообществ безопасности» через функциональное взаимодействие. Первоначальный запрос на защиту китайских инвестиций в энергетику и транспорт неизбежно приводит к необходимости институционализации связей в оборонной сфере. Анализ показывает, что «эффект перелива» начинает действовать в военнотехническом сотрудничестве: Китай переходит от обучения кадров к поставкам высокотехнологичных оборонительных систем, как в случае с Азербайджаном. При этом Пекин стремится интегрировать вопросы безопасности Южного Кавказа в более широкие многосторонние форматы, прежде всего через механизмы Шанхайской организации сотрудничества, где Армения и Азербайджан имеют статус партнеров по диалогу.

⁸⁵ Hou Aijun. Security Risks Faced by China in the Transcaucasian Region and Its Risk-aversion Efforts // International Security Studies. 2019. 7(02):68-90

⁸⁶ Князев А. Ближний Восток и Южный Кавказ создают условия для союза России, Ирана и Китая. Ситуационный анализ МГИМО. 15.09.2025

Вместе с тем интерес Китая в сфере безопасности после 2022 года приобрел новый вектор, связанный с необходимостью балансирования между интересами России и Турции. Пекин осознает риски формирования новых военно-политических альянсов, которые могли бы ограничить его доступ к инфраструктуре ТМТМ. В этих условиях поддержка регионального мира становится для Китая не просто гуманитарной миссией, а прагматичным инструментом обеспечения непрерывности функционирования «Пояс и Путь». Таким образом, интересы безопасности КНР на Южном Кавказе эволюционировали от пассивной защиты границ к активному участию в конструировании стабильной среды, исключающей доминирование одного внешнего игрока.

Интересы Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в период с 2013 по 2025 год вышли далеко за рамки традиционных секторов энергетики и транспорта, охватив сферу высоких технологий и цифровой инфраструктуры. Через концепцию «Цифрового Шелкового пути» (“数字丝绸之路”) Пекин намерен сформировать в регионе современную коммуникационную инфраструктуру, опирающуюся на китайские технологические стандарты. Китайское руководство рассматривает это направление как средство создания у стран Южного Кавказа долговременной технологической зависимости, что, в свою очередь, обеспечивает КНР устойчивое политическое влияние. Как отмечают исследователи, развертывание сетей 5G и строительство дата-центров дают Китаю возможность встроить регион в собственную глобальную информационную экосистему и потеснить западных цифровых гигантов⁸⁷.

⁸⁷ Китай усиливает позиции на Южном Кавказе. FPRI. 26.11.2021

В сфере высоких технологий Китай применяет к странам Южного Кавказа стратегию «технологических ниш», подстраивая ее под конкретные потребности каждого государства. Так, в Азербайджане ставка сделана на программу Azerbaijan Digital Hub, цель которой – превратить Баку в региональный телекоммуникационный узел, связывающий рынки Китая и Европы. Армения же выступает объектом интереса Пекина в сфере инновационных и космических технологий.

Согласно имеющимся данным, участие Китая в проекте создания армянского телекоммуникационного спутника является классическим примером реализации геополитических интересов через технологическую помощь⁸⁸. Для системного анализа технологического присутствия КНР в регионе ниже приведена обобщающая характеристика (см. табл.7).

Таблица 7

Ключевые проекты КНР в технологической сфере на Южном Кавказе (2013–2025 гг.)

Страна	Приоритетное направление	Основной партнер от КНР	Характер стратегического интереса
Азербайджан	Телекоммуникационные коридоры и 5G	Huawei, ZTE	Создание регионального цифрового хаба в рамках сопряжения с ТМТМ
Армения	Космические технологии и ГИС	Xinjiang Xihai Industrial Group	Диверсификация каналов влияния через инновационные нишевые проекты
Грузия	Смарт-инфраструктура и логистика	Huawei Technologies	Интеграция портовых мощностей в глобальную цифровую сеть Китая

⁸⁸ Мокрецкий А. Ч. Страны Закавказья в китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. № 21

Источник: составлено автором на основе данных⁸⁹ и⁹⁰

С позиции теории неофункционализма технологическая интеграция выступает эффективным катализатором «эффекта перелива». Внедрение китайских аппаратных и программных решений неизбежно ведет к необходимости обучения местных кадров по китайским методикам и формированию единой регуляторной базы в сфере информационной безопасности. Очевидно, что данный процесс создает условия для перехода от технического взаимодействия к глубокому политическому согласованию позиций по вопросам глобального управления интернетом и цифрового суверенитета. В частности, проект «умного города» в Ереване с участием Huawei демонстрирует, как сугубо коммерческая инициатива трансформируется в инструмент укрепления административных и правоохранительных связей между государствами.

Вместе с тем цифровая политика Пекина на Южном Кавказе сталкивается с растущим противодействием со стороны Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза. Попытки Вашингтона ограничить влияние Huawei в Грузии и навязать западные стандарты безопасности 5G создают новые геополитические линии разлома в регионе. В этих условиях Китай вынужден сочетать технологическое предложение с финансовыми преференциями и инвестициями в социальную инфраструктуру. Таким образом, технологические интересы КНР на Южном Кавказе к 2025 году стали

⁸⁹ Керобян обсудил с представителями Huawei Technologies внедрение «умных» технологий в экономике Армении. 23.10.2023. ARMBANKS. URL: https://arkatelecom.am/news/telecom/kerobyan_obsudil_s_predstavitelyami_huawei_tekhnologiy_v_ekonomike_arm/ (дата обращения: 23.02.2026)

⁹⁰ Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: Сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2

неотъемлемой частью стратегии по обеспечению комплексного технологического лидерства Пекина в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь».

Финансовое и гуманитарное измерения политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в период реализации инициативы «Пояс и Путь» выступают в качестве необходимых вспомогательных инструментов для консолидации экономических и геополитических достижений. В отличие от западных доноров китайское руководство рассматривает финансовую помощь и культурную дипломатию как единый комплекс мер по созданию «социальной инфраструктуры» влияния. Особое место в системе финансовых интересов Пекина занимает постепенное вовлечение Азербайджана, Армении и Грузии в орбиту китайских институтов развития. Присоединение Азербайджана и Грузии к числу учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АПИВ) дало Китаю возможность выстроить собственные каналы финансирования региональных начинаний в обход привычных МВФ и Всемирного банка, оттеснив их на второй план. Как отмечают исследователи, подобный курс работает сразу на две цели: он не только открывает дорогу китайским капиталовложениям, но и подготавливает почву для более широкого применения юаня в расчетах между государствами⁹¹.

Гуманитарная составляющая китайских интересов нацелена на перспективу – на постепенное возвращение благорасположенных элит и на то, чтобы стереть в массовом сознании укоренившиеся предубеждения. Для

⁹¹ Объем накопленных инвестиций Китая в Евразийском регионе превысил \$66 млрд: новый доклад ЕАБР. 25.12.2025. URL: <https://eabr.org/press/releases/obem-nakoplennykh-investitsiy-kitaya-v-evraziyskom-regione-prevysil-66-mlrd-novyy-doklad-eabr/> (дата обращения: 23.02.2026)

Пекина «мягкая сила» («软实力») играет роль своеобразной «социальной смазки», облегчающей продвижение инициативы «Пояс и путь» в непростой, цивилизационно пестрой среде региона. Разрастание сети Институтов Конфуция и запуск студенческих обменов подчинены задаче подготовить кадры, которым предстоит обслуживать совместные инфраструктурные объекты. Судя, по имеющимся сведениям, вложения в культурные проекты, по сути, выполняют функцию страховки от политических рисков.

Она создает позитивный фон для китайской политики и затрудняет продвижение антикитайских нарративов со стороны внерегиональных акторов. Для системного сопоставления инструментов финансового и гуманитарного влияния ниже приведена аналитическая характеристика (см. табл.8).

Таблица 8

**Инструментарий реализации финансовых и гуманитарных интересов
КНР в регионе (2013–2025 гг.)**

Категория влияния	Основные инструменты реализации	Ключевая цель Пекина	Характер воздействия на регион
Финансовая интеграция	Кредитные линии АИВ, валютные свопы с ЦБ Армении, льготные займы	Снижение доминирования доллара и западных банковских систем	Формирование долгосрочной кредитной привязанности республик к КНР
Образовательный вектор	Стипендии правительства КНР, курсы китайского языка в школах Грузии	Формирование пула специалистов, ориентированных на китайские стандарты	Трансляция китайских ценностей и управленческих моделей
Культурная дипломатия	Дни культуры, гастроли национальных театров	Построение имиджа «ответственной великой державы»	Нейтрализация теории «китайской угрозы» в медиaprостранстве

	Ганьсу, фестивали вина		
--	---------------------------	--	--

Источник: составлено автором на основе анализа⁹² и⁹³.

С позиции теории неофункционализма финансовое и гуманитарное взаимодействие обеспечивает «вертикальный перелив» интеграционных процессов. Если транспорт и энергетика связывают государства на техническом уровне, то финансовая и культурная кооперация создает психологическую и институциональную готовность к более глубоким формам объединения. В частности, подписание соглашения между центральными банками о своп-регулировании валютной пары «армянский драм – китайский юань» свидетельствует о переходе от товарного обмена к системному финансовому партнерству. По имеющимся данным, именно этот уровень взаимодействия делает китайское присутствие на Южном Кавказе необратимым процессом.

Вместе с тем реализация гуманитарных интересов Пекина сталкивается с вызовами, связанными с высокой культурной дистанцией и конкуренцией со стороны европейских программ интеграции. Китай вынужден постоянно адаптировать свои инструменты «мягкой силы», делая ставку на прагматизм и экономическую выгоду от знания китайского языка. Таким образом, к 2025 году финансовые и культурные интересы КНР стали органичным дополнением стратегии «Пояс и Путь», обеспечивая комплексную поддержку китайскому

⁹² Величко Людмила Николаевна, Кумуков Альберт Мусабиевич. Гуманитарная дипломатия Китая в регионе Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. № 2

⁹³ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81

присутствию в регионе и создавая многоуровневую систему защиты национальных интересов Поднебесной.

Подводя итог анализу интересов Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в период с 2013 по 2025 год, необходимо подчеркнуть системный характер их трансформации. Пекин окончательно перешел от политики точечного экономического присутствия к реализации комплексной региональной стратегии в рамках глобальной инициативы «Пояс и Путь». Основной исследовательский вопрос о причинах и факторах эволюции политики КНР находит свое разрешение в понимании того, что Китай начал рассматривать Южный Кавказ как незаменимый транзитный и энергетический мост, обеспечивающий устойчивость евразийской логистики в условиях нарастающей глобальной нестабильности. Переход к концепции «активности и предприимчивости» (“奋发有为”) позволил китайскому руководству интегрировать регион в свою орбиту влияния через механизмы функциональной зависимости.

Ключевым выводом параграфа выступает подтверждение гипотезы о неравномерном действии нефункционального «эффекта перелива» в зависимости от специфики национальных моделей партнерства. В Азербайджане и Грузии этот эффект проявился отчетливо, когда первичное взаимодействие в энергетической и транзитной сферах закономерно привело к институционализации политических связей и установлению отношений всеобъемлющего стратегического партнерства. В Армении же «эффект перелива» оказался ограничен внешнеполитическими блокадами, что вынудило Пекин сосредоточиться на поддержании регионального баланса и реализации нишевых технологических проектов. Для наглядного обобщения

выявленной типологии китайских интересов ниже представлена синтетическая таблица (см. табл.9).

Таблица 9

Типология и динамика реализации интересов КНР на Южном Кавказе (2013–2025 гг.)

Критерий анализа	Азербайджанская модель	Грузинская модель	Армянская модель
Характер интереса	Ресурсно-логистический	Транзитно-торговый	Геополитический и нишевый
Доминирующий сектор	Нефтехимия и ТМТМ	ЗСТ и портовая инфраструктура	Спутниковая связь и дорожная сеть «Север-Юг»
Роль в «Пояс и Путь»	Энергетический и транспортный узел	«Ворота» на рынок Европейского Союза	Стабилизирующий буфер региона
Результат spillover	Высокая политическая интеграция	Глубокая нормативная гармонизация	Точечная технологическая кооперация

Источник: составлено автором на основе анализа⁹⁴ и⁹⁵.

На мой взгляд, важнейшим фактором закрепления китайских интересов в регионе стало успешное сочетание жесткой инфраструктурной силы и гибких инструментов культурного влияния. Пекин сумел навязать странам Южного Кавказа собственную логику «развития ради мира», превратив экономические

⁹⁴ Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-knr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

⁹⁵ Мокрецкий Александр Чеславович. Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С. 260–277

дивиденды в главный аргумент против политической дестабилизации. Формирование «Цифрового Шелкового пути» и расширение финансового присутствия через АПВ создали условия, при которых республики региона оказались объективно заинтересованы в долгосрочном сохранении китайского присутствия как гарантии своей макроэкономической устойчивости.

В конечном счете, к 2025 году Южный Кавказ в системе приоритетов КНР трансформировался из периферийного объекта дипломатии в арену активного геοэкономического маневрирования. Пекин не только обеспечил защиту своих энергетических интересов и диверсификацию транспортных путей, но и создал прочный институциональный фундамент для формирования регионального сегмента «Сообщества единой судьбы человечества» (“人类命运共同体”). Будущее китайских интересов в регионе будет определяться способностью Пекина адаптироваться к вызовам, связанным с конкуренцией других великих держав и рисками эскалации затяжных региональных конфликтов.

1.3 Периодизация политики Китая на Южном Кавказе: критерии выделения и содержание этапов

Эволюция внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в отношении региона Южного Кавказа представляет собой сложный процесс перехода от пассивного дипломатического присутствия к проактивному лидерству в формировании региональной интеграции. Анализ этого процесса требует применения двойного исследовательского подхода, включающего продольное хронологическое сопоставление этапов и поперечное сравнение стратегий Пекина в отношении Азербайджана, Армении и Грузии.

Осмысление логики этой эволюции требует обращения к трансформации китайского научного и политического дискурса. Как подчеркивает Е.Н.

Грачиков, за рассматриваемый период коннотации интересов КНР претерпели двойную трансформацию: от классовых приоритетов периода Мао Цзэдуна к национально-государственным в эпоху реформ Дэн Сяопина, и, наконец, к доминированию «коренных» (сердцевинных) интересов (*гоцзя дэ хэсинь лии*) в период руководства Си Цзиньпина⁹⁶. Данный процесс отразил качественное расширение пространственно-географического диапазона интересов Пекина: от концентрации на внутренних потребностях к активному формированию региональной и глобальной повестки, что превратило Южный Кавказ в один из регионов практической апробации новых внешнеполитических установок Пекина ⁹⁷.

С позиции теории неофункционализма начальный этап (1992–2001 годы) характеризовался практически полным отсутствием функциональных связей и «эффекта перелива», что было обусловлено как внутренним состоянием закавказских республик, так и спецификой китайской международной стратегии того времени.

В указанный период Пекин строго следовал внешнеполитической установке «держаться в тени и копить силы» (“韬光养晦”), сформулированной Дэн Сяопином как реакция на глобальные потрясения конца 1980-х годов и международную изоляцию Китая после событий 1989 года⁹⁸. Южный Кавказ в

⁹⁶ Грачиков Е.Н., Чжоу Сяюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.

⁹⁷ Грачиков Е.Н. Китайский мировой порядок: дискурс, теория, нематериальная сила // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 4. С. 72–86.

⁹⁸ 李恒杰. 论邓小平 “韬光养晦” 的外交战略思想. [Ли Хэнцзе. О дипломатической стратегической концепции Дэн Сяопина «Выжидательная политика и укрепление силы»] // 国际关系学报 [Журнал Китайского университета международных отношений]. 2008. № 1 (03). С. 3–8

этой оптике воспринимался как географически удаленный регион с крайне высокими конфликтными рисками, входящий в сферу приоритетных интересов Российской Федерации. Китайское руководство стремилось минимизировать дипломатические издержки и избегало конкуренции с Москвой в ее «ближнем зарубежье», ограничиваясь формальным признанием суверенитета новых государств.

Идентичность текстов совместных коммюнике об установлении дипломатических отношений, подписанных в 1992 году, наглядно подтверждает отсутствие у Китая дифференцированного подхода к странам региона на начальном этапе. Основной мотив Пекина носил сугубо политический характер и заключался в необходимости легитимизации принципа «одного Китая» на постсоветском пространстве⁹⁹. Для китайской дипломатии того времени было принципиально важно закрепить статус Тайваня как неотъемлемой части территории КНР в документах всех новых субъектов международного права. Республики Южного Кавказа, находясь в состоянии глубокого экономического коллапса и поиска внешней поддержки, беспрепятственно принимали эти условия в обмен на официальное признание со стороны великой державы.

Очевидно, отсутствие «эффекта перелива» в этот десятилетний период было предопределено структурной несовместимостью драйверов сотрудничества. Политическое взаимодействие оставалось на уровне формального признания границ и не подкреплялось экономическим базисом,

⁹⁹ «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676284/1207_676296/200203/t20020315_9287841.shtml

так как китайские предприятия еще не обладали ресурсами для реализации стратегии «выхода вовне». Южнокавказский регион со совокупным населением около пятнадцати миллионов человек и крайне низкой покупательной способностью не представлял интереса для китайского экспорта того времени. Таким образом, первый этап стал временем накопления первичного дипломатического опыта и обозначения «красных линий» без попыток активного вмешательства в региональные процессы.

Низкий уровень функционального и политического взаимодействия между Китаем и государствами Южного Кавказа в первое десятилетие после распада СССР был обусловлен комплексом структурных факторов, которые блокировали действие механизмов неофункциональной интеграции. В этот период Пекин рассматривал закавказское направление сквозь призму приоритетности отношений с Москвой, признавая Южный Кавказ зоной исключительного влияния российской дипломатии «ближнего зарубежья»¹⁰⁰. Учитывая процесс нормализации китайско-российских связей и установление стратегического партнерства в 1996 году, КНР намеренно ограничивала свое присутствие в регионе, чтобы не провоцировать геополитическую конкуренцию с Российской Федерацией.

Важнейшим мотивом политики Пекина в 1990-е годы выступало обеспечение безопасности Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) в условиях возрождения идей пантюркизма и радикального исламизма. Китайское руководство опасалось, что независимые республики Южного

¹⁰⁰ Рожкова Лилия Валерьевна, Ивченков Сергей Григорьевич, Полутин Сергей Викторович. Ближнее зарубежье во внешней политике Российской Федерации и оценках россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. № 2

Кавказа могут стать транзитными пунктами для распространения сепаратистских настроений и идеологии «Восточного Туркестана». Исследователи отмечают, что именно этот фактор безопасности, а не экономическая выгода, определял специфику китайского интереса к региону на начальном этапе¹⁰¹. Для Пекина было критически важно добиться от местных правительств гарантий невмешательства в его внутренние дела и поддержки в борьбе с трансграничным экстремизмом. Основные барьеры, препятствовавшие развитию активной политики КНР в этот период, систематизированы в следующей таблице (см. табл.10).

Таблица 10

**Ключевые факторы сдерживания китайской активности на Южном Кавказе
(1992–2001 гг.)**

Тип барьера	Характеристика фактора	Влияние на неофункциональный процесс
Геополитический	Приоритетность интересов РФ и статус региона как «ближнего зарубежья» Москвы	Блокировка политической координации вне рамок китайско-российского диалога
Безопасный	Перманентные конфликты (Карабах, Абхазия, Осетия) и риски терроризма	Высокая стоимость страхования инвестиций и отсутствие доверия к транзитным путям
Экономический	Глубокий спад производства в республиках и низкая покупательная способность населения	Отсутствие материального фундамента для функционального «перелива»
Когнитивный	Дефицит экспертных знаний в КНР о специфике рынков и политических систем стран региона	Информационная асимметрия и осторожность китайских деловых кругов

¹⁰¹ Бабаян Д. К.. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI в. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

Источник: составлено автором на основе анализа¹⁰² и ¹⁰³

Несмотря на общий низкий профиль присутствия, уже на этом этапе проявился специфический китайский стиль внешнеполитического маневрирования. Пекин начал выстраивать более интенсивные политические контакты с Арменией по сравнению с другими республиками. На основании проведенного анализа, это было обусловлено стремлением создать негласный балансир влиянию Турции в регионе. Армения, имеющая исторически сложные отношения с Анкарой, рассматривалась Пекином как стратегическая возможность для мягкого сдерживания пантюркистской экспансии, способной дестабилизировать западные провинции Китая. Косвенным подтверждением тому служит то, как часто армянские руководители навещали Пекин – в 1993, 1996 и 2000 годах, – тогда как в отношениях с Баку или Тбилиси ничего подобного на тот момент не наблюдалось¹⁰⁴.

Иными словами, на первом этапе политику КНР определяли прежде всего мотивы «пассивной безопасности». Пекин добивался дипломатического признания и старался обезвредить возможные угрозы, исходящие от сепаратистских течений, при этом намеренно оставляя экономическое и военное первенство за Россией. То, что реального отраслевого сотрудничества в эти годы так и не возникло, лишь подкрепляет тезис. Пока нет прочной функциональной основы, одни только политические декларации не в силах

¹⁰² Язькова А. Россия и независимые государства Кавказа // Кавказ и глобализация. 2009. № 1

¹⁰³ Савкович Е. В. Центрально-азиатские исследования в КНР: историография в первой половине 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 109–112

¹⁰⁴ Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с

привести в движение механизм по-настоящему глубокой региональной интеграции.

Начало нового столетия принесло с собой серьезный сдвиг в самой парадигме внешней политики Пекина, и это прямо сказалось на характере его присутствия на Южном Кавказе. Поворотным оказался 2001 год: вступление Китая во Всемирную торговую организацию и учреждение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) задали новые институциональные рамки для продвижения китайского капитала. Именно тогда дипломатия КНР стала планомерно уходить от установки «держаться в тени» («韬光养晦») в сторону линии «добиваться конкретных результатов» («有所作为»), предполагающей деятельное участие в переустройстве международного порядка¹⁰⁵. Для Южного Кавказа это обернулось сменой статуса – из территории, за которой Пекин лишь наблюдал со стороны, регион превратился в площадку для реализации его энергетических и инвестиционных замыслов.

С точки зрения неофункционализма второй этап отмечен возникновением устойчивых функциональных связей в «низкочувствительных» экономических сферах, а это, в свою очередь, подготовило почву для дальнейшего политического сближения. Пекин уже не довольствовался дежурными коммюнике и перешел к подписанию подробных политических заявлений, где закреплялись конкретные направления взаимодействия. Ключевым мотивом китайской политики этого периода стало выдвижение пяти инициатив по построению справедливого миропорядка, озвученных Ху Цзиньтао в 2003

¹⁰⁵焦兵. 中国外交新思维: 从 "韬光养晦" 走向 "有所作为" [Цзяо Бин. Новое мышление в китайской дипломатии: от «выжидания и укрепления позиций» к «изменению ситуации»] // 湖北社会科学 [Губэйские социальные науки]. 2005. № 10. С. 101–103

году; особое место среди них занимала концепция безопасности, опирающаяся на взаимное доверие и обоюдную выгоду¹⁰⁶. Сопоставление договорной базы этого этапа позволяет выявить нарастающую дифференциацию подходов Китая к республикам региона (см. табл.11).

Таблица 11

Сравнительный анализ структуры и направленности совместных документов (2002–2012 гг.)

Страна партнер	Количество положений в заявлении	Доминирующая тематика документа	Характер институционализации связей
Республика Армения (2004)	10 статей	Права человека и общие принципы ООН	Создание рамочных условий для межправительственных комиссий
Азербайджанская Республика (2005)	14 статей	Нефтехимия, транспорт и военное сотрудничество	Формирование отраслевых групп по энергетике и безопасности
Грузия (2006)	13 статей	Телекоммуникации, транспорт и борьба с терроризмом	Поддержка участия КНР в Стратегии развития западных регионов

Источник: составлено автором на основе анализа данных¹⁰⁷ и ¹⁰⁸

Можно констатировать, что основным драйвером эволюции китайской политики на данном этапе стала нарастающая зависимость экономики КНР от импорта углеводородов. Статус нетто-импортера нефти, приобретенный Пекином еще в 1993 году, к началу 2010-х годов трансформировался в

¹⁰⁶胡锦涛在莫斯科国际关系学院演讲（全文）[Выступление Ху Цзиньтао в Московском институте международных отношений (полный текст)]. 28.05.2003. URL: http://www.cass.net.cn/chinese/s24_oys/chinese/News/Subject/Shanghai/content_891423.htm (Дата обращения: 08.08.2024)

¹⁰⁷ Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с.

¹⁰⁸ Мокрецкий Александр Чеславович. Отношения КНР и СНГ: новые горизонты развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17

критическую уязвимость, когда доля внешних поставок превысила пятьдесят процентов¹⁰⁹. Это вынудило Китай рассматривать Южный Кавказ не просто как удаленную территорию, а как стратегически важный транзитный узел для каспийских ресурсов. Энергетический фактор запустил механизм «эффекта перелива» в отношениях с Азербайджаном и Грузией, где потребность в защите инвестиций в трубопроводную инфраструктуру потребовала углубления координации в сфере безопасности и борьбы с тремя силами(“三股势力”), то есть терроризм, сепаратизм, и экстремизм.

Наряду с экономическим прагматизмом Китай умело использовать запрос южнокавказских элит на диверсификацию внешней политики. К середине 2000-х годов Баку, Тбилиси и Ереван осознали издержки односторонней ориентации на Запад и начали проводить курс «многостороннего балансирования». Китайское предложение о сотрудничестве без политических условий и вмешательства во внутренние дела идеально соответствовало этим потребностям. Таким образом, второй этап стал периодом качественного усложнения политики КНР, когда Пекин сумел конвертировать свои финансовые возможности в устойчивые каналы политического влияния, подготовив почву для перехода к масштабному региональному проектированию.

Современный этап проведения китайской политики на Южном Кавказе начался в 2013 году и ознаменовался фундаментальной сменой внешнеполитической парадигмы Поднебесной. С приходом к власти Си Цзиньпина Пекин окончательно отказался от тактики пассивной адаптации к

¹⁰⁹ Бахтиярова А. Ж. Энергетическая политика КНР в начале XXI века // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 967–970. – URL: <https://moluch.ru/archive/113/29446> (Дата обращения: 23.02.2026)

международным изменениям. Новая доктрина «активности и предприимчивости» (“奋发有为”) провозгласила целью Китая активное участие в формировании благоприятной внешней среды для национального возрождения¹¹⁰. В этой системе координат регион Южного Кавказа трансформировался из удаленной периферии в критически важное звено глобального проекта «Пояс и Путь». Провозглашенная в октябре 2013 года на Центральном симпозиуме по дипломатии с соседними странами установка на усиление инициативности стала сигналом к форсированному наращиванию китайского присутствия в Закавказье¹¹¹.

С точки зрения теории неофункционализма данный этап характеризуется переходом от разрозненных функциональных связей к системному сопряжению национальных стратегий развития. Китай перестал предлагать просто торговые контракты, перейдя к экспорту комплексных моделей экономического развития, объединяющих инфраструктуру, инвестиции и цифровые технологии. Можно констатировать, что такая стратегия направлена на создание «эффекта необратимости» интеграции. Потребность в бесперебойном функционировании Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ) заставляет Пекин углублять политическую координацию с Баку и Тбилиси, что является классическим проявлением «вертикального перелива» экономических интересов в сферу стратегической

¹¹⁰ 阎学通. 从韬光养晦到奋发有为 [Янь Сюэтунь. от «таогуан янхуэй» к «фэньфа юйюнь»] // 国际政治科学 [Quarterly Journal of International Politics]. 2014. № 4. С. 1–35

¹¹¹ 钱彤: 《习近平在周边外交工作座谈会发表重要讲话》, 《人民日报》2013 年 10 月 26 日, 第 1 版. [Цянь Тун. Си Цзиньпин выступил с важной речью на симпозиуме по дипломатии соседних стран // Жэньминь Жибао, 26 октября 2013 г.]

безопасности. Качественные отличия обновленной политики Китая в сравнении с предыдущим десятилетием представлены ниже (см. табл.12).

Таблица 12

Сравнительная характеристика этапов эволюции политики КНР на Южном Кавказе

Параметр сравнения	Период развития (2002–2012 гг.)	Период интеграции (2013–2025 гг.)
Концептуальная база	Стратегия «выхода вовне»	Глобальная инициатива «Пояс и Путь»
Характер доверия	Формальное признание суверенитета	Всеобъемлющее стратегическое партнерство
Основной драйвер	Импорт сырья и локальные инвестиции	Создание трансконтинентальных коридоров
Роль в управлении	Наблюдатель региональных процессов	Модератор через механизмы ШОС и АПВ
Целевой ориентир	Экономическая выгода	Формирование «Сообщество судьбы человечества» (人类命运共同体) в Евразии

Источник: составлено автором на основе анализа данных¹¹² и¹¹³.

Важнейшей чертой современного этапа стала интеграция южнокавказского вектора политики КНР в глобальную систему управления. Пекин активно содействует вовлечению стран региона в многосторонние платформы, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Шанхайская организация сотрудничества. Это позволяет Китаю легитимизировать свое присутствие, снижая настороженность со стороны других великих держав. Наблюдается, что к 2025 году китайская политика на Южном Кавказе достигла стадии зрелости, когда экономическое доминирование Пекина начинает конвертироваться в способность выступать

¹¹² Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2

¹¹³ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6

гарантом региональной стабильности, предлагая странам Закавказья альтернативную западную модель развития, основанную на прагматизме и суверенном равенстве.

Одной из наиболее характерных черт эволюции политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в период реализации инициативы «Пояс и Путь» стало окончательное оформление строго дифференцированного подхода к Азербайджану, Грузии и Армении. В отличие от начального этапа политического зондирования китайское руководство перешло к выстраиванию уникальных моделей партнерства, которые учитывают специфический ресурсный потенциал и геополитическое положение каждой республики. С позиции теории неофункционализма такая дифференциация объясняется стремлением Пекина максимально эффективно задействовать функциональные потребности стран-партнеров для запуска процесса «перелива» в сферу долгосрочного стратегического влияния.

Очевидно, что Азербайджан в этой системе координат занимает место главного энергетического и логистического партнера. Взаимодействие с Баку строится на базе синергии каспийских углеводородов и транспортных возможностей Среднего коридора. В свою очередь Грузия рассматривается Пекином как «стратегические ворота» на рынки Европы, что подтверждается уникальным статусом страны как единственного государства в регионе, имеющего соглашение о свободной торговле с КНР. С Арменией картина складывается заметно сложнее и определяется в первую очередь геополитикой: здесь экономические начинания – скажем, в области связи и ГИС-технологий – служат своего рода якорями, которыми Китай закрепляет свое присутствие в стране, оказавшейся в условиях транспортной блокады.

Подробный разбор этих различий приведен в аналитической таблице (см. табл. 13).

Таблица 13

Аналитическая модель дифференцированного подхода КНР к странам Южного Кавказа

Объект политики	Концептуальная модель партнерства	Ключевой функциональный интерес КНР	Политико-интеграционный результат
Азербайджанская Республика	Ресурсно-энергетическое партнерство	Глубокая нефтехимия и контроль над каспийским транзитом	Всеобъемлющее стратегическое партнерство и координация в ШОС
Грузия	Транзитно-торговый мост	Эксплуатация ЗСТ и создание портового хаба в Анаклии	Прагматичное партнерство с акцентом на европейские стандарты логистики
Республика Армения	Геополитический балансир	Нишевые ИТ-проекты и стабилизация южного транзитного вектора	Поддержка суверенитета и технологическая привязка к китайским ГИС

Источник: составлено автором на основе анализа ¹¹⁴ и ¹¹⁵

¹¹⁴ Мокрецкий Александр Чеславович. Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С. 260–277

¹¹⁵ Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-knr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

Изучение документов показывает, что сама манера формулировок в совместных заявлениях менялась по мере того, как крепло политическое доверие сторон. Если в 1990-е дело сводилось к взаимному признанию территориальной целостности, то начиная с 2013 года в текстах все чаще звучат мотивы «Пояса и пути» и «Сообщества единой судьбы человечества» («人类命运共同体»). Отсюда напрашивается вывод: речь идет о переходе от чисто технического взаимодействия к сближению уже на уровне идей. Отдельного внимания заслуживает и то, как сместились позиции сторон в вопросах противодействия терроризму и экстремизму. Для Пекина заручиться поддержкой закавказских столиц по проблематике безопасности СУАР было принципиально важно, чтобы не прерывать наращивание инвестиций. В результате именно избирательность подхода дала Китаю возможность выстроить гибкую конфигурацию регионального присутствия, где каждой стране отведена своя, особая роль в общей архитектуре китайского замысла.

Развитие китайской политики на Южном Кавказе невозможно рассматривать в отрыве от того, как складываются отношения Пекина с внешними по отношению к региону игроками, и от необходимости встраивать собственные интересы в постоянно смещающийся глобальный баланс сил. Свою линию Китай строит с расчетом свести к минимуму вероятность лобового столкновения с интересами России, которая по традиции считает Южный Кавказ зоной своих жизненно важных интересов. Продвигая инициативу «Пояс и путь», китайское руководство предложило конструктивную схему стыковки собственных проектов с евразийскими интеграционными процессами – эта идея воплотилась в концепции Большого евразийского партнерства. Такой расклад позволяет Китаю играть роль

мощного двигателя регионального развития в экономике и технологиях, тогда как за Россией сохраняется функция главного гаранта военно-политической безопасности. Исследователи отмечают, что подобное совпадение интересов Пекина и Москвы создает благоприятный внешний контекст для запуска неофункциональных механизмов интеграции. В то же время китайская стратегия в регионе все чаще сталкивается с противодействием США и Евросоюза, стремящихся ограничить влияние Пекина с помощью собственных проектов – таких как Global Gateway. После 2022 года эта конкуренция переросла в откровенное соперничество технологических стандартов и логистических схем. Китай при этом ловко использует козырь «неполитизированного сотрудничества»: он предлагает государствам Южного Кавказа инвестиции, не обставляя их жесткими требованиями проводить внутренние институциональные реформы. Именно по этой причине китайские предложения оказываются гораздо более привлекательными для местных элит, которым важно удержать политическую самостоятельность в условиях растущего давления Запада.

Особенности взаимодействия Китая с ключевыми центрами силы применительно к Южному Кавказу отражены в аналитической таблице (см. табл. 14).

Таблица 14

Модели взаимодействия КНР с внерегиональными державами на Южном Кавказе

Внешний актор	Характер взаимодействия с КНР	Сфера потенциального конфликта	Механизм нейтрализации рисков Пекином
Российская Федерация	Стратегическая координация и сопряжение с ЕАЭС	Конкуренция транзитных маршрутов (Транссиб vs ТМТМ)	Развитие инфраструктуры, связывающей ТМТМ с рынком РФ

Европейский Союз	Вынужденное партнерство и конкуренция стандартов	Энергетическая безопасность и нормы мягкого права	Позиционирование КНР как надежного поставщика логистических услуг
Соединенные Штаты	Системное соперничество	Контроль над критическими технологиями (5G) и военное присутствие	Упор на экономический прагматизм и внеблоковый статус сотрудничества
Турция	Тактическое партнерство	Идеология пантюркизма и влияние в Центральной Азии	Интеграция турецкого «Среднего коридора» в структуру «Пояс и Путь»

Источник: составлено автором на основе анализа¹¹⁶ и ¹¹⁷

Если взглянуть на ситуацию через оптику неофункционализма, то нажим со стороны США и ЕС парадоксальным образом способен, наоборот, подтолкнуть Китай к еще более плотной интеграции с республиками региона. Есть основания полагать, что попытки Запада устроить технологическую блокаду вынуждают Баку и Ереван искать иные источники инноваций, а это распахивает своего рода «окно возможностей» для китайских корпораций. Пекин при этом ловко задействует институциональную площадку Шанхайской организации сотрудничества, чтобы придать своему присутствию легитимность, переводя двусторонние сюжеты в русло многостороннего диалога. Тем самым траектория китайской политики на Южном Кавказе показывает переход от установки на «уклонение от конфликтов» к линии «активного балансирования», в рамках которой Китай предстает

¹¹⁶ Кумуков А. М. Страны Южного Кавказа во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 43–54

¹¹⁷ Ibrahimov Mahir J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus / ed. by F. Labarre, G. Niculescu. Rome, 2022. С. 64–74

самостоятельной силой, готовой предложить региону надежную альтернативу в эпоху глобальной нестабильности.

Пристальный разбор того, как менялась китайская стратегия, позволяет уловить качественную перемену в самом политическом языке Пекина применительно к Южному Кавказу. На протяжении трех десятилетий мотивы обеих сторон становились все сложнее: изначальные декларации о дружбе и суверенитете постепенно вытеснялись прагматичной риторикой общей судьбы и стратегической взаимосвязанности. Этот процесс закономерен и отражает воплощение китайской концепции «активности и предприимчивости» (“□□□□”), которая предполагает деятельное формирование внешней среды. Исследователи указывают, что за сменой официальных формулировок скрывается «функциональное втягивание» республик региона в орбиту влияния Поднебесной через механизмы технологической и инфраструктурной зависимости¹¹⁸.

С точки зрения теории неофункционализма важным элементом этой эволюции стало возникновение секторальных «эффектов перелива», изменивших сам характер двусторонних связей. Есть основания полагать, что успех китайской политики в Азербайджане и Грузии обусловлен именно умением Пекина выстроить ситуацию, при которой техническое сотрудничество в энергетике или на транспорте становилось невозможным без тесной политической координации.

¹¹⁸ Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesyy-knr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

В свою очередь политические элиты закавказских республик рассматривали сближение с Китаем как эффективный инструмент диверсификации, позволяющий снизить риски чрезмерной зависимости от России или Запада. Для понимания динамики этих изменений целесообразно проследить трансформацию ключевых векторов политического диалога (см. табл.15).

Таблица 15

**Эволюция политической риторики и мотивов взаимодействия КНР
со странами Южного Кавказа**

Период анализа	Доминирующие понятия в документах	Ключевой мотив Китайской Народной Республики	Восприятие со стороны республик региона
1992– 2001 гг.	Принцип «одного Китая», суверенитет, территориальная целостность	Международная изоляция Тайваня и пассивная защита западных границ	Поиск признания суверенитета и альтернативных <i>источников поддержки</i>
2002– 2012 гг.	Взаимная выгода, экономическое развитие, права человека (без двойных стандартов)	Ресурсное обеспечение экономики и защита энергетических инвестиций	Прагматичное привлечение капитала для модернизации промышленности
2013– 2025 гг.	«Пояс и Путь», «Сообщество единой судьбы», стратегическое сопряжение, Средний коридор	Создание трансконтинентальной зоны влияния и технологическое лидерство	Диверсификация внешней политики и участие в глобальных транзитных цепях

Источник: составлено автором на основе анализа ¹¹⁹ и ¹²⁰

Судя, по имеющимся сведениям, сдвиг в трактовке вопросов безопасности – прежде всего по линии прав человека и борьбы с терроризмом – говорит о том, что в регионе постепенно складывается своеобразный «китайский консенсус». Пекину удастся успешно проводить мысль о том, что право на развитие важнее гражданских свобод в их западном прочтении, и эта идея встречает понимание у правящих кругов Азербайджана и Грузии. Такая идеологическая близость лишь укрепляет почву для «перелива» из экономической сферы в область политических ценностей. В итоге развитие китайской политики вылилось в многоуровневую систему связей, где институциональное сотрудничество по линии ШОС и АПВ играет роль надстройки, опирающейся на прочный материальный фундамент из транспортных коридоров и энергетических узлов. Инициативная дипломатия Пекина к 2025 году превратила Южный Кавказ в пространство, где китайское присутствие воспринимается уже не как внешняя угроза, а как необходимое условие устойчивости всего макрорегиона.

Завершая ретроспективный и сравнительный анализ эволюции политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе, следует констатировать ее глубокую качественную трансформацию. Процесс перехода от пассивного дипломатического присутствия к проактивному лидерству в формировании региональной повестки был детерминирован как ростом совокупной национальной мощи Китая, так и изменением стратегического значения

¹¹⁹ Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с.

¹²⁰ Мокрецкий Александр Чеславович. Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С. 260–277

кавказского транзитного коридора в системе евразийских связей. С позиции теории неофункционализма эволюция прошла путь от практически нулевой интеграции к формированию устойчивой системы функциональных связей, где каждый этап создавал необходимые предпосылки для последующего расширения сотрудничества.

Современный этап эволюции политики КНР в регионе свидетельствует о понимании Пекином невозможности опираться исключительно на материальную (экономическую) мощь. Е.Н. Грачиков отмечает, что на мировой арене Китай стал позиционировать свою силу через форматы нематериального характера: информационный, нормативный и стратегический нарратив¹²¹. Это позволило китайской дипломатии на Южном Кавказе преодолеть «вестфальский корсет» европоцентризма и предложить Азербайджану, Армении и Грузии модель отношений, основанную на доверии и «реляционной теории» (теории отношений), где ключевым фактором выступают не только рациональные расчеты выгоды, но и системная взаимозависимость в рамках сообщества единой судьбы¹²².

Аналитическим итогом параграфа выступает выявленная типология эволюционных моделей, определяемая спецификой национальных интересов сторон. Анализ позволяет утверждать, что успех китайской стратегии в регионе обусловлен гибкостью Пекина в выборе драйверов интеграции для каждой конкретной республики. В азербайджанском векторе наблюдается

¹²¹ Грачиков Е.Н. Дипломатия Китая: проблемы формирования дисциплины и науки в контексте академического дискурса // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 266–282.

¹²² Грачиков Е.Н. Дипломатия Китая: проблемы формирования дисциплины и науки в контексте академического дискурса // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 266–282.

классический неофункциональный «эффект перелива» из сферы энергетической безопасности в плоскость стратегического политического партнерства. Грузинская модель демонстрирует успешную трансформацию транзитных преимуществ в институциональные рамки зоны свободной торговли. В то же время армянский вектор эволюционировал по пути поддержания геополитического статус-кво и реализации точечных технологических инициатив. Обобщенный результат этой многолетней эволюции представлен в финальной аналитической характеристике (см. табл.16).

Таблица 16

Обобщающая характеристика этапов эволюции политики КНР на Южном Кавказе

Параметр эволюции	Начальный этап (1992–2001)	Этап развития (2002– 2012)	Этап интеграции (2013–2025)
Характер субъектности КНР	Пассивный наблюдатель	Активный инвестор	Региональный проектировщик
Статус spillover-эффекта	Отсутствует (блокировка кризисом)	Спорадический (секторальный рост)	Системный (сопряжение стратегий)
Роль региона в стратегии КНР	Политическая легитимизация	Ресурсная база	Стратегический перекресток
Инструментарий влияния	Формальные коммюнике	Отраслевые комиссии	ШОС, АПВ и Цифровой путь

Источник: составлено автором на основе анализа ¹²³ и ¹²⁴.

Согласно имеющимся данным, принципиальное значение для понимания эволюции политики Пекина имеет факт превращения Китая в независимый

¹²³ Сюе Вэньцин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

¹²⁴ Мокрецкий Александр Чеславович. Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С. 260–277

«центр силы» на Южном Кавказе. Если в 1990-е годы китайское руководство сознательно ограничивало свою активность рамками приоритетов России, то к 2025 году КНР выступает как самостоятельный архитектор региональной стабильности. Пекин сумел навязать региону логику «неполитизированного прагматизма», сделав экономическую выгоду от участия в «Пояс и Путь» главным аргументом в пользу сближения. Можно констатировать, что такая трансформация делает китайское присутствие долгосрочным фактором, который будет определять геополитический ландшафт Южного Кавказа вне зависимости от колебаний курса западных держав. Дальнейшее развитие политики КНР будет зависеть от способности Пекина эффективно маневрировать между интересами региональных игроков и нейтрализовать растущие вызовы безопасности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.

Проведенное исследование концептуальных основ и исторического контекста позволяет сформулировать авторские выводы относительно природы и динамики политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе.

В первую очередь необходимо констатировать, что за три десятилетия китайская стратегия в регионе трансформировалась из пассивного дипломатического присутствия в модель проактивного регионального проектирования. Эта эволюция не была линейной и определялась переходом Китая от доктрины «держаться в тени и копить силы» (“韬光养晦”) к «активности и предприимчивости» (“奋发有为”). Если на начальном этапе Пекин воспринимал Южный Кавказ исключительно сквозь призму политической легитимизации принципа «одного Китая» и обеспечения

безопасности своих западных рубежей, то на современном этапе регион приобрел статус незаменимого стратегического перекрестка в рамках глобальной инициативы «Пояс и Путь».

Применение методологии неофункционализма позволило доказать, что эффективность китайского влияния в регионе прямо детерминирована успешностью срабатывания эффекта перелива. Мы пришли к выводу, что в государствах с выраженным ресурсным и транзитным потенциалом первичное функциональное взаимодействие в энергетической и транспортной сферах неизбежно привело к глубокой политической институционализации связей. Азербайджанская и грузинская модели партнерства демонстрируют, как потребность в совместной эксплуатации трубопроводов и портовых мощностей сформировала запрос на гармонизацию нормативно-правовых баз и установление отношений всеобъемлющего стратегического партнерства.

В то же время исследование выявило феномен блокировки эффекта перелива в армянском векторе китайской политики. Анализ позволяет утверждать, что отсутствие общей границы, транспортная изоляция республики и затяжной характер региональных конфликтов препятствуют трансформации точечного экономического сотрудничества в системную интеграцию.

Развитие сети образовательных и культурных институтов обеспечило вертикальный перелив интеграции в гуманитарную сферу, что позволило подготовить социальную почву для реализации долгосрочных инфраструктурных инициатив. Следует полагать, что сочетание жесткой финансовой силы и гибких инструментов культурного влияния сделало китайское присутствие необратимым фактором регионального развития.

В завершение главы подчеркнем, что к 2025 году Китай окончательно перешел от политики избегания рисков к стратегии их активного менеджмента. Созданный институциональный каркас и накопленный опыт дифференцированного взаимодействия позволяют Пекину эффективно защищать свои энергетические и транзитные активы в условиях высокой глобальной турбулентности. Дальнейшее развитие китайской стратегии будет определяться способностью Поднебесной трансформировать функциональную зависимость республик региона в механизмы долгосрочного политического влияния в регионе Южного Кавказа и на сопряженных с ним транзитных маршрутах.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКА КИТАЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Вторая глава диссертационного исследования посвящена комплексному анализу практической реализации внешнеполитических и геоэкономических интересов Китая на Южном Кавказе в контексте глобальной инициативы «Пояс и путь». В центре внимания находится процесс стратегического сопряжения китайских трансконтинентальных проектов с национальными программами социально-экономического развития Азербайджана, Армении и Грузии (такими как «Азербайджан 2030» или армянский «Перекресток мира»). Подробно исследуется, каким образом уникальное географическое положение государств региона позволяет им эффективно интегрироваться в новую архитектуру евразийских транспортно-логистических коридоров. Особый акцент сделан на изучении ключевых направлений межгосударственного сотрудничества, среди которых доминирующую роль играют энергетический сектор, торгово-инвестиционная сфера и форсированная модернизация

Транскаспийского международного транспортного маршрута (Срединного коридора).

Кроме того, в главе анализируются институциональное и гуманитарное измерения двусторонних связей — основа китайской «мягкой силы» в регионе: роль Шанхайской организации сотрудничества и расширение сети Институтов Конфуция. Доказывается, что сочетание инфраструктурной и гуманитарной дипломатии обеспечивает Пекину политическую легитимность и социальную базу для долгосрочного закрепления на кавказском направлении.

2.1 Согласование инициативы «Пояс и Путь» со стратегиями стран Южного Кавказа и интересами РФ

Три страны Южного Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия), занимают ключевое геополитическое положение на перекрестке Евразии. Исторически эти страны составляли жизненно важную транспортно-торговую артерию древнего Шелкового пути; сегодня они являются важными узловыми точками в рамках инициативы «Пояс и Путь», связывая экономико-транспортный коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия с Транскаспийским международным транспортным маршрутом.

При этом каждая страна, используя своего уникального географического положения и учитывая свои национальные интересы, применяет индивидуальный стратегический подход к стратегическому согласованию с инициативой «Пояс и Путь». Такое стратегическое сближение не только открывает новые перспективы для социально-экономического развития самих стран Южного Кавказа, но и обеспечивает важную геополитическую и экономическую поддержку для более широкого продвижения «Пояс и Путь» в евразийском регионе.

В 2021 году президент Азербайджана Ильхам Алиев утвердил

распоряжение «Азербайджан-2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития»¹²⁵. В документе были определены пять приоритетов развития страны на ближайшее десятилетие.

На период до 2030 года выбраны 5 национальных приоритетов,

1. Эффективное управление и гражданское общество: повышение эффективности государственного управления, укрепление верховенства закона и поощрение участия общества в общественной жизни.
2. Инклюзивный рост: диверсификация экономики, снижение зависимости от нефти и газа и содействие сбалансированному региональному развитию.
3. Конкурентоспособный человеческий капитал: реформа образования, научно-технические инновации и развитие талантов.
4. Чистая окружающая среда: «зеленый» рост, развитие возобновляемых источников энергии и смягчение последствий изменения климата.
5. Умное развитие: цифровая трансформация, «умные» города и цифровая экономика.

Первый из которых называется стабильно растущая конкурентоспособная экономика. В долгосрочном периоде экономический рост должен быть здоровым, сбалансированным, создав основу для устойчивого развития экономики. Для решения данного дела должны быть обеспечены две цели: 1. устойчивый и высокий экономический рост; 2. устойчивость к внутренним и

¹²⁵ «Национальные приоритеты социально-экономического развития: Азербайджан 2030». Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 года.

внешним воздействиям¹²⁶.

В апреле 2025 года Китай и Азербайджан официально установили всеобъемлющее стратегическое партнерство. В совместном заявлении было прямо предложено углубить согласованность между инициативой «Пояс и путь» и «Азербайджан-2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития», совместно открывая новые пути для более высокого уровня, более устойчивого и взаимовыгодного развития. И Создание рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству при Комитете по экономическому и торговому сотрудничеству Подписание документов о сотрудничестве в области совместного строительства инициативы «Пояс и путь» (см. табл.17).

Таблица 17

Ключевые области для согласования «Азербайджан-2030» с инициативой «Пояс и путь»

Сфера интерфейса	Основные проекты и партнерства	стратегическое значение
Транспорт и логистика	Модернизация железной дороги ВТК, расширение международного морского порта Баку и мультимодальная транспортная компания «Средний коридор» (создана совместно с Казахстаном и Грузией в 2023 году)	Повышение эффективности транскаспийских перевозок, сокращение времени транзита грузов между Китаем и Европой до 12–14 дней
Сотрудничество в области энергетики	Фотоэлектрическая электростанция «Гобустан» (построенная китайской компанией Dongfang Electric Corporation, первый крупномасштабный проект Азербайджана в области возобновляемых источников энергии) сотрудничество в области производства экологически чистого водорода и	Поддержка энергетического перехода Азербайджана создание «зеленого» энергетического коридора для инициативы «Пояс и путь»

¹²⁶ Гасанов А. Г. Некоторые направления государственной поддержки развития предпринимательства в Азербайджане // The Scientific Heritage. 2024. №141.

	Транскаспийский газопровод.	
Торговля и инвестиции	Партнерство в области цифровой экономики	Расширяя двустороннюю торговлю, объем торговли между Китаем и Азербайджаном странами достиг 2 миллиарда долларов США в 2024 году, что представляет собой 35-процентный рост по сравнению с предыдущим годом.
Сотрудничество в области промышленности	Модернизация нефтехимической промышленности, машиностроения, развитие инфраструктуры	Содействие развитию нефтяной промышленности Азербайджана с целью снижения зависимости от нефти и газа

Источник: составлено автором на основе анализа¹²⁷.

Геополитически обусловленная инициатива Армении «Перекресток мира» направлена на снятие региональных транспортных блокад и торговых ограничений, а также на создание двухплановой транспортной сети коридоров (направлений север-юг и восток-запад), связывающей Турцию, Азербайджан, Иран, Грузию и интегрирующей регион в более широкие евразийские транспортные сети.

В рамках этих стремлений премьер-министр Армении Никол Пашинян в октябре 2023 года официально представил детализированный план реализации Инициативы «Перекресток мира». По своей сути Инициатива представляет собой транспортно-инфраструктурный проект геополитического характера,

¹²⁷ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении "Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030" . 02 февраля 2021. URL: <https://president.az/ru/articles/view/50474>

направленный на восстановление и реабилитацию всей существующей региональной транспортной инфраструктуры, а также на строительство и эксплуатацию новой современной инфраструктуры в регионах, где она критически необходима для интеграции¹²⁸.

Армения в рамках этого проекта готова установить 7 пунктов пропуска на границе Армения-Азербайджан (Каян, Сотк, Караундж, Ерасх, Ангехакот) и Армения-Турция (Ахурик, Маргара) для дорожной инфраструктуры. Армения взяла на себя обязательство обеспечить связь между Арменией, Азербайджаном и Турцией, восстановив на территории Республики Армения следующие 4 железнодорожных участка: Нрнадзор-Агарах (43 км); У Изношенные участки железной дороги от Раздана до станции (80 км); У От Ерасха до Нахичеванской границы (1 км); У Разрушенные участки железной дороги от Помри до границы с Турцией (6 км). Армения готова также создать 5 пунктов пропуска железнодорожной инфраструктуры, в том числе 4 на армяно-азербайджанской границе (Нрнадзор, Агарах, Ерасх, Каян) и один на армяно-турецкой границе (Ахурик)¹²⁹.

8 августа 2025 г. Азербайджан и Армения парафировали «Основное соглашение между Азербайджаном и Арменией об установлении мира и межгосударственных отношений и сотрудничества»¹³⁰. В октябре 2025 г. обе

¹²⁸ Арутюнян, Д. О. Проект «Перекресток мира» в контексте повышения транспортной «связности» на Южном Кавказе / Д. О. Арутюнян // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 169-190.

¹²⁹ Татевик Варданян «Перекресток мира»: Светлое будущее экономики Армении или темное разрушение? // Амберд. 2023. №5 (24).

¹³⁰ Опубликован парафированный текст Соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения. URL : https://azertag.az/ru/xeber/opublikovan_parafirovanniy_tekst_soglasheniya_ob_ustanovlenii_mira_i_mezhgosudarstvennyh_otnoshenii_mezhdu_azerbaidzhanskoj_respublikoi_i_respublikoi_armeniya-3696695 (Дата обращения: 11.12.2025)

страны одна за другой заявили о прекращении введения любых ограничений на транзит грузов и товаров через свои территории, предназначенных для поставки в другую страну¹³¹.

Одновременно Армения активно стремится к нормализации отношений с западным соседом – Турцией. Улучшение двусторонних отношений Армении с соседними государствами региона (Азербайджаном и Турцией) в 2025 году создало благоприятные условия для реализации и продвижения инициативы «Перекресток мира».

В июне 2025 г. министр иностранных дел Армении Мирзоян посетил Китай, официально отметив, что инициатива Армении «Перекресток мира» полностью соответствует концепции, целям и направлениям реализации инициативы «Пояс и Путь»¹³².

Данное стратегическое соответствие между двумя инициативами обеспечивает политическую поддержку и благоприятные рамки долгосрочного двустороннего сотрудничества для китайских крупных инфраструктурных и инвестиционных корпораций, что стало важным шагом к углублению китайско-армянского межгосударственного сотрудничества.

При этом обе страны официально выпустили совместное межгосударственное заявление об установлении межгосударственного стратегического партнерства. В данном документе Армения официально приветствовала участие китайских корпораций в проектах строительства и

¹³¹ Азербайджан снял все ограничения на транзит грузов в Армению. РИА Новость. 21.10.2025. URL: <https://ria.ru/20251021/tranzit-2049556472.html?ysclid=mkriqfsnt487021710> (Дата обращения: 11.11.2025)

¹³² Встреча министра иностранных дел Армении с министром иностранных дел Китая. 26.06.2025. Министерство иностранных дел Армении. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2025/06/26/Mirzoyan_Wang_Yi/13337 (Дата обращения: 11.11.2025)

модернизации региональной транспортно-инфраструктуры и предложила им благоприятные политические, юридические и экономические условия для эффективного участия в реализации этих проектов.

Прежде всего, Армения занимает геополитическое и логистическое положение вдоль евразийского экономико-транспортного коридора Китай – Центральная Азия – Западная Азия. Геополитическая выгода страны сочетается с ее развитыми сетями автомобильных и железных дорог: автомобильные магистрали, проходящие с севера на юг, и железнодорожные маршруты, направленные с востока на запад, могут значительно повысить логистическую эффективность евразийского наземного транспорта.

Это позволяет китайскому высокотехнологическому и промышленному экспорту перевезти через Центральную Азию на территорию Кавказа с высокой эффективностью, снижая транзитные издержки и сокращая время доставки – в результате чего создаются новые эффективные международные логистические коридоры, оптимизируя общую маршрутизацию евразийского транспорта.

При этом восстановленные и модернизированные железнодорожные сети Армении могут также обеспечить стабильную связь с Персидским заливом, Черным и Каспийским морями. Данное обстоятельство позиционирует Армению как ключевой региональный логистический и транзитный узел на Южном Кавказе, а также предоставляет китайским инфраструктурным и логистическим предприятиям новые перспективы участия в международных многосторонних инфраструктурных и транзитных проектах сотрудничества – в рамках реализации как китайской инициативы «Пояс и Путь», так и армянской инициативы «Перекресток мира» (см. табл.18).

**Ключевые области для согласования «Перекресток мира» с
инициативой «Пояс и путь»**

Сфера интерфейса	Основные проекты и партнерства	стратегическое значение
Транспортная инфраструктура	Север-Юг дорожный коридор (461 км, соединяющий Грузию с Ираном), железная дорога Ераскх-Джюльфа-Мегри-Хорадзи (соединяющая Азербайджан и Иран)	Преодоление географических барьеров для создания нового коридора, соединяющего Персидский залив, Черное море и Европу
Сотрудничество в области энергетики	Проекты в области возобновляемых источников энергии (фотоэлектричество, ветровая энергия), межсетевое соединение, повышение энергоэффективности	Повышение энергетической безопасности и продвижение «зеленого» перехода: первый в Китае фотоэлектрический проект с участием государственных предприятий будет подключен к энергосистеме к 2025 году.
Цифровая экономика	Строительство трансграничных подводных кабелей, сотрудничество в области сетей 5G и модернизация систем электронного правительства	Создание регионального цифрового хаба для преодоления географических недостатков
Упрощение процедур торговли	Упрощенные таможенные процедуры, трансграничное сотрудничество в области электронной коммерции и модернизированная логистическая инфраструктура	Увеличение пропускной способности транзитных грузов, при этом объем военной торговли в Центральной Азии к 2024 году достигнет 800 млн долларов США

Источник: составлено автором на основе анализа¹³³ .

В сентябре 2013 года, когда председатель Китая Си Цзиньпин впервые предложил инициативу строительства Экономического пояса Шелкового пути,

¹³³ Маркаров Александр Александрович, Давтян Ваге Самвелович Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе // Геоэкономика энергетики. 2024. №2.

это открыло беспрецедентные возможности для развития вдоль Шелкового пути перед Грузией, позволив ее использовать свои географические преимущества для осуществления государственного развития. Роль Грузии как маленькой страны в экономическом развитии КНР незначительна. Основываясь на этом экономическое сотрудничество с Китаем в интересах Грузии, но учитывая ее важную геополитическую позицию, это сотрудничество привлекательно и для Китая. Исходя из этого, у Китая и Грузии есть перспективы тесных экономических отношений, которые подкреплены соответствующей правовой базой¹³⁴.

В сентябре 2014 года вице-спикер парламента Грузии З.Дзидзигури возглавил грузинскую делегацию в г. Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР проходил 4-е ЭКСПО «Китай-Евразия», где провел дружеские переговоры с вице-премьером Ван Яном¹³⁵.

В марте 2015 года Министр экономики и устойчивого развития Грузии Георгий Квирикашвили посетил Китай, где подписал с китайской стороной «Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в строительстве Экономического пояса Шелкового пути» и «Меморандум об изучении возможностей заключения соглашения о свободной торговле между странами»¹³⁶. Именно с этого момента берет начало двустороннее сотрудничество Китая и Грузии в русле инициативы «Пояс и путь». Уже в мае

¹³⁴ Корганашвили Л. Грузия как транспортный узел китайской инициативы «Пояс и Путь» // European Journal of Intelligent Transportation Systems. 2018. №1 (1).

¹³⁵ Об участии делегации Секретариата ШОС в официальной церемонии открытия 4-го ЭКСПО «Китай-Евразия» и Форуме китайско-евразийского экономического развития и сотрудничества. Портал ШОС. 01. 09. 2014. URL: <https://rus.sectsko.org/20140901/8852.html> (Дата обращения: 04.03.2025)

¹³⁶ Лань Пэнхэ Сотрудничество между Китаем и Грузией в гуманитарной области (2013–2022 гг.) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2022. №2 (263).

2015 года грузинское правительство обнародовало программу развития под названием «Сильная, демократическая и единая Грузия», где особо оговаривалась роль страны как своего рода моста в возведении «Пояса и пути»: авторы документа исходили из того, что Экономический пояс Шелкового пути помогает наращивать торгово-экономические контакты между Евросоюзом и Азией. Так началось встраивание инициативы «Пояс и путь» в национальную стратегию развития Грузии.

По мере того, как двусторонние связи крепили, стороны все активнее включались в политические форумы и конференции. В сентябре 2015 года спикер грузинского парламента Давид Усупашвили принял участие в Конференции азиатских политических партий в Пекине, где провел встречу с председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжан Дэцзяном, а также участвовал в коллективной встрече с председателем Си Цзиньпином. Китайская сторона напомнила, что Грузия относится к числу государств, лежавших вдоль древнего Шелкового пути, и выразила надежду увидеть ее среди значимых участников новой инициативы «Пояс и путь»¹³⁷. Грузинское руководство, со своей стороны, отдает себе отчет в том, насколько важно для страны присоединение к инициативе, и высоко оценивает те широкие перспективы, которые она сулит Грузии в плане превращения в узловой центр транзита товаров.

10 сентября 2015 года премьер-министр Гарибашвили принял участие в Давосском форуме, который проходил в Даляне (Китай). В ходе Давосского форума состоялась первая встреча премьер-министра Грузии и премьера Ли

¹³⁷ Усупашвили: Шелковый путь выгоден и для России. Sputnik. 16.10.2015. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20151016/228796305.html?ysclid=miegnf74cp166363077> (дата обращения: 04.03.2025)

Кэцяна. Примечательно, что это была первая встреча на высшем уровне между двумя странами с момента установления дипломатических отношений. Очевидно, что участие премьер-министра Грузии в этом форуме и его встреча с премьер-министром Китая имели большое значение для дальнейшего развития двусторонних отношений. В ходе встречи стороны обсудили будущее направление двусторонних отношений между Китаем и Грузией и определили приоритетные области сотрудничества, включая торговлю и экономику, инвестиции, инфраструктуру, производство, сельское хозяйство, здравоохранение и туризм¹³⁸.

В ноябре 2016 года правительство Грузии опубликовало правительственную программу «Свобода, быстрое развитие и процветание (2016–2020 гг.)». Согласно документу, официальные лица Грузии считают, что сотрудничество между Европой и Азией через Шелковый путь имеет большое значение, а сотрудничество с восточными странами в сферах экономики, торговли, транспорта и энергетики приносит Грузии большую пользу. Позитивный настрой Грузии подтвержден в виде государственной программы¹³⁹.

В 2017 году правительство Грузии в рамках второй совместной инициативы с китайскими партнерами организовало Тбилисский международный форум «Пояс и Путь», стремясь превратить его в новую платформу для экономического обмена, сравнимую с Давосским форумом.

¹³⁸ Премьер Грузии провел встречу с китайским коллегой. SPUTNIK. 10.09.2015. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20150910/228517112.html?ysclid=mifpxlw0vi959867605> (Дата обращения: 04.03.2025)

¹³⁹ Лань Пэнхэ Развитие Китайско-Грузинских торгово-экономических отношений в контексте реализации стратегии «Пояс и Путь» (2013-2022) // Власть истории – История власти. 2022. №39.

При интеграции национальной экономической стратегии с инициативой «Пояс и Путь» Грузия ставила целью повышение международного имиджа и формирование транспортного хаба между Востоком и Западом. Для достижения этой цели было принято две основные группы мер: С подписанием соглашений о создании зон свободной торговли, преимущественно с Китаем в последние годы; И с расширением инфраструктурной сети, в частности реализацией транснационального железнодорожного проекта «Баку—Тбилиси—Карс» и строительством глубоководного порта в Анаклии. Однако полная эффективность данных мер потребует несколько лет реализации. Несмотря на ожидания успеха со стороны грузинских стейкхолдеров, длительный цикл проектов усложняет объективную оценку их результативности на ранних стадиях.

С 26 июля по 1 августа 2023 года премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили посетил Китай. Стороны единодушно решили установить отношения на уровень стратегического партнерства¹⁴⁰. Две стороны подписали «Совместное заявление о установлении стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Грузией», сосредоточенное на развитии проекта «Среднего коридора». Инициатива направлена на обеспечение беспрепятственного экспорта китайских товаров на западные рынки через использование транспортной инфраструктуры Грузии. Китай также выражает готовность изучить возможность предоставления льготных кредитов для

¹⁴⁰中华人民共和国与格鲁吉亚关于建立战略伙伴关系的联合声明（全文）. 中华人民共和国外交部. 31.07.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/xgxw_676482/202307/t20230731_11120026.shtml (Дата обращения: 27.03.2025) [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии об установлении стратегического партнерства (полный текст). Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики.]

реализации социально-инфраструктурных проектов в Грузии.

Примечательно, что Грузия стала первой страной Южного Кавказа (среди трех государств региона), установившей с Китаем отношения «стратегического партнерства». В качестве важного транспортного узла в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» Грузия демонстрирует через институциональные заявления и практические действия, что ее западно-ориентированная внешне политика не конфликтует с сотрудничеством с Китаем. Сбалансированная экономическая зависимость между Востоком и Западом соответствует долгосрочным стратегическим интересам Грузии (см. табл.19).

Таблица 19

Ключевые области для согласования стратегий Грузии с инициативой «Пояс и путь»

Сфера интерфейса	Основные проекты и партнерства	стратегическое значение
Логистическая инфраструктура	Порт Поти, расширение порта Батуми, модернизация грузинского участка железной дороги БТК, глубоководный порт Анаклия (планируемая годовая пропускная способность 100 млн тонн).	Создать систему «море-железная дорога» для обеспечения «единой декларации, беспрепятственного транзита» для документов T1 ЕС.
Упрощение процедур торговли	Соглашение о свободной торговле между Китаем и Грузией (вступило в силу в 2017 году; Грузия является первой страной в Евразийском регионе, подписавшей соглашения о свободной торговле как с Китаем, так и с Европейским союзом).	Снижение торговых издержек и повышение привлекательности Грузии как транзитного узла для евразийской торговли

Сотрудничество в области энергетики	Трансанатолийский газопровод (TANAP), проекты в области возобновляемых источников энергии, инфраструктура транспортировки энергии.	Стать важнейшим узлом Южного коридора для энергетической безопасности Европы
Транспортная взаимосвязанность	Модернизация дорожной сети (стратегическая трасса, соединяющая Азербайджан и Армению, завершение строительства в 2026 году), цифровые трансграничные коридоры.	Укрепление региональной транспортной доступности для поддержки процесса европейской интеграции.

Источник: составлено автором на основе анализа¹⁴¹.

При сравнении национальных стратегий социально-экономического развития трех стран Южного Кавказа и их степени согласованности с китайской инициативой «Пояс и Путь», можно выявить ряд общих характеристик, характеризующих взаимосвязь между национальными стратегиями стран региона и китайской трансграничной инициативой.

На национальном уровне стратегии социально-экономического развития трех государств Южного Кавказа уделяют приоритетное внимание транспортной и логистической доступности как основному движущему фактору региональной интеграции и социально-экономического развития. Данное направление в полной мере соответствует пятиосновным принципам инициативы «Пояс и Путь»: координации политических позиций, транспортной и логистической взаимосвязанности, беспрепятственной торговли и инвестиций, финансовой интеграции и межчеловеческих связей.

¹⁴¹ «Пояс и путь» и транспортная связность в Евразии. 28 ноября 2023. <https://iarex.ru/articles/117168.html>

Данное совпадение в приоритетных направлениях формирует прочную концептуальную и практическую основу для стратегического согласования между национальными стратегиями стран региона и инициативой «Пояс и Путь». Это подтверждается конкретными положениями каждой страны: Стратегия «Азербайджана-2030» определяет модернизацию национальных логистических сетей и развитие ТМТМ как ключевые приоритетные направления своей социально-экономической политики. В свою очередь план Армении «Перекресток мира» сосредоточен на снятии региональных транспортных и торговых блокад, а также на создании интегрированных трансграничных транспортно-логистических сетей. При этом стратегия Грузии «Европейская интеграция – транзит» направлена на создание евразийского транспортно-перевалочного хаба, основанного на кластерах портов Черного моря и наземных транспортных коридорах. Все три национальные стратегии напрямую соответствуют ключевой цели «Пояс и Путь» формированию региональной инфраструктурной взаимосвязанности, что подтверждает высокую степень стратегического согласования между национальными интересами стран Южного Кавказа и целями китайской трансграничной инициативы.

В рамках взаимодействия с Китаем и реализации инициативы «Пояс и Путь» три страны Южного Кавказа осуществили координацию своих политических позиций в сфере регионального сотрудничества. Например, они подписали межгосударственные меморандумы о сотрудничестве в рамках «Пояс и Путь», а также совместные политические заявления, направленные на углубление стратегического понимания между сторонами.

Кроме того, для обеспечения эффективной координации политических

позиций и практического реализации договоренностей стран создали межгосударственные совместные комиссии по экономическому и торговому сотрудничеству между каждой из трех стран и Китаем, а также межгосударственную Координационную группу по функционированию железнодорожного экспресса «Китай – Европа».

Во-вторых, следуя логике инициативы «Пояс и путь» и собственным национальным программам социально-экономического развития, все три государства Южного Кавказа деятельно и осознанно включаются в обустройство и обновление международных транспортно-логистических коридоров, пролегающих через их территорию. Каждая из стран пускает в ход свое выгодное географическое положение и взаимодополняющие сильные стороны, чтобы выстроить единые, дополняющие друг друга логистические сети: такие сети соединяют национальные транспортные системы трех республик, позволяя им подкреплять возможности друг друга и снимать те ограничения, которые есть у каждой по отдельности.

Именно совместный, согласованный образ действий дает возможность обойти узкие места и логистические препятствия, с которыми любая из трех стран неминуемо столкнулась бы в одиночку, и одновременно сообща поднять конкурентоспособность Южного Кавказа как ключевого евразийского транспортного и транзитного узла в глобальной цепочке поставок. Роли, которые при этом отводятся каждой стране внутри общей логистической сети, распределяются так:

1. Азербайджан занимает стратегически выигрышную позицию, играя роль «морских ворот» Каспия. Опираясь на Бакинский международный морской порт и восточное плечо железной дороги Баку – Тбилиси – Карс, он

берет на себя транскаспийскую перевалку транзитных грузов, идущих из Центральной Азии, и тем самым выполняет функцию главного транзитного звена на маршруте Центральная Азия – Южный Кавказ.

2. Армения, как часть интегрированной логистической сети трех стран, через трансграничный Северо-Южный коридор (Грузия – Армения – Иран) и трансграничные маршруты восток-запад снимает транспортную изоляцию для регионов, не имеющих выхода к морю, обеспечивая интеграцию экономических пространств Персидского залива и Черного моря в единую региональную логистическую систему.

3. Грузия использует свой кластер крупных портов Черного моря – Потти и Батуми – и западный участок железной дороги Баку – Тбилиси – Карс для обеспечения региональных интермодальных морских и железнодорожных перевозок из Каспийского моря в Черное море, обеспечивая прямую связь региональных транзитных потоков с европейскими рынками.

Аналогичным образом, в процессе интеграции три страны также сталкиваются с разными перспективами развития:

Используя свои уникальные двойные конкурентные преимущества – богатые энергетические ресурсы и геополитическое логистическое положение – Азербайджан, в рамках интеграции в инициативу «Пояс и Путь» и реализации своих национальных стратегий социально-экономического развития, постепенно трансформируется из статуса «экспортера энергии» в статус «ключевого евразийского энергетического и транзитного логистического центра».

В традиционных энергетических секторах проекты по модернизации Транскаспийского международного газопровода и национальной

нефтехимической промышленности еще больше укрепят его роль как надежного ключевого поставщика энергии для европейских стран. Кроме того, в сфере зеленой энергетики такие крупные инфраструктурные проекты, как солнечная электростанция в Гобустане и проект по производству зеленого водорода мощностью 22 гигаватта, полностью соответствуют принципам зеленого развития и экологической устойчивости китайской инициативы «Пояс и Путь».

Что касается логистических центров и транзитных возможностей Азербайджана, то в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь» и национальных стратегий социально-экономического развития, в частности расширение возможностей Бакинского международного морского порта, модернизация железной дороги Баку-Тбилиси-Карс и усовершенствование Межгосударственного Механизма Координации морских транзитных перевозок по Каспийскому морю – все эти меры позволят Азербайджану стать ключевым транзитным узлом для транзитных грузов из Центральной Азии, направляемых на территорию Южного Кавказа и далее в европейские страны.

Опираясь на всеобъемлющие стратегические партнерства с Китаем и другими ключевыми региональными странами, а также на обширные природные запасы нефти и газа и развитую энергетическую инфраструктуру, Азербайджан сможет укрепить свою роль в координации механизмов регионального сотрудничества на Южном Кавказе. Благодаря реализации проектов постконфликтного экономического и инфраструктурного восстановления территории Нагорного Карабаха он дополнительно усилит свое региональное влияние, что превратит его в «ключевое государство» для реализации инициативы «Пояс и Путь» на Южном Кавказе.

Перспективы социально-экономического развития Армении в значительной степени зависят от успешного протекания региональных мирных процессов и реализации трансграничных транспортных инициатив. При успешной реализации армянской инициативы «Перекресток мира» и полном снятии региональных транспортных блокад страна превратится из страны, не имеющей выхода к морю, в новый ключевой евразийский трансграничный транспортный и логистический узел, что позволит ей добиться качественного скачкообразного социально-экономического развития.

После завершения таких ключевых инфраструктурных проектов, как трансграничный коридор «Север-Юг» (Грузия – Армения – Иран) и новая железная дорога Ереван – Джульфа – Мегри – Хорадзи, будет создан международный энергетический и торговый коридор «Север-Юг», обеспечивающий стабильную связь между Черным морем и Персидским заливом. Это заполнит существующий пробел в системе наземного транспорта на Южном Кавказе, обеспечивая прямой транзитный маршрут для транзитных товаров из Центральной Азии и Китая в Иран и страны Персидского залива, что значительно повысит интеграцию Армении в глобальные транспортно-логистические цепи.

Опираясь на достигнутое в обновлении и наращивании транспортной инфраструктуры, Армения получает шанс всерьез развернуть у себя транзитную транспортно-логистическую экономику, цифровой сектор (трансграничные оптоволоконные линии международного уровня, современные сети 5G) и отрасли возобновляемой энергетики – и все это в русле диверсификации национального хозяйства. Такой курс позволил бы ей ослабить избыточную привязку к традиционным отраслям вроде сельского

хозяйства и классической добычи полезных ископаемых, а заодно повысить сопротивляемость экономики внешним потрясениям.

Помимо прочего, присоединение к инициативе «Пояс и путь» открывает перед Арменией возможность смягчить геополитическую напряженность в отношениях с Азербайджаном и Турцией – через двустороннее и многостороннее торгово-экономическое сотрудничество.

Что касается Грузии, то у нее есть двойное конкурентное преимущество – статус кандидата на вступление в Европейский союз (ЕС) и выход к Черному морю с развитым портовым кластером. Благодаря этому, включившись в инициативу «Пояс и путь», страна способна взять на себя роль «стратегических транзитных ворот», через которые инициатива продвигается на запад. Одновременно Грузия закрепила бы за собой репутацию образца в деле состыковки евразийских и европейских логистических, таможенных и транзитных стандартов, что упрочило бы ее место в мировой транспортно-логистической системе.

Во-вторых, будучи единственным государством Евразии, заключившим соглашения о зоне свободной торговли одновременно и с Китаем, и с Евросоюзом, Грузия может с выгодой пользоваться выдачей транзитных документов ЕС типа T1 и применением унифицированных европейских таможенных и технических норм. Тем самым она обеспечила бы режим «единой таможенной декларации» и беспрепятственное движение грузов в условиях свободной торговли по всей территории ЕС.

Это, в свою очередь, превращает Грузию в беспоплиный транзитно-перевалочный хаб для китайских высокотехнологичных и промышленных товаров, идущих на рынок ЕС, позволяя ей результативно играть роль

посредника между евразийскими и европейскими рынками и наращивать собственный вес в рамках инициативы «Пояс и путь».

В рамках реализации национальных стратегий социально-экономического развития Грузии и инициативы ««Пояс и Путь» такие ключевые инфраструктурные мероприятия, как расширение возможностей черноморских портов Грузии (Поти, Батуми) с повышением их грузоподъемности и обработки контейнеров, реализация проекта строительства глубоководного морского порта Анаклия, а также модернизация железной дороги Хашури-Зестафони с улучшением ее технических параметров и увеличением пропускной способности, позволят создать интегрированную мультимодальную транспортно-логистическую систему. Данная система будет включать черноморские порты Грузии – трансграничные железные дороги, соединяющие Грузию с соседними странами региона – международные автомагистрали класса «А».

Эта система будет направлена на оптимизацию транзитных маршрутов через территорию Грузии, повышение эффективности перевалки грузов и снижение транзитных издержек.

Между тем, опираясь на политические и экономические дивиденды от статуса кандидата в члены ЕС, несмотря на временные сбои и отдельные задержки в процессе интеграции в ЕС, государственные реформы в европейском стиле (в сфере права, экономики и администрации) продолжают систематически продвигаться – а также используя финансовую, техническую и экспертную поддержку, предоставляемую в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь», Грузия сможет эффективно привлекать инвестиции от китайских и европейских предприятий в ключевые экономические секторы.

Это, в свою очередь, позволит Грузии осуществить качественную экономическую трансформацию: от модели экономики, преимущественно зависящей от транзитной деятельности, к экономике с диверсифицированной промышленной и услугой базой. При этом это утвердит Грузию в качестве ключевого транзитного и кооперативного «моста» для усиления взаимодействия между инициативой «Пояс и Путь» и ЕС в сфере международного транспортного сообщения, экономического и торгового сотрудничества.

Важно подчеркнуть, что процесс сопряжения национальных стратегий развития стран региона с инициативой «Пояс и Путь» не ограничивается исключительно экономической плоскостью. Согласно иерархии национальных интересов КНР, защита инфраструктурных вложений требует формирования стабильной среды безопасности. Как отмечает Е.Н. Грачиков, современная китайская дипломатия в Евразии опирается на «реляционную теорию», где установление стратегических партнерств служит фундаментом для долгосрочной политической координации¹⁴².

Однако согласование инициативы «Пояс и Путь» с национальными стратегиями стран Южного Кавказа невозможно рассматривать вне контекста интересов Российской Федерации, для которой Закавказье остается зоной приоритетных интересов и поясом безопасности собственных южных границ. Институциональной основой такого согласования выступает российско-китайское Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса

¹⁴² Грачиков Е.Н. Дипломатия Китая: проблемы формирования дисциплины и науки в контексте академического дискурса // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 266–282.

Шелкового пути (май 2015 г.), а также концепция Большого евразийского партнерства, в рамках которых Пекин и Москва рассматривают транспортно-логистическую связность Евразии как общее, а не конкурирующее благо.

На страновом уровне точки сопряжения с российскими интересами распределяются неравномерно. Армения, являясь членом ЕАЭС и ОДКБ, встраивает инициативу «Перекресток мира» в логику существующего таможенного и тарифного режима Союза, благодаря чему китайские грузы получают выход на единый рынок ЕАЭС, а меридиональный коридор «Север–Юг» (Грузия – Армения – Иран) объективно дополняет российский МТК «Север–Юг») ¹⁴³. Азербайджан выступает одновременно узлом ТМТМ и звеном коридора «Север–Юг», что позволяет Баку извлекать выгоду как из китайского, так и из российского транзита. Грузия, напротив, согласует свой транзитный курс с европейскими стандартами, а не с евразийскими интеграционными проектами, что делает ее самым чувствительным участком согласования интересов Пекина и Москвы.

Следует признать, что такое согласование не является бесконфликтным. После 2022 г. ускоренное развитие Транскаспийского маршрута объективно снижает роль «Северного коридора», проходящего через территорию России, и создает риск частичного перераспределения евразийских грузопотоков в пользу Южного Кавказа; как отмечает С.С. Жильцов, в условиях санкционного давления на Россию государства региона вынуждены лавировать между центрами силы ¹⁴⁴. Однако Пекин последовательно избегает антироссийской

¹⁴³ Минасян Г.М. Вступление Армении в ЕАЭС и новые векторы сотрудничества на евразийском пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 1 (2). С. 68

¹⁴⁴ Жильцов С.С. Китай в Центральной Азии и на Кавказе: новые вызовы и возможности // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 4. С. 89

трактовки ТМТМ, представляя его не альтернативой, а дополнением северного маршрута, и инвестирует в инфраструктуру, связывающую региональные коридоры с российскими транспортными путями (тоннель Квешети – Коби на военно-Грузинской дороге). Дополнительным механизмом снятия противоречий выступает поддерживаемый Китаем формат «3+3», позволяющий вырабатывать региональные решения без участия внерегиональных западных акторов.

Таким образом, согласование «Пояса и Пути» с интересами РФ осуществляется по модели функционального разделения ролей: за Москвой признается функция гаранта военно-политической стабильности и ключевого участника евразийских интеграционных институтов, за Пекином – роль инвестиционного и технологического драйвера региональной инфраструктуры. Именно эта взаимодополняемость, а не конкуренция, позволяет странам Южного Кавказа участвовать в китайской инициативе, не разрушая сложившихся связей с Россией.

В этом контексте подписание в июле 2024 г. «Совместной декларации об установлении стратегического партнерства между Азербайджанской Республикой и Китайской Народной Республикой» стало высшей точкой процесса согласования интересов. Документ закрепил не только экономические приоритеты, но и взаимную поддержку в вопросах суверенитета и территориальной целостности, что М.М. Агазаде квалифицирует как формирование нового контура региональной стабильности, позволяющего Баку диверсифицировать свои внешнеполитические связи и

снизить зависимость от давления западных центров силы¹⁴⁵.

В данном разделе представлен комплексный сравнительный анализ согласованности инициативы «Пояс и Путь» с национальными стратегиями трех стран Южного Кавказа. В ходе которого, с учетом их национальных особенностей, геополитического положения и ресурсных потенциалов, были выявлены основные характеристики стратегической конвергенции между «Пояс и Путь» и национальными стратегиями, а также отличительные модели интеграции и уникальные взаимодополняющие конкурентные преимущества каждой страны. У каждой из трех стран в рамках общего сотрудничества вырисовывается собственная специализация. Азербайджан делает упор на энергетику и транспортно-логистическую сферу, пуская в ход природные богатства и удобное расположение. Армения сосредоточена на продвижении мирной повестки и наращивании транзита в русле проекта «Перекресток мира». Грузия же направляет силы на углубленную европейскую интеграцию и совершенствование транзитно-перевалочных услуг, опираясь на свое двойное конкурентное преимущество. Сообща эти государства складывают единую сеть стратегических транспортно-логистических коридоров, которые связывают Евросоюз, Центральную и Восточную Азию, пролегая через территорию Южного Кавказа.

Сопоставительный разбор того, как китайская инициатива «Пояс и путь» стыкуется с национальными стратегиями государств Южного Кавказа, позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов.

1. Приходится констатировать высокую степень стратегического

¹⁴⁵ Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.

сближения между глобальными замыслами Пекина и приоритетами социально-экономического развития Азербайджана, Армении и Грузии. Для каждой из республик китайская инициатива – не рядовой инвестиционный проект, а важнейший рычаг, позволяющий вырваться из географической изоляции и модернизировать национальное хозяйство.

2. Как показало исследование, почвой для успешного согласования интересов служит концептуальное единство во взглядах на транспортно-логистическую связность. Программа «Азербайджан-2030», армянский проект «Перекресток мира» и грузинский курс на превращение страны в транзитный узел между Востоком и Западом напрямую перекликаются с принципом «пяти связей» («五通»), лежащим в основе «Пояса и пути».

3. В работе обнаружилась и четкая специализация стран региона внутри китайского инфраструктурного замысла. Азербайджан делает ставку на роль морских ворот Каспия и на развитие ТМТМ. Армения стремится расшить региональные коммуникации, создавая меридиональные коридоры. Грузия же с выгодой использует статус государства с двойным режимом свободной торговли, обслуживая транзитные потоки между КНР и Евросоюзом. Судя по имеющимся данным, встраивание национальных стратегий в китайскую инициативу протекает прагматично и вне политической подоплеки. Именно это дает странам Южного Кавказа возможность удачно балансировать между разными центрами силы, обращая экономическую отдачу от сотрудничества с КНР на укрепление собственного государственного суверенитета.

4. Наконец, установлено, что сопряжение национальных стратегий стран региона с «Пояс и Путь» остается совместимым с интересами Российской Федерации благодаря курсу на сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, формату «3+3» и

взаимодополняемости коридоров «Север–Юг» и «Запад–Восток», хотя ускоренное развитие ТМТМ создает для РФ риск частичного сокращения транзитных потоков через «Северный коридор».

2.2 Ключевые направления сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в реализации инициативы «Пояс и Путь»

При сравнении согласованности инициативы «Пояс и Путь» с национальными социально-экономическими и транзитными стратегиями трех государств Южного Кавказа становится очевидным, что энергетический сектор, транспортно-логистические коридоры и инфраструктура, а также торгово-инвестиционное сотрудничество являются ключевыми областями двустороннего взаимодействия между Китаем и каждой из этих стран. Данное заключение основывается на совокупности факторов – геополитического положения трех стран, их ресурсного потенциала и направлений национальных стратегий, которые в значительной степени совпадают с приоритетами инициативы «Пояс и Путь».

Как стратегические геополитические узлы, соединяющие европейский и азиатский континенты, три государства Южного Кавказа выполняют разные, но взаимодополняющие роли в процессе интеграции в глобальную транспортно-логистическую и энергетическую систему в рамках «Пояс и Путь». Далее в анализе будут рассмотрены указанные три основные области сотрудничества: энергетический сектор, транспортно-логистические коридоры и инфраструктура, а также торгово-инвестиционное сотрудничество, с целью выявления специфических приоритетов сотрудничества, оценки развития потенциала в каждой из трех стран и определения механизмов их эффективной

интеграции в рамках инициативы «Пояс и Путь».

Сектор энергетики.

Энергетический сектор давно занимает позицию важной традиционной и стратегически значимой области сотрудничества между Китаем и странами Южного Кавказа, в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь». Среди трех государств региона Азербайджан, обладающий значительными природными запасами традиционных энергетических ресурсов и развитой энергетической инфраструктурой, занимает особое место в двустороннем сотрудничестве с Китаем. Данная специализация Азербайджана определяет его ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности как Южного Кавказа, так и отдельных стран-партнеров, включая Китай.

1 июня 2016 г., во время визита вице-премьера Чжан Гаоли в Азербайджан, CNPC и SOCAR подписали Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области переработки нефти и газа и нефтехимии. Азербайджанская сторона пригласила CNPC принять участие в проекте OGPC¹⁴⁶.

В ходе Форума международного сотрудничества «Пояс и Путь», прошедшего с 13 по 15 мая 2017 года, Китай и Азербайджан подписали три важных соглашения. В ходе форума 13 мая 2017 года между SOCAR и CNPC был подписан договор об обслуживании с целью разработки проекта газоперерабатывающего завода в Гарадагском районе и второго рабочего

¹⁴⁶ Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики и Китайская национальная нефтяная компания подписали Меморандум о взаимопонимании. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. URL: https://azertag.az/ru/xeber/gosudarstvennaya_neftyanaya_kompaniya_azerbaidzhanskoi_respubliki_i_kitaiskaya_nacionalnaya_neftyanaya_kompaniya_podpisali_memorandum_o_vzaimoponimanii-956481 (Дата обращения: 06.06.2025)

проекта нефтехимического комплекса в рамках проекта «SOCAR GPC»¹⁴⁷.

В 2018 году CNPC и SOCAR создали совместное предприятие по разведке и добыче нефти и газа на шельфе, расширив свое сотрудничество на Каспийское море ¹⁴⁸. В декабре 2018 года состоялась церемония открытия новой битумной установки и пункта заправки сжиженным газом на нефтеперерабатывающем заводе имени Гейдара Алиева (БНПЗ) в рамках первого этапа проекта реконструкции и модернизации. В церемонии принял участие президент Азербайджана Ильхам Алиев.

2 сентября 2025 года, во время саммита Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Тяньцзине, Китайская национальная корпорация химического машиностроения (CNCEC) и SOCAR подписали историческое соглашение. Церемония подписания прошла в присутствии президента Азербайджана Ильхама Алиева и председателя CNCEC Мо Динге, что ознаменовало новый этап в сотрудничестве между Китаем и Азербайджаном в области нефтехимии. Два крупных рамочных соглашения о проектах с общим объемом инвестиций около 12 млрд долларов США представляют собой крупнейший в Азербайджане интегрированный нефтехимический комплекс. В рамках проекта будут построены этиленовый комплекс и нефтеперерабатывающий комплекс, в которых будут объединены передовые технологии и оборудование Китая с географическими и ресурсными преимуществами Азербайджана, что поможет стране стать

¹⁴⁷ Агаев И. Китайская концепция «Один пояс- один путь» в контексте интересов Азербайджанской Республики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1.

¹⁴⁸ SOCAR и китайская компания учредили совместное предприятие по сейсморазведке. 02.20.2018. URL: <https://report.az/ru/energetika/socar-i-kitajskaya-kompaniya-uchredili-sovmestnoe-predpriyatie-po-sejsmorazvedke>(Дата обращения: 10.10.2025)

региональным энергетическим и химическим центром.

Сотрудничество Китая и Азербайджана в нефтехимической отрасли имеет свою историческую основу: оно началось с совместного участия двух стран в разработке нефтяного месторождения К&К в 2002 году. За последующие годы данное двустороннее сотрудничество постепенно расширилось и углублялось, превращаясь в стабильное стратегическое партнерство, охватывающее всю производственную цепочку традиционной энергетики и нефтехимии – от разведки и промышленной разработки нефтегазовых месторождений до переработки нефти и газа, а также производства широкого ассортимента высококачественной химической продукции. В частности, подписание соглашения о реализации проекта OGPC в 2017 году, а также заключение соглашения о строительстве нефтехимического комплекса в 2025 году, являются индикаторами квантового скачка и нового качественного этапа в развитии двустороннего нефтехимического сотрудничества. Это, в свою очередь, будет способствовать дальнейшей глубокой экономической и технологической интеграции Китая и Азербайджана в современном контексте глобального энергетического перехода к низкоуглеродному развитию и глубокой региональной экономической интеграции Южного Кавказа и Евразии.

Сотрудничество между Китаем и Азербайджаном в энергетическом секторе постепенно расширилось с односторонней разведки и разработки нефтяных и газовых месторождений до многостороннего сотрудничества по всей цепочке создания стоимости, охватывающего разведку, переработку и сбыт. Масштабы инвестиций выросли с десятков миллионов долларов США на ранних этапах до недавних проектов стоимостью в десятки миллиардов

долларов США, при этом сфера сотрудничества продолжает расширяться. Основные участники эволюционировали от одного предприятия (CNPC) до скоординированного участия нескольких центральных государственных предприятий, включая CNPC, Sinopec и China National Chemical Engineering Corporation. Техническое сотрудничество также продвинулось от чистого инвестирования и развития к экспорту технологий, примером чего является экспорт Sinopec своей технологии 1-гексена.

Более того, сотрудничество между Китаем и Азербайджаном в области возобновляемых источников энергии также неуклонно развивается.

С целью укрепления национальной экономической безопасности Азербайджан стремится диверсифицировать свою экономическую структуру. Следовательно, правительство разработало среднесрочную и долгосрочную стратегию экономического развития, центральным направлением которой является развитие не углеводородных отраслей и снижение чрезмерной зависимости от углеводородов.

В 2019 году было утверждено «Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о мерах по реализации пилотных проектов в области использования возобновляемых источников энергии»¹⁴⁹. Оно направлено на осуществление в стране пилотных инициатив, связанных со строительством ветровых и солнечных электростанций. Стратегической основой политики сохранения экологического баланса и развития возобновляемой энергетики является документ «Национальные приоритеты

¹⁴⁹ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о мерах по реализации пилотных проектов в области использования возобновляемых источников энергии. 05.12.2019. URL: <https://president.az/ru/articles/view/35117> (дата обращения: 23.02.2025).

социально-экономического развития: Азербайджан 2030»¹⁵⁰, утвержденный Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 года. В документе в качестве одного из пяти Национальных приоритетов поставлена важная задача – превращение Азербайджана в страну с чистой окружающей средой и зеленым ростом. Для совершенствования законодательной и институциональной базы в этой области был принят Закон Азербайджанской Республики «Об использовании источников возобновляемой энергии при производстве электроэнергии» от 31 мая 2021 года. В ноябре 2021 года на Конференции COP-26 Азербайджан добровольно взял на себя новое обязательство: к 2050 году сократить эмиссии почти на 40 процента и создать зоны «чистой нулевой эмиссии» на территориях, освобожденных от оккупации¹⁵¹. 11 декабря 2023 года было принято решение о проведении в Азербайджане 29-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP29) с 11 по 22 ноября 2024 года. Кроме того, Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 25 декабря 2023 года 2024 год объявлен в стране «Годом солидарности во имя зеленого мира». Эти политико-правовые основания, способствующие развитию возобновляемых источников энергии, послужили политическим ориентиром для последующего практического сотрудничества между Азербайджаном и Китаем в этой сфере.

На основе государственных стратегий и распоряжений Президента

¹⁵⁰ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030». URL: <https://president.az/ru/articles/view/50474> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁵¹ Зеленая энергия. Энергетические проекты Азербайджана. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/contract> (дата обращения: 23.10.2025).

Азербайджана активно реализуются проекты по строительству ветроэнергетических станций в рамках перестройки энергетической структуры и развития возобновляемых источников энергии. Следует отметить, что в контексте инициативы «Пояс и Путь» сотрудничество Китая и Азербайджана в сфере возобновляемых источников энергии становится все более тесным. В частности, в 2024 году две страны подписали «Совместное заявление об установлении стратегического партнерства», а в 2025 году – «Совместное заявление о установлении отношений всестороннего стратегического партнерства». Эти документы предусматривают углубление кооперации в областях торговли, инвестиций, нефти и газа, а также фотоэлектрической энергетики¹⁵².

В рамках инициативы «Пояс и Путь» Китай и Азербайджан достигнуты консенсуса о сотрудничестве в секторе ВИЭ, выбрав подход для строительства крупной фотоэлектрической станции пустынный район Гобустана. Она занимает площадь 550 гектаров и имеет общую установленную мощность 230 мегаватт. Проект, реализованный китайской компанией Dongfang Electric Group, был подключен к энергосистеме 26 октября 2023 года. С годовым объемом производства электроэнергии в 500 миллионов киловатт-часов он обеспечивает электроэнергией 110 000 домохозяйств и сокращает выбросы углекислого газа более чем на 200 000 тонн в год¹⁵³. Как первый

¹⁵² Си Цзиньпин встретился с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. 04.07.2024. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240705_11448682.html (дата обращения: 23.10.2025)

¹⁵³ Вступление в «голубой океан» фотоэлектрической энергетики в пустыне: крупнейшая в Азербайджане фотоэлектрическая электростанция, находящаяся в стадии строительства, приступает к поэтапному подключению к сети и выработке электроэнергии (走进荒漠里的“光伏蓝海”—阿塞拜疆在建最大光伏电站开始分批并网发电). 11.20.2023. URL:

крупномасштабный проект Азербайджана в сфере ВИЭ, он стал флагманским для сотрудничества между Китаем и Азербайджаном в рамках «Пояса и пути». Фундаментные работы были завершены в марте 2023 года, а испытания высоковольтной системы передачи и трансформации – в октябре того же года. Первоначальный запуск энергосистемы состоялся 15 октября, а 26 октября президент Азербайджана Ильхам Алиев лично открыл церемонию подключения к энергосистеме. Как ключевая инициатива в стратегии энергетического перехода страны, проект был включен в национальный план развития ВИЭ.

Более того, сотрудничество Азербайджана и Китая распространяется на автотранспорт на возобновляемых источниках энергии. В июле 2024 года китайская компания BYD заключила контракт с правительством Азербайджана на поставку 160 электробусов, доставка которых была завершена в октябре 2024 года¹⁵⁴. Эти транспортные средства начали эксплуатироваться во время Конференции ООН по изменению климата (COP29) в ноябре того же года, обеспечивая транспортное обслуживание участников мероприятия на протяжении всего срока. Кроме того, в сентябре 2025 года компания BYD поставила первую партию из 50 электробусов в рамках общего заказа на 300 единиц. Остальные автомобили будут производиться локально и эксплуатироваться в городах, таких как Баку и Карабах. Сотрудничество между сторонами сосредоточено в первую очередь на секторе электробусов и включает в себя поставку продукции, локализацию

<http://vod.sasac.gov.cn/folder21/folder24/2023-11-20/jLu94FdUcQFqYYj8.html> (дата обращения: 23.10.2025)

¹⁵⁴ Электробусы в Азербайджане: подписаны документы о сотрудничестве с компанией BYD. 02.07.2024. URL: <https://caliber.az/post/elektrobusy-v-azerbajdzhane-podpisany-dokumenty-o-sotrudnichestve-s-kompaniej-byd> (дата обращения 23.10.2025).

производства и развитие экологически чистой транспортной инфраструктуры. Благодаря инициативе «Пояс и Путь» компания BYD стала ключевым партнером Азербайджана в переходе к экологически чистому транспорту, установила стандарты развития ВИЭ в сфере транспорта на Южном Кавказе для осуществления цели зеленого экономического развития.

В апреле 2025 года, во время государственного визита президента Азербайджана Ильхама Алиева в Китай, Азербайджан подписал шесть соглашений о сотрудничестве в области возобновляемых источников энергии с китайскими предприятиями¹⁵⁵:

1. Инвестиционный договор между Правительством Азербайджанской Республики и компанией Universal Solar Azerbaijan LLC в связи с проектом строительства солнечной электростанции «Гобустан» мощностью 100 МВт.

2. Между Министерством энергетики Азербайджана и компанией China Energy Overseas Investment Co. Ltd. подписан Исполнительный договор об оценке, развитии и реализации проекта морской ветроэнергетики в Азербайджане.

3. Документ подписан между Министерством энергетики Азербайджана, компаниями China Datang Overseas Investment Co. Ltd и SOCAR Green LLC. Техничко-экономическое обоснование, проектирование, финансирование, строительство, эксплуатация и техническое обслуживание будут осуществляться через проектную компанию, которая будет создана в

¹⁵⁵ Подписанные между Азербайджаном и китайскими компаниями документы предусматривают производство 2,4 ГВт зеленой энергии. 23.04.2025. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. URL: https://azertag.az/ru/xeber/podpisannye_mezhdu_azerbaidzhanom_i_kitaiskimi_kompaniyami_dokumenty_predusmatrivayut_proizvodstvo_24_gvt_zelenoi_energii-3518915 (дата обращения 23.10.2025).

соответствии с Исполнительным договором об оценке, развитии и реализации проекта плавучей солнечной электростанции мощностью 100 МВт с системой накопления энергии на батареях мощностью 30 МВт на озере Беюкшор.

4. Между Министерством энергетики Азербайджана, компаниями Power China Resources Limited и SOCAR Green LLC заключен Исполнительный договор об оценке, развитии и реализации проекта солнечной электростанции мощностью 160 МВт.

5. Между Министерством энергетики Азербайджана, компаниями SOCAR Green LLC, China Datang Overseas Investment Co. Ltd и Power China Resources Limited подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию проекта морской ветроэнергетики мощностью 2 ГВт в азербайджанском секторе Каспийского моря.

6. Между Министерством энергетики Азербайджана и Институтом планирования и инжиниринга электроэнергетики Китайской Народной Республики подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию возобновляемых источников энергии и планированию электрических энергосистем.

При реализации заключенных соглашений Азербайджан планирует к 2025 году увеличить мощность производства чистой энергии на сотни мегаватт, тогда как китайские предприятия будут использовать эту возможность для укрепления своих лидирующих позиций Центрально-Каспийского региона в секторе ВИЭ. Как следует из вышеизложенного, сотрудничество Китая и Азербайджана в сфере ВИЭ преодолело этап отдельных проектов и перешло к всестороннему глубокому взаимодействию, охватывающему передачу технологий, разработку решений в области энергохранения и планирование

энергетических систем. Две страны намерены активно развивать «зеленый энергетический коридор», что обуславливает стратегическое значение данного партнерства для укрепления энергетической безопасности, достижения климатических целей и продвижения интеграции ВИЭ в Евразийский регион.

В энергетическом секторе Китай и Армения осуществляют многостороннее сотрудничество в секторе возобновляемых источников энергии в рамках инициативы «Пояс и Путь», достигнув ряда результатов. Армения является единственной страной на Южном Кавказе с инфраструктурой атомной электростанции. А Китай накопил богатый опыт в развитии атомной энергетики, располагая зрелыми технологиями и оборудованием в этой области. В марте 2015 года стороны подписали «Меморандум о взаимопонимании между Национальной энергетической администрацией Китая и Министерством энергетики и природных ресурсов Армении в области атомной энергетики»¹⁵⁶. Основываясь на достигнутом консенсусе, Китай и Армения могут изучить оптимальные модели и механизмы сотрудничества в атомной энергетике в рамках инициативы «Пояс и Путь».

Солнечная фотоэлектрическая станция «Масрик-1» была построена в октябре 2024 года и с декабря 2024 года вышла на полную мощность. Проектная мощность электростанции – 55 мегаватт, годовая выработка электроэнергии – около 24 миллионов киловатт-часов. Это крупнейшая солнечная электростанция в Армении, заказчиком которой является зарегистрированная в Испании компания Fotowatio Renewable Ventures Inc.

¹⁵⁶ Мокрецкий Александр Чеславович Страны Закавказья в китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. №21.

(FRV), а China Machinery Engineering Corporation (CMEC) и армянское дочернее предприятие СМЕС являются генеральным подрядчиком станции «Масрик-1», отвечая за проектирование, строительство, поставку оборудования, регулирование и эксплуатацию. Станция была построена в октябре 2024 года и с декабря вышла на полную мощность¹⁵⁷. Данный проект стал ключевой инициативой в сфере ВИЭ для Армении, и его завершение с последующим запуском в эксплуатацию открыло новые перспективы для двустороннего сотрудничества Китая и Армении в области развития и внедрения возобновляемых источников энергии. Более того, в августе 2025 года Китай и Армения подписали «Совместное заявление об установлении стратегического партнерства», в котором возобновляемые источники энергии (ВИЭ) были прямо указаны в качестве приоритетного направления двустороннего сотрудничества.

Таким образом, взаимодействие между Китаем и Арменией в сфере ВИЭ основывается на природных ресурсах Армении и технологическом потенциале Китая. Несмотря на позитивные официальные намерения в области сотрудничества, практическое взаимодействие в сфере ВИЭ в настоящее время находится на начальном этапе, а количество совместных проектов остается относительно небольшим. Тем не менее, на фоне активной синхронизации инициативы «Пояс и Путь» с армянским проектом «Перекресток мира» наблюдаются широкие перспективы развития двустороннего сотрудничества в области ВИЭ.

Китай и Грузия энергично наращивают взаимодействие и в сфере

¹⁵⁷ «Масрик-1»- крупнейший проект китайского гиганта в Армении. 25.04.2025. Armenpress. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1218186> (Дата обращения: 23.10.2025)

возобновляемой энергетики, добиваясь ощутимой отдачи в развитии инфраструктуры. 31 июля 2023 года от имени правительств двух государств глава Национального комитета по развитию и реформам КНР и министр экономики и устойчивого развития Грузии Леван Давиташвили поставили подписи под «Планом сотрудничества по инициативе «Пояс и Путь» между правительством Китайской Народной Республики и правительством Грузии». Документ нацелен на укрепление двусторонних связей по ряду ключевых направлений, в том числе в области энергетической инфраструктуры, включая развитие возобновляемых источников. По сути, этот план – конкретизирующий документ, выросший из «Совместного заявления о стратегическом партнерстве двух стран»: в нем прописаны предметные направления кооперации в контексте «Пояса и пути», благодаря чему он служит важным инструментом углубления политического доверия между Пекином и Тбилиси, состыковки национальных стратегий развития и расширения практического сотрудничества.

Грузия играет роль значимой транзитной страны сразу для двух артерий – нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровода Баку – Тбилиси – Эрзурум. Хотя напрямую в прокладке этих трубопроводов китайские компании не участвовали, они косвенно способствовали транспортировке нефти и газа, вкладываясь в логистические объекты вроде портов. Так, китайский бизнес задействован в инфраструктурных проектах наподобие порта Поти, что усиливает возможности Грузии как регионального центра энергетической логистики.

Основа для сотрудничества двух стран в секторе ВИЭ была заложена давно. Наглядный тому пример – гидроэлектростанция «Хадори» на реке

Алазани в Панкисском ущелье, ставшая совместным энергетическим начинанием Китая и Грузии. Основные строительные работы стартовали в декабре 2001 года, а в феврале 2006 года станцию официально подключили к энергосети. «Хадори» оказалась первым гидроэнергетическим объектом Грузии, который профинансировала и возвела китайская компания. Этот проект не только показал, что сотрудничество в области энергетической инфраструктуры может быть успешным, но и дал сторонам ценный опыт для дальнейшего развития инфраструктуры возобновляемой энергетики.

В ходе 29-й сессии Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (COP 29) компании China Energy Engineering Group International Co., Ltd. и Masdar провели в Баку, церемонию подписания контракта на оказание инженерных, закупочных и строительных технических услуг по проекту строительства фотоэлектрической станции мощностью 131 МВт в Грузии. Проект расположен в Руставийском районе Грузии, его общая установленная мощность составляет 131 МВт. Начало строительства запланировано на март 2025 года. Подписание этого проекта закладывает прочную основу для сотрудничества в области ВИЭ между двумя сторонами в Грузии¹⁵⁸.

В июле 2025 года китайские компании Zhongxiang Overseas, Hunan Construction Investment Water Resources и Dayu New Energy успешно подписали контракт на выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию (EPC) 130-мегаваттного ветроэнергетического проекта

¹⁵⁸ China Power Engineering International Co., Ltd. подписала контракт EPC на реализацию проекта по строительству фотоэлектрической станции мощностью 131 МВт в Рустави (中电工程国际公司签约格鲁吉亚 Rustavi 131MW 光伏项目 EPCTS). 15.11.2024. ChinaInternationalContractorsAssociation. URL: <https://www.chinca.org/sjtcoc/info/24111514525011> (Дата обращения: 26.10.2025).

«Паравани» в Грузии¹⁵⁹. Как флагманский проект в секторе ВИЭ страны, он поможет оптимизировать местный энергетический баланс и приблизить регион к достижению целей экологически чистого и низкоуглеродного развития. Успешное заключение контракта стало важным этапом для китайских компаний в освоении грузинского рынка, расширении присутствия в сфере ветроэнергетики и создании основ для дальнейшего участия в международных проектах новых видов энергии.

Таким образом, Грузия показывает готовность принимать капитал из других стран. В последние годы власти целенаправленно создают условия для более активного использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ), поскольку это перестраивает всю структуру энергетического сектора. В развитии возобновляемой энергетики Китай и Азербайджан действуют сообща, применяя технические решения китайских компаний для наращивания ветрового и солнечного потенциала страны. Армения не располагает значительными запасами топлива и импортирует около 90 % необходимой ей энергии. При этом она – единственное государство Южного Кавказа, где действуют объекты атомной энергетики, а это открывает возможность модернизировать ее энергосистему за счет сотрудничества с Китаем. Грузия также небогата нефтью и газом, однако занимает удобное для транспортировки ресурсов положение, благодаря чему вошла в Южно-Кавказский энергетический коридор и рассчитывает стать региональным энергетическим

¹⁵⁹ Компании Hunan Construction Investment Water Resources Co., Ltd. и Zhongxiang Overseas Co., Ltd.

подписали контракт на реализацию проекта строительства ветровой электростанции в Грузии (湖南建投水利携手中湘海外签约格鲁吉亚风电项目). 11.07.2025. China Electrical Equipment Industry Association. URL: <https://www.ceeia.com/HYZL/d/202507/b238603f05f84ed387097ebd0a22d149.html> (Дата обращения: 26.10.2025).

центром.

Таким образом, можно сделать вывод, что Азербайджан является ядром регионального энергоснабжения, а Армения и Грузия в основном занимаются транзитом энергоресурсов и сотрудничеством в области возобновляемых источников энергии, формируя тем самым модель регионального энергетического сотрудничества, характеризующуюся схемой «поставка – транзит – потребление».

Сотрудничество в секторе строительства транспортно-логистических коридоров и инфраструктур

Совместное строительство «Пояс и Путь» дало новый мощный импульс для развития двусторонних отношений между Китаем и стран Южного Кавказа, проводя сотрудничество между двумя странами на новый уровень более тесных связей. Являясь стратегическим центром, соединяющим несколько транспортных и логистических коридоров, три страны Южного Кавказа играют разные, но важные роли на различных транспортных маршрутах в рамках инициативы «Пояс и путь».

Являясь важным звеном в центральном транспортном коридоре инициативы «Пояс и Путь», Азербайджан представляет собой незаменимый канал, соединяющий обширную евразийскую континенту, охватывающую Китай, Центральную Азию и Западную Азию.

Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) является ключевым транспортным звеном между Китаем, Центральной Азией, Южным Кавказом и Европой, имея важное стратегическое и экономическое значение. Начиная с конца 2021 г., северный транзитный маршрут перестал восприниматься европейскими перевозчиками в качестве надежной

альтернативы. Важными событиями, обусловившими трансформацию роли Северного маршрута из Китая в Европу, стали вооруженный конфликт на Украине, рост политических противоречий между Россией и Европой и введение санкций по отношению к России и Беларуси¹⁶⁰. Таким образом, положение ТМТМ значительно повышается, поскольку он может обеспечить диверсифицированные логистические возможности для соответствующих стран. Строительство ТМТМ открыло беспрецедентные возможности для дальнейшего развития стран, расположенных вдоль маршрута, и послужит укреплению связей между Азией и Европой, а также улучшит состояние наземной торговли и логистических перевозок.

В октябре 2017 г. состоялось открытие железнодорожной магистрали «Баку–Тбилиси–Карс» (БТК), соединившей ж/д сети Азербайджана, Грузии и Турции. Идея строительства БТК принадлежала Азербайджану, а его осуществление велось с 2007 г. на основании грузинско-азербайджано-турецкого межгосударственного соглашения¹⁶¹. В апреле 2020 г. контейнерный поезд из Сианя (Китай) в Измит (Турция) совершил свой первый официальный транзит по ТМТМ через Казахстан. В декабре 2020 г. был успешно запущен первый поезд «Китай–Европейский Союз», который отправился из Стамбула (Турция), пересек Стамбульский подводный тоннель Мармара и пролив Босфор, прошел через Баку, проехал по железной дороге «Тбилиси–Карс», проследовал по Среднему коридору, прошел через Азербайджан и Казахстан и вошел в Китай в порту Хоргос, проделав путь

¹⁶⁰ Ерчак А.И., Ерчак О.В. Средний транспортный коридор как стратегическая альтернатива для проекта «Пояс и Путь» // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. 2023. № 16. С. 140–147.

¹⁶¹ Пылин А. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 121–137.

длиной в 12 дней¹⁶². Это событие добавило новый важный коридор к инициативе «Пояс и Путь», существенно сократив время транзита между Китаем и Европой и подчеркнув тем самым жизненно важное стратегическое значение Азербайджана и всего Южного Кавказа.

В то же время страны, расположенные вдоль маршрута, активно содействуют модернизации и обновлению соответствующей инфраструктуры. Например, В декабре 2022 г. Президент Азербайджана И. Алиев заявил, что в модернизацию и обновление железнодорожной линии «Баку–Тбилиси–Карс» будет вложено 100 млн долл. для увеличения ее пропускной способности¹⁶³. В рамках данного проекта Азербайджан построил новую железнодорожную линию длиной в 61 км, проложил 98 км линий контактной сети, 172 км 10-киловольтных проводов и 338 км волоконно-оптических кабелей, а также завершил асфальтирование 41 км дорог. В мае 2024 г. модернизированная и расширенная железная дорога «Баку–Тбилиси–Карс» возобновила работу, пропускная способность которой составит до 1,7 млн тонн грузов в год¹⁶⁴.

Строительство ТМТМ позволяет Китаю предотвратить экономические риски, возникающие в результате геополитических конфликтов на Евроазиатском континенте. Китайский курс в отношении трансконтинентальных коммуникаций неизменно нацелен на диверсификацию,

¹⁶² Beijing's interest in the Middle Corridor. The Interpreter. 26.10. 2023. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/beijing-s-interest-middle-corridor> (data accessed: 08.04.2025).

¹⁶³ Азербайджан дополнительно инвестирует в проект дороги «Баку–Тбилиси–Карс» // ТАСС. 24.10.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16140843?ysclid=m99llxpkdl384807847> (датаобращения: 09.04.2025).

¹⁶⁴ Azerbaijan, Central Asia Nations Aim to Leverage Middle Corridor's Capacity // Caspian News. 13.02.2024. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/azerbaijan-central-asia-nations-aim-to-leveragemiddle-corridors-capacity-2024-8-12-53> (data accessed: 08.04.2025).

позволяющую в той или иной степени нивелировать геополитические риски¹⁶⁵. В последние годы наблюдаются изменения в глобальной геополитической обстановке: СВО России, кризис в Суэцком канале, кризис в Красном море и т. д. После эскалации СВО страны Европейского союза ввели экономические санкции против России, ограничив деятельность российских экспедиторов в ЕС и запретив въезд в Россию грузовикам из стран – членов ЕС¹⁶⁶. Во избежание многочисленных рисков предприятия разных стран сознательно отказываются от выбора железнодорожных перевозок по маршруту «Китай–Европейский союз» через Россию из-за высокой степени неопределенности и рисков в отношении безопасности логистического коридора и транспортных услуг поездов. ТМТМ отличается тем, что не пересекается с территорией России, а страны, расположенные вдоль маршрута, политически самостоятельны и в целом имеют благоприятные экономические показатели и менее подвержены прямому влиянию геополитических конфликтов, что способствует снижению геоэкономических рисков для Китая.

Таким образом, железная дорога «Баку–Тбилиси–Карс», являясь ключевым компонентом евразийского транспортного коридора, представляет собой кратчайший маршрут, соединяющий Европу и Азию. Она также открывает новый путь для Китая по транспортировке грузов в регион Средиземного моря и Европу, выступая важным условием превращения Азербайджана в евразийский логистический и торговый центр Южного

¹⁶⁵ Кумуков А.М. Страны Южного Кавказа во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 43–53.

¹⁶⁶ Woldemar Walter. Challenges and opportunities of the Middle Corridor // The German Economic Team. URL: [https://www.german-economic-team.com/en/news letter/challenges-and-opportunities-of-the-middle-corridor](https://www.german-economic-team.com/en/news-letter/challenges-and-opportunities-of-the-middle-corridor) (data accessed: 10.04.2025)

Кавказа.

В транспортном секторе КНР и Армения также развернули сотрудничество. Проект международного транспортного коридора «Север-Юг» в Армении, являющийся основной транспортной артерией, проходящим через север и юг, имеет общую длину 556 километров, соединяя границы Грузии с Ираном, и тоже представляется собой флагманский проект для участия Китая в строительстве инфраструктуры на Кавказе. Китайские компании приняли участие в ряде ключевых тендеров по проекту, и были достигнуты прорывы в технических стандартах и масштабах строительства. В декабре 2015 года китайская компания Синогидро победила тендеру на строительство дорожного участка Ланджик-Гюмри автомагистрали Талин-Гюмри в рамках инвестиционной программы дорожного коридора Север-Юг. И возведение автомобильной дороги Север-Юг имеет стратегическое значение для Армении в плане внешнеторгового оборота Армении, поскольку южная часть дороги будет иметь выход в Центральную Европу. После завершения в 2022 году она стала первой современной магистралей в Армении, соответствующей стандартам ЕС, значительно повысив логистическую эффективность в северной промышленной зоне и столице Ереване.

Грузия предлагает Китаю как сухопутные, так и морские маршруты. Грузия обеспечивает сухопутное сообщение с Турцией через железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс, и также может обеспечить морской путь в Европу через порты Батуми, Поти и Анаклия¹⁶⁷. Правительство Грузии также работает над созданием автомобильной, железнодорожной и морской инфраструктуры,

¹⁶⁷ Larsen J., Georgian - Chinese relations “Belt and Road geopolitics” // Georgian Institute of Politics. 2017.

надеясь значительно увеличить привлекательность своего географического положения и маршрутов из Китая в Европу через Южный Кавказ. Строительство мега-глубоководного порта Анаклия на Черном море стоимостью 2,5 миллиарда долларов, а также недавно отремонтированная трансграничная железная дорога Баку-Тбилиси-Карс – соединяющая Грузию, Турцию и Азербайджан трех соседних стран – дают Грузии надежду на перемены. Порт Анаклия планируется как альтернатива портам Батуми и Супса для перевозки нефти и газа¹⁶⁸.

Хотя транснациональная железная дорога Баку-Тбилиси-Карс была предложена и построена задолго до инициативы «Пояс и Путь», в настоящее время она признана Грузией в качестве основного компонента Южного маршрута Евразии. Проект «Пояс и Путь» соединит Европу с Китаем через Грузию-Азербайджан, Туркменистан-Казахстан с турецким железнодорожным маршрутом. Современный Шелковый путь станет простым и дешевым способом соединения Грузии с Европой и Азией¹⁶⁹.

Стоит отметить, что после 10 лет строительства и нескольких задержек трансграничная железная дорога Баку-Тбилиси-Карс была завершена и открыта 30 октября 2017 года в Баку. После завершения этого объекта в сочетании с мостом Явуз Султан Селим– соединяющим Азию с Европой через Босфор – Грузия получит бесперебойную железнодорожную связь с Европой¹⁷⁰. В церемонии открытия приняли участие главы государств или

¹⁶⁸ Inan, Feride, and Diana Yayloyan. *New Economic Corridors in the South Caucasus and the Chinese One Belt One Road*, 2018, p. 62

¹⁶⁹ Papava V. *One Belt – One Road Incentive” and Georgia. Expert’s opinion // Georgian Foundation of Strategic and International Studies. Tbilisi. 2017.*

¹⁷⁰ John C.K. Daly, “China deepens its presence in Georgia via its ‘One Road, One Belt’ initiative”, *The Central Asia-Caucasus Analyst*, last modified December 12, 2016, accessed June

правительств Азербайджана, Грузии, Турции, Казахстана и Узбекистана. Первое испытание железной дороги состоялось в декабре 2015 года, когда поезд отбыл из города Ляньюньган на северо-востоке Китая и прошел через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и, наконец, прибыл в порт Поти в Грузии, где был перегружен на морское судно для доставки в Турцию. Все путешествие заняло 15 дней, что стало эталонным временем в пути для стран, расположенных вдоль маршрута. В Грузии это время в пути также считается важным показателем того, что Южный маршрут в итоге сможет конкурировать с Северным маршрутом через Россию. В 2017–2021 гг. объем грузоперевозок по железной дороге «Баку–Тбилиси–Карс», одной из основных магистралей ТМТМ, резко увеличился с 4000 до 480 000 т¹⁷¹. Благодаря постоянному совершенствованию инфраструктуры вдоль маршрута значительно вырос и объем грузоперевозок между Китаем и Европой: с 2017 по 2021 г. количество поездов «Китай–ЕС» увеличилось с 3000 до 15 000, а общее количество перевозимых грузов превысило 49 000 т¹⁷².

Являясь элементом трехстороннего кооператива Азербайджана, Грузии и Турции, проект железной дороги «Баку–Тбилиси–Карс» определяет новые перспективы развития для стран-участников. Благодаря значительной экономии времени по сравнению с морским транспортом и функциям как альтернативного сухопутного маршрута Евразии, данный коридор

28, 2017, <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13413-china-deepens-its-presence-in-georgia-via-its-one-road-one-belt-initiative.html>.

¹⁷¹ Freight volume in Baku-Tbilisi-Kars Railway in 2020 and 2021 // Statista, 06.13.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1391030/baku-tbilisikars-railway-freight-volume> (data accessed: 08.04.2025).

¹⁷² В Китае заявили о рекордном росте числа отправок поездов «Китай–Европа» // ИА «Красная Весна». 31.01.2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/3d9c211b?ysclid=m988cfvr2291867741> (дата обращения: 08.04.2025).

демонстрирует тенденцию к постепенному усилению своей конкурентоспособности в контексте современных геополитических и экономических трансформаций. Действительно, на начальном этапе планирования проекта его основная цель заключалась в создании прямого транспортного коридора от Каспийского моря до Европы. Дополнительные задачи включали облегчение транспортных давлений между Россией и Турцией по направлению север-юг, а также служение как альтернативой Ирану в качестве перевального пункта для международных грузов¹⁷³. Однако за последние десятилетия многочисленные трансформации в региональной и международной обстановке повлияли на позиционирование данного проекта: по направлению север-юг маршрут через Абхазию остался приостановленным в связи с российско-грузинским конфликтом, что сделало его неэффективным в контексте двустороннего сотрудничества; по направлению восток-запад возрождение Нового Шелкового пути значительно повысило стратегическую значимость этой транспортной линии. В частности, для Грузии проект железной дороги «Баку-Тбилиси-Карс» открыл новый транспортный коридор между Европой и Азией, обходя маршрут через Абхазию.

Проект строительства глубоководного порта в Анаклии направлен на ликвидацию данного логистического дефекта, обеспечивая Грузии самостоятельный доступ к международным морским перевозкам класса Panamax и повышая конкурентоспособность национального транспортного хаба.

В декабре 2017 года началось строительство первой фазы этого

¹⁷³ “Baku-Tbilisi-Kars Railway”, Official site of Georgian Railway, URL: <http://www.railway.ge/?web=0&action=page&pid=290&lang=eng>.

мегапроекта. На тот момент Китай еще не участвовал в проекте. Но в конце мая 2024 года грузинские власти подвели итоги конкурса, в рамках которого искали инвестора для строительства глубоководного порта Анаклия. Если порт действительно достроят, то Грузия сможет принимать океанские контейнеровозы, благодаря чему рассчитывает подключиться к новым логистическим инициативам Пекина. Министр экономики и устойчивого развития страны Леван Давиташвили сообщил, что победителем стал китайский консорциум China Communication Construction LTD.¹⁷⁴.

Для Китая значительный объем двусторонней торговли с Европой обуславливает, что глубоководный порт Анаклия превращается в более удобный маршрут для взаимных торговых операций – особенно для транспортировки грузов между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы. Этот факт делает влияние инициативы «Пояс и путь» более значительным. ТМТМ рассматривается как важная альтернатива «Северному коридору», и по мере стремительного роста китайского товарооборота глубоководный порт Анаклия способен превратиться в ключевой пункт перевалки китайских товаров, направляемых в Европу и другие регионы мира. Отличительная черта инициативы «Пояс и Путь» – ее открытость для множества участников: если проекты с жестко зафиксированными маршрутами ограничены, то «Пояс и Путь» строится на нескольких ориентировочных направлениях. При условии улучшения транзитного пути через Черное море, железнодорожного сообщения с Турцией и общей сухопутной инфраструктуры Грузия сможет успешно участвовать в перевозке

¹⁷⁴ Море волнуется: китайцы построят в Грузии гигантский морской порт. 01.06.2024. Известия. URL: <https://iz.ru/1705151/igor-karmazin/more-volnuetsia-kitaitcy-postroiat-v-gruzii-gigantskii-morsko-i-port> (Дата обращения: 03.04.2025)

товаров между Китаем и странами Европы. Значение порта Анаклия выходит за рамки чистой экономики: он важен и для долгосрочных замыслов Китая в глобальном соперничестве. Во-первых, он снижает зависимость от транспортных путей через Россию: после начала вооруженного конфликта на Украине традиционный северный железнодорожный маршрут из Китая в Европу через российскую территорию стал ненадежным. Ожидается, что грузопоток по ТМТМ, частью которого является порт Анаклия, с 2022 по 2025 год возрастет в шесть раз, а мощности самого порта в Грузии позволят обрабатывать свыше 1 млн контейнеров.

И это превращает его в значимый запасной вариант для Китая, который помогает избежать опасностей, если другие транспортные пути будут закрыты.

Во-вторых, это в некоторой степени строительство порта сможет уравнивать региональное влияние: 51% долей владения портом будет принадлежать Грузии, а 49% – китайско-сингапурскому консорциуму. Такая схема обеспечивает Китаю стратегическую точку опоры для «невоенного присутствия» в регионе Черного моря, предлагая дифференцированный конкурентный подход по сравнению с военными портами США в Румынии и Болгарии.

Можно сделать вывод о том, что Азербайджан и Грузия, благодаря своим геополитическим преимуществам и развитой транспортно-логистической инфраструктуре, занимают доминирующее положение в транзитном транспортно-логистическом коридоре «Восток – Запад». В свою очередь Армения фокусируется на развитии северно-южных транзитных маршрутов, которые соединяют Центральную Азию с Персидским заливом, тем самым дополняя роль Азербайджана и Грузии в региональной транспортной системе.

Грузия, опираясь на развитый кластер черноморских портов (Поти, Батуми) и интегрированную транспортно-логистическую инфраструктуру, выступает в роли регионального логистического центра для транзита грузов между Евразийскими континентами, обеспечивая эффективную перевалку и транспортировку товаров. Транспортно-логистические сети и инфраструктурные комплексы трех стран демонстрируют высокую степень взаимодополняемости и комплементарности в структуре транспортных маршрутов и функциональных возможностях. Данная взаимодополняемость позволяет им совместно образовать интегрированную транзитную магистраль ТМТМ, которая выступает ключевым элементом глобальной транспортно-логистической системы в рамках реализации инициативы «Пояс и Пути».

Сотрудничество в области торговли и инвестиции

В рамках инициативы «Пояс и Путь» самым важным и значимым достижением Китая и Грузии, несомненно, является «Соглашение о свободной торговле между Грузией и Китаем».

В мае 2017 года первый вице-премьер Грузии Дмитрий Кумсишвили прибыл в Китай для участия в Международном форуме по сотрудничеству «Пояс и Путь». В сопровождении высокопоставленных представителей в контексте строительства ««Пояс и Путь» Китай и Грузия совместно приняли решение начать двусторонние переговоры о создании зоны свободной торговли. Исключая предварительное технико-экономическое обоснование переговоры о создании зоны свободной торговли от начала до окончательного подписания меморандума о взаимопонимании заняли всего 10 месяцев¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Shi Jing. The Development of the Silk Road Economic Belt in Georgia: Achievements, Progress and Prospects // Asian and African Studies. 2018(1). С. 86-102. [石靖. "丝绸之路经济带建设在格鲁吉亚的推进: 成果, 进展与前景展望." 亚非研究 (2018): 86-102.]

Строительство зоны свободной торговли между Китаем и Грузией (ЗСТ) началось в декабре 2015 года и завершилось в мае 2017 года, когда было подписано официальное соглашение¹⁷⁶. Создание ЗСТ между двумя странами прошло через процесс исследований и переговоров. Министерство коммерции КНР и Министерство экономики и устойчивого развития Грузии на днях в Пекине подписали совместное заявление о начале работы по технико-экономическому обоснованию переговоров о создании зоны свободной торговли Китай-Грузия¹⁷⁷. После того, как исследование показало, что создание ЗСТ между Китаем и Грузией способствует дальнейшему укреплению двусторонних отношений и углублению экономического и торгового сотрудничества.

В сентябре 2015 года тогдашний премьер-министр Грузии Ираклий Гарибашвили посетил Китай и после обмена мнениями с премьер-министром Ли Кэцзяном оба премьер-министра совместно подтвердили, что работа по переговорам о заключении соглашения о зоне свободной торговли между Китаем и Грузией должна начаться как можно скорее¹⁷⁸. В декабре того же года Министерство коммерции Китая и Министерство экономики и устойчивого развития Грузии взяли на себя инициативу по продвижению двусторонних переговоров. 22 февраля 2016 года в столице Грузии Тбилиси состоялся

¹⁷⁶ Лань Пэнхэ Развитие Китайско-Грузинских торгово-экономических отношений в контексте реализации стратегии «Пояс и Путь» (2013-2022) // Власть истории – История власти. 2022. №39.

¹⁷⁷ Китай и Грузия приступили к работе по технико-экономическому обоснованию создания зоны свободной торговли. Russian.people.cn. URL: <https://russian.people.com.cn/n/2015/0311/c31518-8861341.html> (Дата обращения: 27.03.2025)

¹⁷⁸ Премьер-министр Грузии отправился в Китай с рабочим визитом. СПУТНИК. 08.09.2015. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20150908/228496258.html?ysclid=mio8mn8qgv170878183> (Дата обращения: 27.03.2025)

первый раунд переговоров по ЗСТ между Китаем и Грузией, в ходе которого стороны обменялись мнениями по поводу типовых документов, рабочих групп и текста соглашения для переговоров¹⁷⁹. 9 мая 2016 года в Пекине состоялся второй раунд переговоров по зоне свободной торговли между двумя странами, и стороны провели консультации по торговле товарами, инвестициям, правам интеллектуальной собственности и электронной коммерции и достигли соглашения по некоторым из этих тем. 18 июля 2016 года в Грузии состоялся третий раунд переговоров между двумя сторонами, в ходе которого они провели консультации по вопросам торговли товарами, принципам происхождения, таможенным процедурам и т. д. и в основном достигли соглашения по большинству других тем, за исключением дальнейшего обмена мнениями по вопросам торговли товарами и окончательного предложения по торговле услугами¹⁸⁰.

Следует отметить, что Грузия и Китай завершили переговоры по соглашению о свободной торговле в рекордно сжатые сроки – за семь месяцев. Соответствующий меморандум был оформлен между Минэкономики Грузии и министерством коммерции КНР в Тбилиси, в котором обе стороны взаимно согласились об нулевых тарифах на подавляющее большинство товаров, взаимно взяли на себя обязательства высокого уровня по открытию рынка для многочисленных секторов услуг и усовершенствовали торговые правила. Соглашение охватывает 17 глав, включая торговлю товарами, торговлю

¹⁷⁹ Грузия и Китай начали переговоры об установлении режима свободной торговли. ТАСС. 23.02.2016. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2689575> (Дата обращения: 27.03.2025)

¹⁸⁰ Гонконг присоединится к свободной торговле Грузии с Китаем. СПУТНИК. 19.05.2016. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20160519/231728737.html> (Дата обращения: 31.03.2025)

услугами и права интеллектуальной собственности¹⁸¹. Впоследствии обе страны проведут юридическую экспертизу и утверждение, а также другие последующие работы. 31 мая 2017 года обе страны официально подписали соглашение о свободной торговле и договорились стремиться к его официальному вступлению в силу к началу 2018 года¹⁸². Грузия немедленно введет нулевую таможенную пошлину на 96,5% товаров из Китая, что может покрыть 99,6% от общего объема импорта из Китая, а Китай введет нулевую таможенную пошлину на 93,9% товаров из Грузии, что может покрыть 93,8% от общего объема импорта из Грузии. 1 января 2018 года вступило в силу официальное осуществление соглашения о зоне свободной торговли между двумя сторонами.

Соглашение о ЗСТ, заключенное между Китаем и Грузией, способствует укреплению двусторонней торговли и созданию необходимых условий для экономического роста. Хотя в обеих странах рынок товаров характеризуется высокой степенью либерализации, соглашение еще больше повысит эффективность рынков и позволит странам в полной мере использовать свои относительные преимущества в производстве различных товаров¹⁸³.

С точки зрения Китая переговоры о заключении соглашения о зоне свободной торговли с Грузией являются первыми в своем роде в евразийском регионе и несут символическое и индикативное значение. Прежде всего, Китай

¹⁸¹ Грузия и Китай завершили переговоры о свободной торговле. Sputnik. 06.10.2016. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20161006/Gruzija-i-Kitaj-zavershili-peregovory-o-svobodnoj-torgovle--233405419.html?ysclid=mio91qcd6q456070818> (Дата обращения: 31.03.2025)

¹⁸² Грузия и Китай подписали соглашение о свободной торговле. Sputnik. 14.05.2017. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20170514/Gruzija-i-Kitaj-podpisali-soglashenie-o-svobodnoj-torgovle-235962326.html?ysclid=mioa7la49v902592757> (Дата обращения: 31.03.2025)

¹⁸³ Putkaradze R. Prospects of Georgian - Chinese trade relationships. // Collection of materials of II International Scientific Conference "Globalization Challenges in Economy and Business". 2017. Tbilisi.

ощущает острую необходимость перехода от прежней модели экономического роста – которая основывалась на внешнем спросе, обильных производственных мощностях, значительной финансовой мощности и широких рыночных перспективах – к более динамичному пути развития собственной экономики. В этом контексте переговоры о заключении ЗСТ с Грузией безусловно являются важным шагом вперед. Кроме того, ЗСТ между Китаем и Грузией эффективно заполняет пробел в усилиях Китая по формированию зон свободной торговли в евразийском регионе. Оно добавляет новый элемент для дальнейшего расширения открытости Китая и ускорения реализации стратегии по развитию сетей свободной торговли. Если обратиться к ЗСТ, которые Китай подписал до настоящего времени, то в них участвуют страны и регионы Азии, Латинской Америки, Океании и Европы. Однако подобное соглашение с евразийской страной заключается впервые.

С учетом реальностей евразийских стран, за исключением нескольких, которые используют ресурсный дивиденд, большинство из них характеризуется небольшим экономическим объемом и относительно невысокой привлекательностью для инвестиций. Но учитывая особую геополитическую значимость евразийского региона, эта трансформационная зона до сих пор остается в центре внимания мировых держав. Если брать во внимание специфику политической и рыночной среды Грузии, то преимущества будущей Зоны свободной торговли (ЗСТ) могут перевесить даже само значение заполнения существующего пробела. ЗСТ между Китаем и Грузией имеет высокую степень открытости, и после его вступления в силу 95% грузинских товаров будут поступать на китайский рынок по нулевой таможенной ставке, в том числе грузинские вина, минеральная вода и другие

высококачественные продукты. Соглашение о свободной торговле откроет новые возможности для грузинских виноделов; ранее таможенные пошлины составляли 40% от стоимости товаров при ввозе на китайский рынок, что подрывало конкурентоспособность их продукции и снижало объемы продаж. С 2015 года Китай является крупнейшим потребителем грузинского вина¹⁸⁴.

Что касается Китая, то соглашение о свободной торговле (ЗСТ) позволит в полной мере реализовать преимущества китайского производства в аспектах цен и ассортимента. В результате на грузинский рынок поступит увеличенное количество товаров из Китая – это, в свою очередь, обогатит и оптимизирует структуру внешней торговли Грузии. В рамках соглашения о ЗСТ предусмотрены механизмы предотвращения возможных проблем, а их негативное воздействие минимизировано посредством научно обоснованных инструментов, например, переходных периодов для предоставления тарифных льгот.

Промышленность Грузии, несмотря на динамичное развитие, не относится к высокоразвитым отраслям, при этом ее производственный потенциал ограничен. В рамках национальной стратегии развития страны – плана экономического и социального прогресса «Грузия 2020»¹⁸⁵ – явно признается, что экспортный потенциал Грузии в целом носит слабый характер. Скептики полагают, что существующие ограничения (в частности, низкий уровень развития промышленности и ограниченный производственный потенциал) затруднят диверсификацию экспортной корзины Грузии,

¹⁸⁴ Charaia, V., & Lashkhi, M. Georgia and China: The economic ties that could one day bind. A Sea Change? // China's Role in the Black Sea, 2020. С. 11.

¹⁸⁵ Андропова Инна Витальевна, Катамадзе Алико Трансформация экономической политики Грузии // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. №2.

ограничивая ее возможности извлекать реальную выгоду из тарифных льгот, предусмотренных соглашением о ЗСТ. Кроме того, ограниченный объем рабочей силы в Грузии зачастую делает создание новых экспортных ориентированных отраслей промышленности экономически нецелесообразным, так как требует значительных инвестиций в кадры без соответствующего ресурсного обеспечения.

Таким образом, совместное производство выступает комплексным и эффективным методом поддержки экономики Грузии, сочетающим в себе грантовую помощь, льготные кредиты, а также инвестиционные ресурсы (в том числе ресурсы частных компаний). В результате реализации данного механизма создаются новые рабочие места, повышается уровень ВВП Грузии, а также увеличивается объем взаимной торговли между Грузией и Китаем. Данный подход является привлекательным, поскольку продукция, произведенная на предприятиях, созданных в рамках совместного производства, будет реализовываться на европейском рынке под местными брендами в условиях, коммерчески выгодных для обеих сторон¹⁸⁶.

Существует также большой потенциал для сотрудничества между Грузией и Китаем в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика, логистика, строительство, торговля, информационные технологии, фармацевтика, производство текстиля и мебели, деревообрабатывающая промышленность¹⁸⁷.

В настоящее время деятельность китайских компаний в Грузии протекает

¹⁸⁶ Degterev D.A. Important aspects of Sino-African relations // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2005, N 5. P. 84–91. Available at: <http://www.mgimo.ru/files/34539/34539.pdf>.

¹⁸⁷ From the interview of the Georgian news agency “Newsday” with Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Georgia in China David Aptsiauri “What is the future of Georgian Chinese relations?” // Information Agency “Newsday”. Available at: <http://newsday.ge/index.php?newsid=6374>.

относительно плавно. «Хуалинг Груп», являющаяся ярким примером частного бизнеса Китая, завоевала признание грузинского общества благодаря многолетней реализации локализованных проектов. Осознав значительный инвестиционный потенциал Грузии, группа стала крупнейшим китайским инвестором в стране через создание «Международной экономической зоны Хуалинг» и «Свободного промышленно-промышленного парка Хуалинг».

Грузия признает положительный вклад китайских предприятий в социально-экономическое развитие страны. Предоставляя льготные условия для реализации соответствующих инвестиционных проектов, она обеспечила беспрепятственное привлечение инвестиций, что способствовало достижению плодотворных результатов китайско-грузинского сотрудничества за последние годы. Можно предвидеть, что существенный потенциал развития Грузии и благоприятные условия для ведения бизнеса будут способствовать еще большей эффективности взаимодействия сторон в рамках совместного строительства «Пояс и путь».

В апреле 2015 года Азербайджан стал одним из основателей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а в июле – партнером по диалогу Шанхайской организации сотрудничества. В декабре 2015 года президент Алиев успешно посетил Китай, стороны подписали «Меморандум о взаимопонимании между Китаем и Азербайджаном о совместном продвижении строительства Экономического пояса Шелкового пути», в котором Азербайджан явно выразил свою позицию по активной поддержке инициативы «Пояс и Путь», и открыло широкие перспективы для развития двусторонних отношений. В рамках «Пояс и Путь» Азербайджан воспользовался возможностью, предоставленной вышеупомянутым

меморандумом, для активного продвижения согласования своей стратегии развития на 2020 год со строительством «Пояс и Путь».

«Беспрепятственная торговля» является краеугольным камнем инициативы «Пояс и Путь» и служит ключевым показателем быстрого прогресса в отношениях между Китаем и Азербайджаном. В ходе Форума международного сотрудничества «Пояс и Путь» в мае 2017 года Китай и Азербайджан подписали соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве, а также меморандумы, касающиеся технических регламентов, стандартов и оценки качества¹⁸⁸. Чтобы избежать чрезмерной зависимости экономической модели от ископаемой энергии, Азербайджан приступил к реализации стратегии экономической трансформации, направленной на диверсификацию экономики. В результате Азербайджан активно поддерживает инициативу «Пояс и Путь». Благодаря проведению инициативы объем китайско-азербайджанской торговли неуклонно увеличивается, а торговые каналы постоянно совершенствуются.

В последние годы двусторонняя торговля между Китаем и Азербайджаном быстро развивалась. В 2015 году Китай занимал девятое место среди крупнейших торговых партнеров Азербайджана, в 2016 году поднялся на пятое место, а в 2025 году Китай стал четвертым по величине торговым партнером Азербайджана и главным источником импорта¹⁸⁹.

¹⁸⁸ 马小妹, 陈菊霞. "一带一路"倡议下中国与阿塞拜疆的新型合作及其前景探析. 四川省社会主义学院学报, 2020. [МаСяомэй, ЧэньЦзюся. Анализ нового сотрудничества между Китаем и Азербайджаном в рамках инициативы «Пояс и Путь» и ее перспектив // Журнал Сычуаньского социалистического университета.]

¹⁸⁹ Дипломат: За первые семь месяцев этого года объем торговли между Китаем и Азербайджаном составил 2,45 миллиарда долларов, увеличившись на 26 процентов. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. 08.09.2025. URL: https://azertag.az/ru/xeber/diplomat_zh_pervye_sem_mesyacev_etogo_goda_obem_torgovli_me

Несмотря на то, что между Китаем и Азербайджаном по-прежнему существует значительная разница в экономическом масштабе, торговые отношения между двумя странами становятся все более прочными под влиянием инициативы «Пояс и Путь», а взаимный интерес продолжает расти. С 2018 года, когда Китай запустил Китайскую международную импортную выставку, Азербайджан активно участвует в данном мероприятии. Используя выставку как платформу и возможность, Азербайджан подписал ряд документов о намерениях и меморандумов о сотрудничестве, что эффективно расширило сферу и каналы китайско-азербайджанской торговли. В результате на китайский рынок поступили многочисленные высококачественные азербайджанские сельскохозяйственные продукты, в частности вина.

Более того, отдельным, динамично развивающимся направлением взаимодействия КНР с государствами региона, прежде всего с Азербайджаном, выступает военно-политическое сотрудничество. На современном этапе Пекин рассматривает Южный Кавказ как зону, где пересекаются интересы безопасности его западных рубежей и сохранности транзитных узлов ТМТМ.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) Китая и Азербайджана характеризуется переходом от обучения кадров к поставкам высокотехнологичных оборонительных и стратегических систем. Качественным прорывом в этой сфере стали контракты 2023–2025 гг. Согласно данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI)¹⁹⁰, стороны перешли к сотрудничеству в области стратегической

zhdu_kitaem_i_azerbaidzhanom_sostavil_245_milliarda_dollarov_uvelichivshis_na_26_procent
ov-3733359 (Дата обращения: 07.02.2025)

¹⁹⁰ Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI). База данных по передаче вооружений [SIPRI Arms Transfers Database]. – URL: <https://armstransfers.sipri.org> (дата обращения: 07.05.2026).

ПВО и авиационных технологий: были зафиксированы заказы на зенитно-ракетные системы большой дальности HQ-9 (в экспортной версии FD-2000) в комплекте с 70 ракетами, а также на 40 авиационных радаров KLJ-7A для оснащения боевой авиации. Поставки такой техники рассматриваются азербайджанским руководством не просто как диверсификация арсенала, но и как инструмент укрепления суверенитета в условиях сложной региональной конъюнктуры. Такая стратегия позволяет Пекину выполнять роль «второстепенного гаранта» стабильности, обеспечивая физическую безопасность ключевых объектов инициативы «Пояс и Путь» и транспортного коридора ТМТМ без прямого вступления в конкуренцию с российским военным присутствием¹⁹¹.

Двусторонние отношения между Китаем и Арменией неуклонно углубляются, приобретая заметные результаты в таких областях, как экономический, культурной и образовательный и так далее. Расположенная на перекрестке нескольких геополитических зон евразийского континента, Армения находится в центре Южного Кавказа, который делает ее важным каналом для международных потоков капитала, информации, товаров и персонала кадров. Опираясь на культурное разнообразие и инклюзивность Армения обретает возможность в рамках «Пояс и Путь». В списке внешнеэкономических партнеров Армении Китай занимает особое место. В частности, после выдвижения инициативы «Пояс и Путь» товарооборот между Китаем и Арменией значительно растет. Следует отметить, что в 2014 году торговый оборот с Китаем составлял 588 млн 457.3 тысяч долларов, что выше

¹⁹¹ Там же.

прошлогодных показателей на 29.4%¹⁹², а через 10 лет в 2024 году товарооборот между Арменией и Китаем уже составил около 2 млрд 280 млн долларов¹⁹³. Благодаря проведению инициативы «Пояс и Путь», для Армении открыт огромный рынок спроса и источник промышленных товаров по конкурентоспособным ценам.

Кроме этого, Китай также является надежным партнером в диверсификации внешнеэкономического сотрудничества Армении. В мае 2015 года Госсовет Китая выпустил «Руководстве по содействию международным производственным мощностям и сотрудничеству в производстве оборудования», определив направления сотрудничества Китая с соответствующими странами в этой сфере¹⁹⁴. Укрепление сотрудничества между Китаем и Арменией в сфере производственных мощностей соответствует взаимным интересам обеих сторон. С одной стороны, китайские предприятия располагают значительным капиталом, передовыми технологиями, мощными строительными возможностями и широким опытом управления, и эксплуатацией в инфраструктурных секторах: энергетика, автомобильный и железнодорожный транспорт, телекоммуникации. Это позволяет им удовлетворить актуальную потребность Армении в ускоренном развитии инфраструктуры и способствует расширению присутствия китайской инфраструктурной отрасли на международных рынках. С другой стороны,

¹⁹² Армения удвоила объем экспорта в Китай. Times. am. 03.02.2015. URL: <https://times.am/110011/> (Дата обращения: 15.02.2025)

¹⁹³ Стратегическое партнерство между Арменией и Китаем откроет новые возможности для экономики Армении. ARMENPRESS. 02.09. 2025. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1228641> (Дата обращения: 15.02.2025)

¹⁹⁴ «国务院关于推进国际产能和装备制造合作的指导意见». 中华人民共和国中央人民政府. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/16/content_9771.htm [«Руководстве по содействию международным производственным мощностям и сотрудничеству в производстве оборудования». Госсовет КНР.]

Армения обладает относительно богатыми запасами полезных ископаемых (медь, железо и др.). Усиление двустороннего сотрудничества способствует трансформации ресурсных преимуществ Армении в драйверы экономического роста, а также увеличивает разнообразие импортных ресурсов Китая.

В секторе развития информационно-коммуникационных технологий Китайские предприятия также активно развивали связи с Арменией. В 2014 году Huawei в партнерстве с MobliOS открыла свой первый флагманский магазин в Армении. Потом в октябре 2023 года министр экономики Армении Ваан Керобян в Китае встретился с представителями компании Huawei Technologies. На встрече обсуждали вопросы цифровой экономики, экосистем, сферы солнечной энергетики, развития сети 5G и усиления возможностей отраслевых компаний¹⁹⁵.

Три страны Южного Кавказа и Китай в целом осуществляют экономическое и торговое сотрудничество, руководствуясь политикой, используя сравнительные преимущества и условия каждой страны. Среди этих инициатив создание зоны свободной торговли между Китаем и Грузией стало образцовым проектом регионального сотрудничества. Благодаря демонстративному эффекту этой зоны свободной торговли Китай изучает новые модели экономического и торгового сотрудничества с другими странами региона.

В данном разделе представлен комплексный сравнительный анализ трех ключевых областей двустороннего сотрудничества между Китаем и тремя

¹⁹⁵ Керобян обсудил с представителями Huawei Technologies внедрение «умных» технологий в экономике Армении. 23.10.2023.ARGBANKS.URL:https://arkatelecom.am/news/telecom/kerobyan_obsudil_s_preds_tavitelyami_huawei_technologies_vnedrenie_umnykh_tekhnologiy_v_ekonomike_arm/?ysclid=mi7se98p5544638453(Дата обращения: 23.10.2025)

странами Южного Кавказа в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь»: энергетического сектора, транспортно-логистической инфраструктуры и торгово-инвестиционного сотрудничества. Результаты сравнения дают возможность сделать следующие выводы о том, как страны взаимодействуют сейчас и в будущем.

Во-первых, государства на Южном Кавказе используют свои отличительные экономические особенности, чтобы строить отношения с Китаем. В этой системе страны дополняют друг друга и развиваются вместе. У каждой из стран при этом своя функция: Азербайджан поставляет энергоресурсы, Грузия выступает узлом для перевозки грузов в регионе, а Армения обеспечивает связь между северными и южными территориями. В совокупности это образует единую сеть, необходимую для решения задач проекта «Пояс и Путь». Во-вторых, ключевой целью совместной работы становится модернизация Транскаспийского международного транспортного маршрута: ради этого участники развивают всю инфраструктуру ТМТМ и железнодорожную линию Баку – Тбилиси – Карс, а также ведут строительство морского порта Анаклия, глубина которого рассчитана на прием крупнотоннажных судов. Все эти меры призваны повысить эффективность транзитных торговых маршрутов между Китаем и Европой и одновременно снизить геополитическую и транзитную неопределенность, сопряженную с работой традиционных российских коридоров. В-третьих, новое развитие получает и сотрудничество в русле глобального энергоперехода к низкоуглеродной модели: китайские компании увеличивают вложения в проекты возобновляемой – солнечной и ветровой – энергетики в Грузии и Армении, поддерживая диверсификацию региональной энергосистемы.

Одновременно стороны углубляют традиционное сотрудничество с Азербайджаном в сфере разведки, добычи и переработки нефти и газа, сохраняя стабильность энергетического снабжения для евразийских рынков.

В-четвертых, расширение сети торгово-экономического сотрудничества предполагает формирование южнокавказского кластера свободной торговли: Китай и страны Южного Кавказа, используя как модель модернизированное соглашение о свободной торговле между Китаем и Грузией, рассматривают возможность заключения более тесных торговых и инвестиционных соглашений с Азербайджаном и Арменией. Данная инициатива направлена на создание интегрированного южнокавказского кластера свободной торговли в рамках «Пояс и Путь», который будет укреплять торговые связи между Евразией и Европой и повышать интеграцию региона в глобальные торговые цепочки.

2.3 Институциональное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в рамках инициативы «Пояс и Путь»

Три государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия, с учетом их геополитического положения выступают ключевыми геополитическими и транзитными узлами на евразийском транзитном перекрестке в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь». Помимо стратегического согласования национальных стратегий и углубленного практического сотрудничества в ключевых экономических, инфраструктурных и энергетических секторах институциональное партнерство и межчеловеческие взаимосвязи (в образовательной, культурной, научной и молодежной сферах) между Китаем и указанными государствами также являются неотъемлемой составляющей китайской стратегической политики взаимодействия с Южным Кавказом.

Институциональное сотрудничество понимается как межгосударственное взаимодействие, направленное на разработку правовых и нормативных правил, координацию политических курсов и согласование стратегических направлений двустороннего сотрудничества, опирающееся на формальные институциональные механизмы – официальные международные организации, межправительственные соглашения и специализированные комитеты координационные механизмы. Оно характеризуется высокой стабильностью, юридической обязательной силой и предсказуемостью, что обусловлено формальностью и юридической основательностью используемых механизмов¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Троицкий Владимир Александрович Институциональные механизмы межгосударственного сотрудничества в свете меняющейся геополитической реальности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №104.

В данном разделе, в рамках исследования двустороннего сотрудничества между Китаем и тремя государствами Южного Кавказа, рассматриваются функциональное позиционирование, практические результаты и эффективность деятельности институциональных механизмов: Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), и институтов Конфуция.

ШОС создает институциональную платформу для высокоуровневого межгосударственного диалога и координации между Китаем и странами Южного Кавказа, особенно в сферах региональной безопасности (включая борьбу с терроризмом, транснациональными преступлениями и экстремизмом) и многостороннего экономического сотрудничества (в частности, транспортно-логистики и энергетики).

При этом сотрудничество Китая с тремя государствами Южного Кавказа – Азербайджаном, Арменией и Грузией, каждым из которых имеет свои уникальные приоритеты во взаимодействии с Китаем в рамках ШОС динамически развивалось по дифференцированной траектории развития, определяемой национальными особенностями каждой страны, ее геополитическим положением и уровнем интеграции в структуру организации. Данная траектория можно разделить на три основных этапа:

Исследовательская фаза (2001–2014): В первые годы становления ШОС, когда организация еще формировала свои основные направления деятельности и механизмы взаимодействия, три государства Южного Кавказа развивали ограниченное консультативное и информационное взаимодействие с ШОС. В то же время Китай настраивал предварительные двусторонние контакты и консультации с каждым из трех государств через официальные дипломатические каналы, в рамках формирования общего понимания целей и

задач будущего сотрудничества.

Фаза институционализации (2015–2021): Азербайджан и Армения официально стали партнерами ШОС по диалогу и сотрудничеству, что позволило поднять их взаимодействие с организацией и двустороннее сотрудничество с Китаем на более структурированный, институционализированный уровень. Данный прогресс обусловлен тем, что инициатива «Пояс и Путь» начала активно согласовываться с повесткой дня ШОС в сферах региональной безопасности, транспортно-логистики и энергетического сотрудничества, создав дополнительные точки соприкосновения для многостороннего взаимодействия.

Фаза углубления развития (2022–2025): Интенсивность многостороннего сотрудничества (между Китаем, Азербайджаном, Арменией и ШОС) и двустороннего взаимодействия между Китаем и каждой из двух стран значительно возросла, а политическое взаимное доверие преобразовалось в стабильное стратегическое партнерство. Китай выразил явную политическую поддержку Азербайджану и Армении в их стремлении присоединиться к ШОС в статусе полноправных членов, одновременно расширяя спектр сотрудничества в ключевых сферах: региональной безопасности, экономической интеграции культурно-образовательного обмена.

Период 2001–2014 годов в указанный этап Китай и Азербайджан начали формировать двустороннее взаимодействие и осуществлять предварительное консультативное сотрудничество в рамках формирующейся многосторонней кооперации ШОС, которая в это время активно развивала направления региональной безопасности и экономического взаимодействия. Азербайджан, в свою очередь, активно наблюдал за динамикой развития ШОС и его

институциональных механизмов, без подачи официальной заявки на присоединение к организации – приоритетом его внешней политики в указанный период являлось укрепление двусторонних отношений с ключевыми международными партнерами, включая Китай. На данном этапе две страны заложили институциональную основу для формирования политического взаимного доверия посредством регулярных высокоуровневых консультаций, дипломатических обменов и экспертных встреч, что стало важным предпосылкой для дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества и интеграции в многосторонние проекты ШОС в последующие периоды.

На саммите ШОС в Уфе 10–11 июля 2015 года Азербайджан, наряду с Арменией, Камбоджой и Непалом, официально получил статус партнера по диалогу и сотрудничеству ШОС¹⁹⁷. Китай выражал активную политическую поддержку участия Азербайджана в многостороннем сотрудничестве в рамках ШОС, считая это важным шагом к укреплению стабильности и экономического развития Южного Кавказа. Это событие ознаменовало начало нового этапа институционализированного сотрудничества между Азербайджаном, Китаем и ШОС, в ходе которого Азербайджан получил право участия в отдельных заседаниях, рабочих группах и мероприятиях ШОС, связанных с вопросами региональной безопасности и экономического сотрудничества.

В ходе этого этапа, на саммите ШОС в Астане в 2017 году, Китай и Азербайджан углубили торгово-инвестиционное сотрудничество и расширили

¹⁹⁷ Четыре страны получают статус партнеров по диалогу ШОС. РИА новости. 10.07.2015. URL: <https://ria.ru/20150710/1124711637.html?ysclid=mkxy6gol3q409296479>(Дата обращения: 08.08.2025)

взаимодействие в сфере транспортно-логистики и энергетики, опираясь на совместные проекты в рамках ТМТМ. Кроме того, Китай способствовал активному согласованию повесток дня ШОС с инициативой «Пояс и Путь», считая это важным шагом к формированию интегрированной сети сотрудничества между Евразией и Азией.

В ноябре 2020 года наблюдалось возобновление военных действий в конфликте вокруг Нагорного Карабаха. В рамках ШОС Китай выразил призыв к немедленному прекращению огня и всех военных действий, выступая за мирное, политическое урегулирование конфликта на основе международного права.

В результате этого Азербайджан выразил высокую оценку позиции Китая, подчеркивая конструктивную роль Китая в посреднических усилиях по разрешению региональных. В итоге Азербайджан высоко оценил позицию Китая, отметив его конструктивную роль в посреднических усилиях по урегулированию региональных споров и в поддержании стабильности на Южном Кавказе. На саммите ШОС в Самарканде в сентябре 2022 года председатель Си Цзиньпин провел личную двустороннюю встречу и консультации с президентом Алиевым, обсудив актуальные вопросы двустороннего сотрудничества, а также перспективы вовлечения Азербайджана в механизмы ШОС. Обе стороны заявили о готовности выстраивать двусторонние отношения со стратегическим прицелом и углублять взаимодействие в ключевых сферах, что стало важным сигналом их намерения расширять многостороннее сотрудничество¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Путеводная звезда на великой дороге - об участии Председателя КНР Си Цзиньпина в Самаркандском саммите ШОС и его государственном визите в Казахстан и Узбекистан.

На саммите ШОС в Астане 3 июля 2024 года Китай и Азербайджан официально вышли на уровень стратегического партнерства: они приняли Совместную декларацию о его установлении и подписали ряд документов о сотрудничестве в важнейших областях ¹⁹⁹, договорившись о совместном продвижении инициативы «Пояс и Путь», развитии транспортно-логистических коридоров и углублении энергетического взаимодействия. В итоге отношения между Китаем и Азербайджаном вступили в новый качественный этап развития, а энергетическое сотрудничество стало одним из приоритетных направлений многостороннего и двустороннего сотрудничества в рамках ШОС.

В апреле 2025 года двусторонние отношения между Китаем и Азербайджаном были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, при этом Китай явно поддержал стремление Азербайджана повысить свой статус члена ШОС. Политическое взаимное доверие между двумя странами достигло беспрецедентного исторического уровня. 31 августа 2025 года, во время саммита Шанхайской организации сотрудничества в Тяньцзине, Китай официально одобрил вступление Азербайджана в ШОС. Стороны условились активнее выстраивать многостороннюю координацию, чтобы обеспечить весомую политическую поддержку вступлению Азербайджана в ШОС, а это, в свою очередь, придало ускорение китайско-азербайджанскому сотрудничеству.

Среди трех государств Южного Кавказа именно Азербайджан проявляет

17.09.2022. CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/n/BfJIA-CEA-EEA/FCcGIA/index.html> (Дата обращения: 08.08.2025)

¹⁹⁹ Азербайджан и Китай приняли декларацию о стратегическом партнерстве. 04 июля 2024. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21267517> (Дата обращения: 08.08.2025)

наибольшую активность во взаимодействии с ШОС. Опорой китайско-азербайджанского сотрудничества в рамках организации служит энергетика. Задействуя механизм Энергетического клуба ШОС, Китай продвигает совместные с Азербайджаном энергетические проекты и тем самым подпитывает развитие ТМТМ.

До 2015 года взаимодействие Китая и Армении в формате ШОС оставалось довольно вялым. В промежутке с 2001 по 2015 год Ереван держался осмотрительно в отношении механизмов организации, поддерживая контакты с Китаем преимущественно по официальным двусторонним каналам – через межправительственные консультации и дипломатические обмены. Такая линия объяснялась геополитической спецификой региона, наличием местных конфликтов и потребностью выстроить прочные двусторонние отношения с ключевыми международными партнерами. Настоящим прорывом в двусторонних связях стали культурно-образовательные и научные обмены: укрепляя доверие и взаимопонимание между народами, они заложили надежную основу для дальнейшего сотрудничества в рамках ШОС. К таким обменам относились работа Институтов Конфуция в Армении, совместные исследования в гуманитарной и технической областях, а также молодежные обменные программы.

Официальный статус партнера ШОС по диалогу Армения получила в 2016 году, завершив процедуру присоединения примерно на год позже Азербайджана. При этом Китай деятельно способствовал вхождению Армении в механизмы организации – оказывал консультационную помощь и содействовал ее подключению к рабочим группам. Это действие сделало Армению частью системы взаимодействия многих сторон. Оно официально

начало процесс, при котором две страны сотрудничают в рамках ШОС на постоянной основе. Теперь Ереван имеет возможность использовать официальные способы, чтобы участвовать в общих форматах.

В марте 2017 года Армения стала участником Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Этот банк является инструментом для управления финансами в проекте «Пояс и путь» и распределяет деньги на строительство объектов в регионе. С этим событием у Армении появились новые возможности для получения денег. Это помогло стране участвовать в проектах «Пояса и пути», так как у нее уже были способы работать вместе с другими странами по вопросам транспорта.

В 2023 году специалисты смогли соединить план Армении под названием «Перекресток мира» и проект «Пояс и путь». Китай поддержал это решение. Он считает, что такое соединение делает ситуацию на Южном Кавказе более спокойной и помогает Армении стать частью системы транспорта в Евразии. И это взаимодействие внутри ШОС направлено на то, чтобы строить дороги и создавать пути для перевозки грузов. Для Армении такой проект стал причиной для изменений в экономике. Когда страна строит новые пути с севера на юг в местах, где нет конфликтов, она может больше торговать с другими государствами. Так она привлекает деньги в строительство и меньше зависит от тех путей, которые использовала раньше.

16 июля 2025 года Армения официально попросила принять ее в ШОС как постоянного участника. Премьер-министр Никол Пашинян сказал, что страна действительно подала этот документ. Он объяснил, что государство хочет изменить свой статус и стать полноценным членом организации вместо партнера по диалогу. Это нужно, чтобы Армения активнее участвовала в

общих делах Евразии и имела больше возможностей для экономики. И такое решение показывает, как внешняя политика Армении меняется в сторону стран Востока. Это является результатом того, что Армения и Китай долго работали вместе в ШОС и стали больше доверять друг другу.

31 августа 2025 года в городе Тяньцзинь лидеры Китая и Армении провели встречу. По итогам этой встречи страны официально начали называть свои отношения стратегическим партнерством. Они опубликовали общий текст, где сообщили об этом новом уровне общения. Данное решение является итогом того, что страны много лет работали в ШОС и укрепляли доверие.

При этом представители государств подписали бумаги о том, как они будут вместе работать в области правил рынка и измерений. Также в документах указаны цели, которые важны для проекта «Пояс и Путь» и для ШОС. Эти цели касаются денег для получения энергии из возобновляемых источников и обмена знаниями в сфере культуры и образования. Кроме того, Китай открыто помогает Армении, пока организация рассматривает ее просьбу о вступлении. Он дает советы о том, как готовить бумаги и как согласовывать мнения внутри организации.

В результате двусторонние отношения между Китаем и Арменией постигла стадию скачкообразного прогресса, характеризующегося углублением взаимного доверия, расширением спектра сотрудничества и повышением роли обеих стран в многосторонней евразийской кооперации. При этом сотрудничество между двумя странами в рамках ШОС также вступило в новую качественную фазу – от институционализованного взаимодействия к стратегическому партнерству, включающему многостороннюю координацию и совместное решение актуальных

региональных проблем.

Сотрудничество Армении с Шанхайской организацией сотрудничества является примером подхода к развитию, в котором культурное и гуманитарное взаимодействие ставится выше политических и экономических соображений. После нагорно-карабахского конфликта Армения ускорила собственный «поворот на восток», видя в ШОС значимую площадку, позволяющую уравновешивать влияние региональных держав и продвигаться к экономическому восстановлению; Китаю в этой конструкции отводится стабилизирующая роль.

Стратегический курс Грузии, напротив, нацелен на интеграцию в Европейский союз. С учетом непростых и деликатных отношений с Россией, сложившихся под влиянием исторических, геополитических и экономических обстоятельств, Тбилиси пока не заявлял официально о намерении вступить в Шанхайскую организацию сотрудничества, предпочитая сосредоточиться на своей евроинтеграционной стратегии, но и не захлопывая дверь перед иными форматами многостороннего взаимодействия. Тем не менее по глубине и охвату двустороннее сотрудничество Грузии с Китаем ничуть не уступает тому, что Пекин ведет со своими партнерами по диалогу в рамках ШОС, – об этом свидетельствуют и объем годового товарооборота, и число реализуемых совместных проектов, и степень согласованности действий в ключевых экономических сферах.

Три государства Южного Кавказа идут к сотрудничеству с ШОС разными путями. У Азербайджана прослеживается устойчивый рост, который в 2024–2025 годах ускорится благодаря установлению всеобъемлющего стратегического партнерства и поддержке Китаем его вступления в

организацию. Армения движется по иной модели – сначала сдержанно, затем с нарастающим ускорением – и в 2025 году совершает резкий рывок, подав заявку на членство в ШОС и оформив стратегическое партнерство. Грузия же демонстрирует ровную восходящую линию, извлекая косвенную выгоду через двусторонние механизмы с государствами – членами ШОС; по насыщенности ее сотрудничество вполне сопоставимо с азербайджанским, пусть траектории у стран и разнятся.

На всем протяжении этого процесса Китай неизменно играл роль «посредника, координатора и стабилизирующей силы», с уважением относясь к национальной специфике и стратегическому выбору каждой из стран. Действуя по двусторонней линии в рамках ШОС и инициативы «Пояс и путь», Пекин помогает превратить Южный Кавказ в важный узел евразийской транспортной инфраструктуры и тем самым привносит китайскую мудрость и китайскую силу в дело построения сообщества единой судьбы человечества.

2.4 Гуманитарное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа в рамках инициативы «Пояс и Путь»

Активно расширяется гуманитарное сотрудничество, которое воспринимается как «третья ось» отношений после политики и экономики²⁰⁰. Всем известно, что эффективность публичной дипломатии оказывает значительное влияние на проведение внешней политики страны и успешное решение дипломатических вопросов в значительной степени зависит от эффективности ее публичной дипломатии. Коммуникация языков играет особенно важную роль в публичной дипломатии. Китайское научное сообщество стало еще более активно обсуждать особую роль Институтов Конфуция как инструментов культурной «мягкой силы» Китая и их место во внешнеполитическом курсе КНР²⁰¹.

Институт Конфуция играет незаменимую роль в продвижении и преподавании китайского языка в Армении. В 2008 году в Ереване был открыт Институт Конфуция в Армении, который стал важным центром культурного взаимодействия Армении с Китаем, и в 2016 году Институт Конфуция в Армении получил звание «Лучший Институт Конфуция 2016» среди 512 Институтов Конфуция в мире²⁰².

Благодаря положительным результатам популяции китайского языка института Конфуции, в 2015 году Министерство образования и науки Армении официально утвердило включение курсов китайского языка в обязательную

²⁰⁰ Мокрецкий Александр Чеславович Страны Закавказья в китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. №21.

²⁰¹ Селезнева Наталья Викторовна Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. №26.

²⁰² Ян Мейхуа: Армянский язык намного сложнее китайского. News.am. 07.07.2018. URL: <https://news.am/rus/news/460388.html> (Дата обращения: 20.02.2025)

программу обучения в армянских начальных и средних школах, что ознаменовало интеграцию китайского языка в систему базового образования Армении²⁰³. В июне 2016 года тогдашний вице-премьер Государственного совета Китая Чжан Гаоли посетил Армению. В целях всестороннего развития и углубления двусторонних отношений обе стороны договорились укрепить преподавание китайского языка в армянских начальных и средних школах. Чжан Гаоли и президент Армении присутствовали на церемонии старта программы «Школа с углубленным изучением Китайского языка в Армении»²⁰⁴. Потом открывшаяся в 2018 г. в Ереване Школа армяно-китайской дружбы, рассчитанная на обучение 600 учеников с 5-го по 12-й класс, в первый же год приняла 408 учащихся. В 2024 г. в ней обучалось 685 учащихся²⁰⁵.

Обучение китайскому языку в высших учебных заведениях Армении началось в 2014 году. Начались преподавать китайский язык как второй иностранный язык на факультете международных отношений Ереванского государственного университета²⁰⁶. За период 2014–2017 годов число обучающихся в Институтах Конфуция в Армении ежегодно увеличивалось более чем на 50%, что позволило сформировать комплексную систему обучения китайскому языку, охватывающую начальное, среднее, высшее и

²⁰³ Школа с углубленным изучением китайского языка откроется в Армении. 30.10.2014. URL: <https://newsarmenia.am/news/society/society-20141030-43119118/?ysclid=mi7u6krqzk819948008> (Дата обращения: 20.02.2025)

²⁰⁴ Президент принял Первого вице-премьера Государственного Совета КНР Чжана Гаоли. Президент Армении. 06.06.2016. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2016/06/06/President-Serzh-Sargsyan-recieved-Chan-GaoLi/> (Дата обращения: 20.02.2025)

²⁰⁵ Асрян Г. «Мягкая сила»: Сферы влияния Китая в Армении. Анализ и человеческие истории. URL: <https://anhor.uz/vzglyad-iznutri/chinese-soft-power/> (дата обращения: 22.11.2024).

²⁰⁶ Интерес к китайскому языку в Армении растет: ЕГУ развивает китаеведение. 20 января 2020. ARMENPRESS. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1001870> (Дата обращения: 20.02.2025)

взрослое образование²⁰⁷. Это привело к формированию специфической модели функционирования Институтов Конфуция в стране. 9 декабря 2015 года в результате сотрудничества Даляньского университета иностранных языков и Ереванского государственного университета иностранных языков имени Валерия Брюсова в Китае был открыт первый центр армяноведения. Его деятельности всемерно способствуют Институт Конфуция при указанном университете, специальные классы в общеобразовательных школах и центры изучения китайского языка. В настоящее время в Армении китайский язык изучает свыше 5 тысяч человек²⁰⁸, а процесс локализации учебников по китайскому языку демонстрирует успешный прогресс.

Армения отличается от своих соседей – Азербайджана и Грузии, как государство, не включенное в ТМТМ, стремится продемонстрировать Пекину желание войти в его экономические проекты через подготовку специалистов, владеющих китайским языком, и создание лояльной по отношению к нему общественной среды²⁰⁹.

В сравнении с тремя государствами Южного Кавказа Армения первой организовала Институты Конфуция. Имеется факт, что это государство обладает наиболее длительным опытом работы в данной сфере и определенными культурными особенностями. Когда работают данные

²⁰⁷ 孙玉华,任雪梅.中国与亚美尼亚关系的历史、现状及前景展望 // 东北亚外语研究. 2018. 6(01):85-90. DOI: 10.16838/j.cnki.21-1587/h.2018.01.014. [Sun Yuhua, Ren Xuemei. A Review of Sino-Armenia Relation: The History, Current Situation and its Prospect // Foreign Language Research In Northeast Asia. 2018. 6(01):85-90.]

²⁰⁸ В Армении уже свыше 5 тыс. человек обучаются китайскому языку. СИНЬХУА Новости. 21.12.2024. URL: <https://russian.news.cn/20241221/4d13883260ea4eb49ce280f61cbf9239/c.html> (Дата обращения: 21.02.2025)

²⁰⁹ Величко Людмила Николаевна, Кумуков Альберт Мусабиевич Гуманитарная дипломатия Китая в регионе Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2025. №2.

организации, они обеспечивают изучение языка и традиций, а также помогают Армении развивать связи со странами Востока. Подобные процессы создают условия для совместной работы в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Если партнеры развивают отношения внутри ШОС, то китайское присутствие в Закавказье становится официально признанным. Для Азербайджана и Армении предоставление статуса партнеров по диалогу ШОС является причиной того, что Пекин обсуждает вопросы региональной безопасности с участием многих сторон. С.С. Жильцов пишет о том, что Китай использует механизмы ШОС и распространяет идею о том, что безопасность в Евразии является единой. С помощью этих действий КНР старается создать условия, при которых внешние силы не влияют на дела региона²¹⁰.

По мнению Е.Н. Грачикова, вовлечение стран Южного Кавказа в орбиту ШОС свидетельствует о реализации китайской модели мироустройства, где институциональное сотрудничество дополняется использованием «нематериальной силы» – продвижением общих норм и ценностей сообщества единой судьбы²¹¹. Это создает условия, при которых Азербайджан и Армения начинают рассматривать Пекин не только как инвестора, но и как влиятельного политического модератора, способного сбалансировать интересы великих держав на кавказском перешейке²¹².

В последнее время в Грузии наблюдается заметный рост интереса к изучению китайского языка. 8 июня 2010 года было подписано соглашение о

²¹⁰ Жильцов, С. С. Китай в Центральной Азии и на Кавказе: новые вызовы и возможности // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 4. С. 84–96.

²¹¹ Грачиков Е.Н. Китайский мировой порядок: дискурс, теория, нематериальная сила // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 4. С. 72–86.

²¹² Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.

совместном создании институтов Конфуция. Соглашение подписали штаб-квартира институтов Конфуция и посол Грузии в Китае, а Ланчжоуский университет и Тбилисский свободный университет совместно создали институт Конфуция. Так начался процесс институционализации институтов Конфуция в Грузии. Китайская сторона передала в подарок институту более 2 тысяч томов учебной и художественной литературы. В университете им. И. Чавчавадзе выступил региональный директор Всемирного банка и полномочный посол Китая в Грузии Юэ Бин с публичной лекцией «Вопросы китайско-грузинских отношений, тенденции экономического развития Китая, китайская культура». По словам посла, более 600 студентов изучают китайский язык, самые успешные награждаются стипендией. Учеба грузинских студентов в китайских вузах полностью финансируется правительством Китая. В настоящее время действует более 30 стипендий²¹³.

26 ноября 2010 года был торжественно открыт Институт Конфуция при Свободном университете Тбилиси, что ознаменовало начало деятельности первого Института Конфуция в Грузии. Предлагая комплексные курсы по китайскому языку, китайской культуре и боевым искусствам, он обслуживает государственных служащих, сотрудников и студентов университетов, а также сотрудников корпораций, открывая новый этап культурного сотрудничества между Китаем и Грузией.

С 2012 по 2017 год преподавание китайского языка осуществлялось в пяти университетах и семнадцати начальных и средних школах, причем в некоторых учебных заведениях китайский язык был включен в качестве

²¹³ Мачавариани Гурам Григорьевич Грузия-Китай: политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. №1.

обязательного или факультативного предмета. Ежегодно направлялось более десяти волонтеров-преподавателей китайского языка, которые обучали более тысячи студентов.

В 2018 году Чжэнчжоуский университет сменил Ланьчжоуский университет в качестве принимающей стороны Института Конфуция при Тбилисском свободном университете. Он оптимизировал систему преподавательского состава и учебных программ, ввел курсы делового китайского языка и китайского языка для логистики, а также способствовал согласованию с Соглашением о свободной торговле между Китаем и Грузией и развитию логистических центров в рамках инициативы «Пояс и путь».

В период 2020–2024 годов главные направления двустороннего сотрудничества между Китаем и Грузией включали согласование инициативы «Пояс и Путь» с национальной стратегией Грузии «Средний коридор» и продвижение цифровой трансформации. Институты Конфуция сосредоточены на согласовании инициативы «Пояс и путь» со стратегией Грузии «Средний коридор», подготовке многопрофильных специалистов в области логистики, торговли и туризма; организации «Недели культурного обмена Китай-Грузия» для продвижения взаимного признания университетских кредитов и совместных программ обучения.

В 2014 году был открыт Институт Конфуция при Бакинском государственном университете, что ознаменовало создание первого Института Конфуция в Азербайджане. Совместно основанный с Пекинским университетом иностранных языков в Китае, он получил преподавательский состав, учебные материалы и финансовую поддержку от штаб-квартиры Института Конфуция. Институт предлагает курсы по китайскому языку,

китайской культуре и деловому китайскому языку. Эта инициатива заполнила пробел в области Институтов Конфуция в Азербайджане и положила начало институционализации культурного сотрудничества между Китаем и Азербайджаном.

С 2015 по 2017 год, после того как Азербайджан был назначен партнером по диалогу Шанхайской организации сотрудничества, институты Конфуция стали инструментом культурного сотрудничества в рамках ШОС для развития сотрудничества с Китаем. С 2018 по 2020 год Институт Конфуция в Азербайджане расширил свою сеть учебных заведений, одновременно продвигая усилия по локализации. Было создано 13 учебных центров, охватывающих крупные города, включая Баку и Зангембаи, с ежегодным обучением более 5000 участников. Были подготовлены местные преподаватели китайского языка и разработаны азербайджано-китайские двуязычные учебные материалы. Китай предоставил стипендии для обучения в Китае (с приоритетом для секторов энергетики и транспорта).

С 2021 по 2024 год Институты Конфуция вводили курсы китайского языка по цифровой экономике и зеленой энергетике; сотрудничать с азербайджанскими аналитическими центрами в области исследований «Китай-Азербайджан-ШОС»; и служить культурной опорой, лежащей в основе всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Азербайджаном (апрель 2025 года). Культурное сотрудничество будет поддерживать политическую стратегию, закладывая основу для углубления сотрудничества между Азербайджаном и Китаем путем укрепления взаимопонимания.

Взаимодействие Китая с тремя государствами Южного Кавказа по линии

Институтов Конфуция служит образцом подхода, в котором сочетаются поэтапное продвижение и сервисная стратегическая направленность: Армения вырвалась вперед за счет новаторских культурных начинаний, Грузия набрала масштаб благодаря двустороннему лидерству, а Азербайджан, опираясь на энергетические ресурсы, обратил себе на пользу выгоды позднего вхождения. Вместе они складывают целостную экосистему преподавания китайского языка и культурного обмена на Южном Кавказе. Эта система связей функционирует одновременно в двух направлениях. В рамках инициативы «Пояс и путь» она способствует тому, что гуманитарные контакты становятся более постоянными. Для Шанхайской организации сотрудничества она является основой, которая обеспечивает поддержку со стороны общества. Благодаря этой системе Китай и страны региона формируют группы специалистов для совместной деятельности.

Сотрудничество Китая и стран Южного Кавказа через Институты Конфуция является процессом, который организован последовательно и направлен на оказание услуг в сфере образования. При этом каждое из трех государств использует свои возможности и цели. В Армении созданы условия для проведения фестивалей и научных конференций, где изучаются культуры двух стран. Также там действуют программы, по которым студенты университетов совершают взаимные поездки. В Грузии взаимодействие является масштабным, так как политики и руководители учебных заведений поддерживают обучение китайскому языку. Его преподают в государственных школах как часть обязательной программы, а количество Институтов Конфуция в крупных городах увеличивается. Азербайджан же соединяет работу в энергетическом секторе с обучением людей китайскому языку. Это

необходимо, чтобы реализовывать проекты, которые связаны с добычей и транспортировкой ресурсов.

Посредством Институтов Конфуция эти три страны создали общую среду для взаимодействия на Южном Кавказе. В этой среде люди изучают китайский язык и культуру на системной основе. Также там организуются мероприятия и проходит подготовка работников, которые понимают особенности общения между представителями разных народов.

И в данном разделе представлено сравнение того, как Китай взаимодействует с тремя государствами Южного Кавказа. Анализ проводится по двум критериям, которые касаются работы организаций и культурных процессов.

Показательным примером институционального взаимодействия выступает Шанхайская организация сотрудничества, тогда как культурно-образовательная составляющая наглядно раскрывается через становление и развитие Институтов Конфуция в этих странах и реализуемые ими проекты. Сравнение показывает, что сотрудничество Китая с республиками региона разворачивается по двойной, взаимоувязанной логике: институциональные механизмы задают основу для упорядочивания культурных обменов, а культурные контакты, в свою очередь, закладывают социальную почву и кадровый ресурс для дальнейшего углубления институционального сотрудничества.

Интенсивность и направления сотрудничества демонстрируют дифференцированную динамику, обусловленную уникальными ресурсами и стратегическими ориентациями каждой страны: Азербайджан лидирует в институциональном сотрудничестве благодаря своему прогрессу в интеграции

в механизмы ШОС и установленному стратегическому партнерству с Китаем; Грузия превосходит других в экономическом взаимодействии, преимущественно в сфере транспортно-логистики и цифровой трансформации, на основе согласования стратегии «Средний коридор» с инициативой «Пояс и Путь»; Армения имеет устойчивое преимущество в межчеловеческих контактах, обеспечиваемое новаторскими культурно-образовательными инициативами через Институты Конфуция. При этом институциональные и гражданские (межчеловеческие) механизмы дополняют друг друга и формируют синергетический эффект: ШОС обеспечивает многостороннюю платформу для координации политических и экономических интересов, а Институты Конфуция культивируют гражданские обмены на локальном и региональном уровнях, совместно формируя интегрированную сеть многостороннего сотрудничества между Китаем и тремя странами Южного Кавказа.

В настоящей главе выстраивается типология отношений КНР с тремя государствами Южного Кавказа в русле инициативы «Пояс и путь». Основой для нее служит сопоставительный разбор сразу нескольких аспектов: того, насколько инициатива «Пояс и путь» согласуется со стратегиями стран региона, ключевых направлений сотрудничества Китая с этими государствами при ее реализации, а также институционального и гуманитарного измерений их взаимодействия. Все это позволяет очертить достаточно четкую типологию. Она отражает своеобразие геополитического положения, хозяйственного устройства и внешнеполитических приоритетов каждой из трех республик, а вместе с тем и гибкость китайской модели партнерства в регионе, опирающейся на принципы взаимной выгоды и невмешательства во

внутренние дела. Существенно, что эта типология не застывшая: она схватывает эволюцию отношений, которую определяют, как внутренние преобразования в самих странах региона, так и глобальные и региональные геополитические тенденции, подробно разобранные в предыдущих разделах главы. В итоге вырисовываются три типа связей: Азербайджан – стратегическое партнерство, завязанное на ресурсах и логистике; Армения – ограниченное партнерство с геополитической подоплекой; Грузия – прагматичное транзитно-торговое партнерство.

Будущее развитие этих отношений будет зависеть от стабильности региона, успешности реализации проектов ТМТМ и дальнейшего диалога между КНР и странами Южного Кавказа в рамках международных институтов, включая ШОС (для Азербайджана и Армении) и двусторонних механизмов (для Грузии). Все вышеупомянутые факты, как данные о торговом обороте, количестве учебных пунктов институтов Конфуции, этапы развития отношений и ключевые проекты, которые подтверждают убедительность предложенной типологии и демонстрируют многообразие форм китайского партнерства в Южном Кавказе.

1. Шанхайская организация сотрудничества является основным аппаратом, через который Азербайджан и Армения включаются в структуру безопасности региона, где Китай играет ведущую роль. Статус партнеров по диалогу рассматривается как этап, который предшествует тому, что страны начинают согласовывать свои политические действия более тесно.

2. С помощью сети Институтов Конфуция (“孔子学院”) создаются группы людей, которые необходимы, чтобы строить объекты инфраструктуры. Когда местные специалисты изучают китайский язык и правила управления, которые

приняты в Китае, это позволяет подготовленным ка д р а м переходить из области культуры в область производства и торговли.

3. В ходе исследования было обнаружено, что официальные организации и общественные связи усиливают друг друга, когда действуют вместе. ШОС создает условия, при которых политики доверяют друг другу на высоком уровне. При этом, когда люди обмениваются опытом в гуманитарной сфере, это устраняет отрицательные мнения в обществе и создает обстановку, которая способствует тому, что присутствие Китая увеличивается.

4. На основе анализа можно заявить, что к 2025 году Китай построил на Южном Кавказе систему, которая действует на разных уровнях. В этой системе прочные связи в экономике сочетаются с воздействием через культуру. Из-за такой структуры стратегия остается стабильной, даже если происходят изменения во внешней политике.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Обобщая результаты исследования политики Китая на Южном Кавказе в рамках инициативы «Пояс и Путь», автор формулирует следующие итоговые положения.

Во-первых, к 2025 году процесс согласования китайской инициативы с национальными программами развития Азербайджана, Армении и Грузии завершился формированием устойчивой архитектуры стратегического сопряжения. Мы пришли к выводу, что Пекин успешно реализовал принцип «совместные консультации, совместное строительство и совместное использование» (“共商，共建，共享” 原则), предложив каждой республике индивидуальный формат участия, отвечающий ее коренным экономическим интересам.

Во-вторых, выстроенная нами типология отношений КНР с государствами региона дает возможность отнести азербайджанскую модель к стратегическому партнерству, завязанному на ресурсах и логистике, грузинскую – к прагматичному транзитно-торговому партнерству, а армянскую – к ограниченному партнерству с геополитической подоплекой. Подобное разграничение красноречиво говорит о том, насколько гибка китайская дипломатия и как умело она подстраивается под непростые условия региональной нестабильности.

В-третьих, главным двигателем региональной интеграции оказывается развитие ТМТМ и Цифрового Шелкового пути. Когда создается эта сеть инфраструктуры, возникают условия для процесса неофункционального «перелива».

Из-за того, что порты, железные дороги и телекоммуникации связаны технически, государства Южного Кавказа постепенно начинают изменять свои политические действия и правила так, чтобы они были похожи на модели управления Китая. В-четвертых, институциональное измерение сотрудничества обрело самостоятельное значение: Шанхайская организация сотрудничества стала основной платформой вовлечения Азербайджана и Армении в систему региональной безопасности, а финансовая интеграция через АПВ закрепила ресурсный контур китайского присутствия, позволив Пекину встраивать региональные проекты в собственную нормативную и финансовую инфраструктуру. В-пятых, гуманитарное измерение выступает самостоятельной, «третьей осью» отношений после политики и экономики: сеть Институтов и центров Конфуция, образовательные обмены и программы подготовки кадров формируют устойчивую социальную опору китайского

присутствия и обеспечивают долгосрочную легитимацию инфраструктурных проектов. В-шестых, совокупность экономического, институционального и гуманитарного присутствия придала китайскому влиянию в регионе постоянный и многосферный характер: КНР смогла сделать так, что Южный Кавказ перестал быть местом, за которое борются разные страны, и стал частью мировой системы транзита. В этой системе Китай является участником, который негласно координирует процессы и предоставляет средства, необходимые для роста. Для завершения главы важно отметить, что влияние Китая на Южном Кавказе будет зависеть от того, насколько успешно работают созданные функциональные связи в период, когда в мире сохраняется нестабильность.

ГЛАВА 3. ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ИНТЕРЕСАМ КНР НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Третья глава диссертационного исследования посвящена комплексному анализу многоуровневых вызовов и угроз, влияющих на реализацию долгосрочных интересов Китайской Народной Республики на Южном Кавказе. В условиях глобальной турбулентности регион Закавказья превратился в арену жесткого геополитического противоборства, где интересы Китая сталкиваются с влиянием традиционных и новых акторов – России, США, ЕС, Турции и Ирана. В главе последовательно рассматриваются риски, систематизированные по геополитическому, внутрирегиональному и экономическому уровням. Отдельное место отводится разбору факторов региональной нестабильности – в частности тому, как затяжные этнополитические и территориальные конфликты сказываются на безопасности китайских логистических маршрутов. В работе прослеживаются и скрытые угрозы: распространение радикальных идеологий, трансграничный терроризм, а также риск того, что политические элиты в принимающих странах могут смениться резко и непредсказуемо.

Экономическая сторона вызовов охватывает структурную уязвимость хозяйств Азербайджана, Армении и Грузии, их долговое бремя и сырьевую ориентацию экспорта. Подробно рассматривается разрушительное воздействие западных информационных сюжетов о «китайской долговой ловушке», призванных бросить тень на инициативу «Пояс и путь». В главе затрагиваются и институциональные препятствия – отсутствие государственных гарантий и переменчивость регионального законодательства, – которые сдерживают приток частного китайского капитала. Особый акцент

сделан на соперничестве китайской финансовой модели с западными программами технической помощи, прежде всего с инициативой «Global Gateway».

На основе дипломатических источников оценивается эффективность механизмов адаптации Пекина к выявленным угрозам через стратегию «неполитизированного прагматизма». В итоге глава раскрывает, каким образом Китай трансформирует региональные риски в возможности для институционального укрепления своего присутствия в регионе.

3.1 Геополитические вызовы интересам КНР на Южном Кавказе

Регион Южного Кавказа в современной системе международных отношений приобрел статус одного из сложных геополитических узлов, где пересекаются интересы глобальных и региональных центров силы. В условиях реализации масштабной китайской инициативы «Пояс и Путь» Закавказье выступает не только как перспективное пространство для инвестиций, но и как зона повышенной концентрации рисков, способных дестабилизировать долгосрочную стратегию Пекина. Анализ данных факторов требует применения системного подхода, учитывающего как историческое наследие региона, так и новейшие трансформации, вызванные изменением баланса сил после 2022 года. На основании проведенного анализа, специфика геополитических вызовов интересам Китайской Народной Республики обусловлена объективной ограниченностью национальной совокупной мощности Азербайджана, Армении и Грузии, что делает их крайне восприимчивыми к внешнему политическому давлению и прямому

вмешательству внерегиональных акторов.

Геополитическая значимость Южного Кавказа традиционно осмысливается через призму классических теорий контроля над Хартлендом, где регион выполняет функцию «срединной земли», обеспечивающей господство над евразийскими пространствами ²¹⁴. Для Китая, стремящегося к созданию устойчивых трансконтинентальных связей, эта территория является ареной перманентного столкновения интересов России, США, Европейского Союза, Турции и Ирана. Каждое инфраструктурное достижение Пекина в регионе неизбежно вызывает настороженность со стороны части из этих игроков, что порождает сдержанную конкуренцию интеграционных моделей. Особое значение в этом контексте приобретает так называемый «цивилизационный разлом», проходящий по границам христианских и исламских обществ Закавказья, что создает дополнительные идеологические препятствия для реализации китайской концепции «Сообщество единой судьбы». Для системного понимания структуры геополитических вызовов целесообразно выделить ключевые уровни угроз, с которыми сталкивается Пекин (см. табл.20)

Таблица 20

Иерархия геополитических вызовов интересам Китайской Народной Республики на Южном Кавказе

Уровень вызова	Ключевые субъекты влияния	Основные факторы дестабилизации	Характер воздействия на китайские проекты
Глобальный	США, Европейский Союз, НАТО	Санкционное давление, продвижение западных технологических стандартов (5G)	Идеологическое и нормативное блокирование китайской политики

²¹⁴ Борисова Екатерина. Оценка значимости идей Маккиндера в современных реалиях // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40)

Региональный	Российская Федерация, Турция, Иран	Борьба за транзитное доминирование и сохранение зон исключительного влияния	Конкуренция логистических коридоров и риск втягивания КНР в конфликты
Внутрирегиональный	Азербайджан, Армения, Грузия	Территориальные споры, нестабильность политических элит, риск «цветных революций»	Угроза физической сохранности инфраструктурных объектов и окупаемости инвестиций

Источник: составлено автором на основе анализа²¹⁵ и²¹⁶.

Представляется, что к 2025 году Китай окончательно перешел из статуса внешнего наблюдателя в категорию активного участника кавказской геополитической повестки. Это обстоятельство заставляет Пекин считаться с национальными интересами всех вовлеченных держав – особенно когда речь заходит о прокладке Транскаспийского международного транспортного маршрута. Когда Китай пытается занять позиции, которые освободились из-за того, что Россия частично сократила свое военное и политическое присутствие, он встречает противодействие со стороны государств Запада. Эти страны стремятся внедрить в регионе свои правила в сфере безопасности. По этой причине геополитические трудности для интересов КНР заключаются в том, что Пекину нужно постоянно находить равновесие. С одной стороны, Китай хочет расширять свое экономическое влияние, но с другой стороны, существует опасность нарушить нестабильный баланс сил в регионе. И роль России на Южном Кавказе является фактором, который устанавливает границы для действий китайских дипломатов. Для Москвы закавказские

²¹⁵ Сюе Вэньцин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

²¹⁶ Ibrahimov Mahir J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus / ed. by F. Labarre, G. Niculescu. Rome, 2022. С. 64–74

территории являются пространством, которое она называет «ближним зарубежьем», и зоной, которая мешает расширению НАТО. После 2022 года международная обстановка изменилась, и теперь влияние между странами распределяется иначе. В этих условиях российское присутствие стало менее выраженным, и из-за этого Пекин действует очень осторожно.

В китайском руководстве отдают себе отчет в том, что чрезмерно напористая экономическая деятельность может быть истолкована российскими элитами как попытка геополитического вытеснения, а это чревато осложнениями для глобального стратегического партнерства двух держав. Как отмечают исследователи, чтобы снять подобные опасения, Пекин настойчиво продвигает идею состыковки инициативы «Пояс и путь» с евразийскими интеграционными процессами и российским проектом Большого евразийского партнерства²¹⁷.

Если смотреть сквозь призму неофункционализма, то взаимодействие Китая и России на Южном Кавказе выстраивается по логике негласного разделения зон ответственности: Пекин берет на себя роль экономического локомотива, а за Москвой сохраняется функция главного гаранта региональной безопасности. Отсюда напрашивается вывод, что присутствие 102-й российской военной базы в Армении и посредническая миссия РФ в армяно-азербайджанских переговорах создают тот самый «зонтик стабильности», под прикрытием которого китайские корпорации могут вести свои долгосрочные проекты. Тем не менее подспудные противоречия никуда не исчезают, и особенно остро они проступают в вопросе конкуренции транзитных

²¹⁷ Papava, Vladimir & Charaia, Vakhtang. Belt and Road Initiative: Implications for Georgia and China-Georgia Economic Relations // China International Studies. 2017. с. 122–139

маршрутов. Ведь курс Китая на развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ) в обход российской территории объективно подтачивает транзитный потенциал Транссибирской магистрали. (см. табл. 21).

Таблица 21

**Дифференциация восприятия российско-китайского баланса силами
Южного Кавказа**

Государство региона	Позиция в отношении влияния РФ и КНР	Стратегический риск для интересов Пекина	Реакция принимающей стороны
Азербайджанская Республика	Стремление к равноудаленности при упоре на турецко- китайский транзитный вектор	Обострение конкуренции за статус главного энергетического хаба Каспия	Лоббирование Среднего коридора как альтернативы северным маршрутам
Республика Армения	Высокая зависимость от РФ в сфере безопасности при поиске технологической опоры в КНР	Блокировка китайских инициатив из-за обязательств Еревана перед ЕАЭС и ОДКБ	Попытки привлечения китайских инвестиций в проект «Перекресток мира»
Грузия	Использование китайского фактора для снижения влияния Москвы и ускорения интеграции в ЕС	Втягивание Пекина в территориальные споры и риск вторичных санкций Запада	Предоставление КНР льготных условий в портах как противовес российскому влиянию

Источник: составлено автором на основе анализа²¹⁸ и²¹⁹.

Из содержания текста следует, что правительство Китая планирует изменить характер отношений с Российской Федерацией, чтобы вместо соперничества стороны развивали экономики друг друга. По этой причине китайские

²¹⁸ Князев А. Ближний Восток и Южный Кавказ создают условия для союза России, Ирана и Китая. Ситуационный анализ МГИМО. 15.09.2025

²¹⁹ Маркедонов С. М. Россия и постсоветские конфликты: стратегия или реагирование // Дружба народов. 2018. № 8

компании вкладывают средства в объекты, которые соединяют маршрут ТМТМ с транспортными путями России, как это происходит при создании туннеля на пути между Квешети и Коби. С помощью постепенных действий Китай увеличивает свое влияние, но делает это так, чтобы открыто не задевать государственные интересы России. Но для китайских планов в энергетике Армении есть препятствие, так как эта республика в большом объеме получает ресурсы и оружие от российских поставщиков. В связи с этим влияние России является постоянным условием, из-за которого Китаю нужно менять слова и способы расширения экономики под нужды соседнего государства.

На Южном Кавказе существует и вторая группа геополитических сложностей для Китая, которая возникла из-за того, что западные страны стали действовать активнее. Для этих государств регион является границей, где они стараются ограничить возможности России и Китая. И для США, и для стран Европы кавказский регион имеет большое значение, так как через него они распространяют свои принципы управления и получают энергию без посторонней помощи. В Пекине есть понимание того, что политика США в этом месте изменилась: раньше они помогали менять законы, а теперь прямо мешают Китаю строить инфраструктуру. Как указывают эксперты, власти в Вашингтоне называют проект «Пояс и путь» угрозой для мирового порядка, и по этой причине США используют деньги и культурное влияние, чтобы создать отрицательный образ китайских планов²²⁰.

Особую сложность для китайской дипломатии представляет политика Европейского Союза, который сочетает прагматичное экономическое

²²⁰ Nadège Rolland. China's Ambitions in Eastern Europe and the South Caucasus // *Russie.Nei. Visions*. 2018. No. 112

взаимодействие с государствами региона и жесткое нормативное давление. Программы «Восточного партнерства» и соглашения об Углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA) создают правовую среду, во многом несовместимую с китайскими стандартами ведения бизнеса. Запуск европейской инициативы Global Gateway рассматривается нами как прямая попытка Брюсселя создать альтернативную Китаю систему инфраструктурной связности, опирающуюся на западные экологические и социальные нормы.

Для понимания масштабов конкуренции следует отметить, что Европейский Союз остается крупнейшим финансовым донором региона. В рамках Экономического и инвестиционного плана (EIP) ЕС обязался мобилизовать до 2,3 млрд евро для Грузии и 2,6 млрд евро для Армении в виде грантов и инвестиций. Общий товарооборот стран Южного Кавказа с ЕС также исторически превышает показатели торговли с КНР, что создает прочный материальный фундамент для западного влияния и заставляет Пекин предлагать более гибкие, не обремененные нормативными требованиями инвестиционные модели²²¹.

Согласно имеющимся данным, конкуренция между «Пояс и Путь» и Global Gateway на Южном Кавказе превращается в борьбу за технологическое доминирование, где ключевым полем битвы выступает сектор телекоммуникаций и внедрение стандартов 5G. Специфика вызовов, исходящих от западных акторов, систематизирована в рамках следующей аналитической таблицы (см. табл.22).

²²¹ Европейская комиссия. Экономический и инвестиционный план для Восточного партнерства: основные флагманские инициативы. Брюссель. 2021. С. 4–6. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2021-07/factsheet_eastern_partnership_economic_and_investment_plan.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

Сравнительный анализ инструментов влияния Запада и рисков для стратегии КНР

Субъект влияния	Доминирующий инструмент воздействия	Сфера прямого столкновения с интересами КНР	Угроза для реализации инициативы «Пояс и Путь»
Соединенные Штаты Америки	Военно-политическая помощь и программы Millennium Challenge	Контроль над критической инфраструктурой и цифровыми сетями	Блокировка участия Huawei в строительстве сетей 5G в Грузии
Европейский Союз	Грантовая поддержка и нормативная интеграция (DCFTA)	Энергетические маршруты Каспия и экологические стандарты	Навязывание «мягкого права», ограничивающего китайские инвестиции
НАТО	Совместные учения (Noble Partner) и модернизация армий	Региональная архитектура безопасности и статус Грузии	Дестабилизация отношений Пекина с Москвой из-за расширения альянса

Источник: составлено автором на основе анализа²²² и²²³.

Можно воспринимать, что западный дискурс о «дипломатии долговой ловушки» и «китайской угрозе» является целенаправленным инструментом геополитической борьбы, призванным сформировать негативное восприятие китайских инвестиций у населения стран Южного Кавказа. Особую обеспокоенность Пекина вызывает риск повторения сценариев «цветных революций», способных привести к власти силы, ориентированные на полное сворачивание сотрудничества с КНР. Примером такой уязвимости выступает Грузия, где подписание меморандума с США по безопасности 5G стало явным сигналом ограничения технологической активности Пекина. Таким образом, западный фактор выступает не только как экономический конкурент, но и как

²²² China strengthens positions in the South Caucasus. FPRI. 26.11.2021

²²³ Biscop, Sven. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics: Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? // Egmont Paper. 2023

мощный идеологический фильтр, требующий от Китая более активного использования ресурсов публичной дипломатии и поиска компромиссных форматов взаимодействия с европейскими структурами в регионе.

Как подчеркивает С.С. Жильцов, под давлением Запада страны региона вынуждены маневрировать между мощными геополитическими акторами, что создает ситуацию «вынужденного лавирования» и затрудняет долгосрочное планирование китайских инвестиций в рамках инициативы «Пояс и Путь»²²⁴. При этом М.М. Агазаде отмечает, что формирование в регионе двух коалиций (Турция-Азербайджан-Великобритания и Россия-Армения-Иран) ставит Пекин перед необходимостью виртуозного балансирования, чтобы не допустить втягивания Китая в деструктивные военно-политические конфликты, способные уничтожить созданную инфраструктуру²²⁵.

Активность Турецкой Республики и Исламской Республики Иран в Закавказье выступает одним из динамичных и одновременно амбивалентных факторов, определяющих границы реализации китайских интересов. Пекин осознает, что Южный Кавказ является зоной исторического влияния этих двух региональных держав, каждая из которых стремится трансформировать текущую геополитическую турбулентность в собственные стратегические преимущества. Для Турции ключевым приоритетом выступает реализация концепции «Среднего коридора» (“中间走廊”), который во многом дублирует маршруты инициативы «Пояс и Путь». Исследователи указывают на то, что Анкара умело использует лозунг «два государства – один народ» для

²²⁴ Жильцов, С. С. Китай в Центральной Азии и на Кавказе: новые вызовы и возможности // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 4. С. 84–96.

²²⁵ Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.

формирования военно-политического альянса с Азербайджаном, что создает для Китая ситуацию необходимости согласования своих инвестиционных планов с турецкой стратегией пантюркистской экспансии²²⁶.

На основании проведенного анализа, серьезный скрытый вызов со стороны Турции заключается в идеологической плоскости. Продвигаемые Анкарой идеи тюркской солидарности потенциально могут стать катализатором дестабилизации в СУАР, что вынуждает Пекин рассматривать турецкую активность на Южном Кавказе с высокой долей настороженности. В свою очередь Иран воспринимает регион как собственное «ближнее зарубежье» и крайне болезненно реагирует на любые попытки изменения территориального статус-кво, в частности на проект Зангезурского коридора. Тегеран опасается, что усиление китайско-азербайджанского сотрудничества при посредничестве Турции приведет к геополитической изоляции Ирана и снижению его транзитной роли в рамках коридора «Север – Юг». Специфика столкновения интересов этих игроков в контексте китайской стратегии отражена в аналитической таблице (см. табл.23).

Таблица 23

**Сравнительный анализ интересов региональных держав и вызовов
для стратегии КНР**

Региональный актор	Стратегическая цель в регионе	Точка соприкосновения с интересами КНР	Зона потенциального конфликта с Пекином

²²⁶ Скворцова Нино, Абазов Дмитрий. Конфликт интересов на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. № 2

Турецкая Республика	Создание единого тюркского пространства и доминирование в Среднем коридоре	Совместная эксплуатация железной дороги Баку – Тбилиси – Карс	Продвижение пантюркизма и военное присутствие НАТО в портах Грузии
Исламская Республика Иран	Предотвращение блокады границ и сохранение статуса энергетического хаба	Реализация 25-летнего договора о партнерстве и проект «3+3»	Конкуренция маршрутов ТМТМ и Север – Юг, влияние Израиля в Баку

Источник: составлено автором на основе анализа²²⁷ и²²⁸.

С позиции теории неофункционализма Пекин пытается нейтрализовать конкуренцию со стороны региональных держав через механизмы «функционального вовлечения». Китай деятельно поддерживает формат «3+3» (Россия, Турция, Иран плюс три закавказские республики), усматривая в нем средство институционально привязать региональных игроков к китайской инвестиционной модели. Отсюда напрашивается вывод, что Пекин рассчитывает выстроить такую конфигурацию, при которой Анкара и Тегеран будут напрямую получать экономическую выгоду от бесперебойной работы «Пояса и пути», а это заставит их с большей осторожностью подходить к политическим шагам, способным нарушить транзитный поток.

При этом после 2022 года равновесие интересов стало еще более шатким. Углубление военного сотрудничества Азербайджана с Израилем и разрастание турецкого присутствия провоцируют ответную активность Ирана, который начинает присматриваться к Армении как к запасному транзитному каналу в обход турецко-азербайджанской связки. В такой обстановке Китаю приходится

²²⁷ Ibrahimov Mahir J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus / ed. by F. Labarre, G. Niculescu. Rome, 2022. С. 64–74

²²⁸ Wrobel Ralph. The changing geopolitics in the South Caucasus during the war in Ukraine: Chances and risks for the region // Ordnungs Politesses Portal. Erfurt, 2023. № 2

вести политику «двойной подстраховки»: он одновременно вкладывается в азербайджанскую логистику и поддерживает армянские проекты в рамках программы «Перекресток мира». Следовательно, Пекин сталкивается с региональными геополитическими вызовами и поэтому взаимодействует с другими государствами так, чтобы избегать конфликтов. В этой ситуации Китай стремится к тому, чтобы страны, которые могли бы конкурировать с ним, становились партнерами, которые извлекают выгоду из создаваемой им транспортной системы.

С другой стороны, интересы КНР находятся под угрозой из-за того, что политическая ситуация внутри государств Южного Кавказа часто меняется. В Пекине есть понимание, что результаты долгосрочных инвестиций в инфраструктуру зависят от того, насколько стабильно положение правящих групп и сохраняют ли они прежнее направление в международных отношениях. При этом Азербайджан, Армения и Грузия имеют небольшие экономики и не обладают значительными ресурсами государственного влияния. По этой причине они легко теряют устойчивость, когда в обществе происходят волнения или когда внешние силы используют протесты в своих целях. Как указывают эксперты, на Южном Кавказе соседствуют разные культуры, и из-за различий между исламскими и западными христианскими традициями в регионе сохраняются противоречия. Эти обстоятельства являются препятствием для того, чтобы в регионе возникла единая среда для совместной работы²²⁹.

Для руководителей Китая важно то, что существует вероятность «цветных революций», которые могут изменить внешнюю политику других государств.

²²⁹Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 1–15

События в регионе, которые начались с «революции роз» в Грузии и продолжились «бархатной революцией» в Армении в 2018 году, подтверждают, что местные жители часто поддерживают призывы к прозападным либеральным изменениям. В этих условиях смена власти опасна для имущества и инвестиций Китая, так как новые руководители часто хотят изменить прежние соглашения ради интересов западных стран. На примере Армении видно, что, когда люди недовольны уровнем жизни или фактами взяточничества, это используется для разрушения старых международных связей. И из-за этого возникают условия, при которых трудно предсказать, как будут выполняться проекты в рамках инициативы «Пояс и Путь»²³⁰ (см. табл.24).

Таблица 24

**Внутриполитические факторы риска для долгосрочных интересов
КНР**

Государство региона	Ключевой фактор внутренней нестабильности	Характер угрозы для китайских инвестиций	Влияние на неофункциональный процесс
Азербайджанская Республика	Проблема транзита власти и социальный разрыв между богатыми и бедными	Риск дестабилизации энергетических объектов при смене элит	Торможение «эффекта перелива» из-за персонификации договоренностей
Республика Армения	Поляризация общества и последствия военных поражений	Политическая волатильность и риск отказа от инфраструктурных обязательств	Блокировка интеграции вследствие институционального кризиса
Грузия	Глубокий общественный	Возможность национализации	Нестабильность правовой среды для

²³⁰ Hou Aijun. Security Risks Faced by China in the Transcaucasian Region and Its Risk-aversion Efforts // International Security Studies. 2019. 7(02):68-90

	раскол по вектору «Восток-Запад»	активов или введения ограничений под давлением ЕС	функционирования ЗСТ
--	-------------------------------------	---	----------------------

Источник: составлено автором на основе анализа²³¹ и²³².

С позиции теории неофункционализма, ситуации, в которых внутренняя политика стран является неустойчивой, мешают тому, чтобы интеграция расширялась сама по себе. В ходе анализа становится ясно, что государственные институты на Южном Кавказе не имеют стабильности, и это заставляет Китай заключать соглашения лично с руководителями государств. Из-за этого сотрудничество может легко прекратиться. Когда в местном медиапространстве распространяются идеи против глобализации и утверждения о том, что страны попадают в долговую зависимость от Китая, Пекину становится сложнее использовать «мягкую силу» («软实力»). В условиях, когда люди в Грузии имеют противоположные мнения по поводу границ государства, КНР действует аккуратно. Для Пекина важно, чтобы страна не стала участником споров о том, являются ли текущие политические режимы законными. И оказывается, что политическая ситуация на Южном Кавказе принуждает КНР использовать более сложные методы социальной ответственности. КНР ведет активный диалог не только с представителями правительств, но и с общественными группами, чтобы проект «Пояс и путь» находился в безопасности.

Для того чтобы Пекин мог продвигать государственные интересы на территории Южного Кавказа, ему нужно не только отмечать риски. Ему важно

²³¹ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

²³² Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с.

создавать инструменты, которые позволяют адаптироваться к ситуации, когда страны ведут между собой конкуренцию. Если рассматривать события за последние годы, то китайские лидеры стараются превратить региональные угрозы в условия, при которых они вводят новые порядки в работу организаций. С этой целью они планомерно переходят от общения только с одним партнером к укреплению форматов, где участвуют многие стороны. По этой причине использование площадок Шанхайской организации сотрудничества и работа с проектами Евразийского экономического союза помогают Китаю достигать баланса. На этих площадках интересы России, Турции и западных участников учитываются так, что открытые столкновения отсутствуют²³³.

С позиции теории неофункционализма ускоряет процессы политической и экономической интеграции внутри самого региона Южного Кавказа. Необходимость защиты критической инфраструктуры (ТМТМ и энергетических хабов) от внешнего вмешательства заставляет Пекин инициировать создание новых двусторонних регуляторных органов и опираться на многосторонние координационные платформы (такие как механизмы ШОС, формат «3+3» или АБИИ²³⁴). На основании проведенного анализа, этот процесс свидетельствует о возникновении вынужденного эффекта перелива, когда угрозы безопасности диктуют необходимость перехода от технического сотрудничества к созданию региональных институтов управления рисками. Особенности реализации адаптивной

²³³ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

²³⁴ Жильцов С. С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8, № 4. С. 428–430

стратегии Пекина в ответ на многоуровневые геополитические вызовы систематизированы в рамках аналитической таблицы (см. табл.25).

Таблица 25

**Стратегические механизмы нейтрализации геополитических рисков
интересам КНР**

Тип нейтрализуемого риска	Применяемый инструмент адаптации	Ожидаемый результат для Пекина	Влияние на региональный баланс
Конкуренция интеграционных моделей («Пояс и Путь» vs Global Gateway)	Институциональная инклюзивность и акцент на неполитизированном прагматизме	Сохранение лояльности местных элит вне зависимости от западного давления	Формирование Китая как альтернативного полюса развития
Риск нарушения транзитной связности из-за региональных войн	Продвижение инициативы «3+3» и коллективное страхование маршрутов	Создание системы взаимных гарантий между региональными державами	Снижение монопольного влияния любого отдельного актора на логистику
Идеологическая дестабилизация и пантюркизм	Расширение гуманитарного присутствия и трансляция концепции «Сообщество единой судьбы»	Формирование иммунитета принимающих обществ к внешнему манипулированию	Укрепление суверенной устойчивости государств Южного Кавказа

Источник: составлено автором на основе анализа²³⁵ и²³⁶.

На основании проведенного анализа, китайская стратегия на Южном Кавказе эволюционировала в сторону «гибкого прагматизма», позволяющего

²³⁵ Князев А. Ближний Восток и Южный Кавказ создают условия для союза России, Ирана и Китая. Ситуационный анализ МГИМО. 15.09.2025

²³⁶ Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-knr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

Пекину выступать в роли стабилизирующего фактора в условиях ослабления западного влияния. Китай умело использует экономические рычаги для снижения геополитической чувствительности своих проектов, предлагая странам региона статус равноправных партнеров в глобальных транзитных цепочках. Это создает ситуацию, когда, даже государства, ориентированные на интеграцию с Евросоюзом, рассматривают сотрудничество с Китаем как необходимый элемент обеспечения своей макроэкономической безопасности. Таким образом Пекин успешно конструирует региональную среду, где геополитическая конкуренция великих держав не блокирует функциональное развитие инициативы «Пояс и Путь»²³⁷.

Эффективность реализации интересов Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в значительной степени детерминирована тем, как китайская деятельность интерпретируется внутри самих принимающих обществ. Анализ дискурса национальных элит Азербайджана, Армении и Грузии позволяет зафиксировать глубокую трансформацию восприятия Пекина – от экзотического торгового партнера к ключевому системному игроку, способному сбалансировать влияние традиционных региональных акторов. Очевидно, что стремление местных правительств к углублению связей с КНР продиктовано не только финансовыми мотивами, но и стратегической потребностью в сохранении политической субъектности. В условиях нарастающего давления со стороны Запада и России китайская модель «сотрудничества без условий» рассматривается в Баку, Ереване и Тбилиси как безопасная альтернатива, позволяющая диверсифицировать

²³⁷ Китай усиливает позиции на Южном Кавказе. FPRI. 26.11.2021

внешнеполитические риски²³⁸.

Каждое из государств региона выстраивает собственную систему аргументации в пользу партнерства с Китаем, что формирует многовекторную картину восприятия «Пояс и Путь». В Азербайджане доминирует нарратив о КНР как о «стратегическом ядре», обеспечивающем устойчивость транзитных путей Каспия. Армянское экспертное сообщество в свою очередь видит в Пекине источник технологической модернизации, способный вывести страну из состояния транспортной изоляции. В Грузии же превалирует прагматичный подход, при котором китайские инвестиции воспринимаются как инструмент ускорения европейской интеграции через создание инфраструктуры мирового уровня. Для системного сопоставления ожиданий и опасений принимающих стран ниже представлена аналитическая характеристика национальных позиций (см. табл.26).

Таблица 26

Структура восприятия китайского фактора национальными сообществами стран Южного Кавказа

Государство региона	Основные мотивы элит в пользу сотрудничества с КНР	Ключевые риски в восприятии национальных экспертов	Роль КНР в национальном дискурсе безопасности
Азербайджанская Республика	Привлечение инвестиций в нефтегазовый сектор и легитимизация роли транзитного хаба	Опасения по поводу возможной конкуренции китайских товаров с местным производством	Китай как нейтральный партнер, уравновешивающий Иран и Армению
Республика Армения	Поиск альтернативного источника безопасности	Риск попадания в «долговую	КНР как фактор сдерживания

²³⁸ Karapetyan R. China’s Policy in the South Caucasus: Challenges and Opportunities // Armeno logical Issues. 2024. № 2 (28). С. 67–82

	и высоких технологий в условиях блокады	зависимость» вследствие слабости национальной экономики	пантюркистских амбиций региональных игроков
Грузия	Использование преимуществ ЗСТ для привлечения китайских производств на свою территорию	Обострение отношений с США из-за внедрения китайских цифровых стандартов	Китай как гарант неприкосновенности инфраструктурных активов перед лицом внешних угроз

Источник: составлено автором на основе анализа²³⁹ и²⁴⁰.

Если смотреть сквозь нефункциональную оптику, втягивание Пекина в вопросы «жесткой» безопасности закономерно вытекает из того самого «перелива», который зарождается еще на стадии охраны капиталовложений. Похоже, что к 2025 году закавказские столицы в основном сошлись во мнении о выгодности китайского присутствия. Западная пресса упорно подает это присутствие в тревожных красках, однако местный политический класс, напротив, готов и дальше встраиваться в возводимую Китаем транспортную конструкцию, видя в ней опору собственного суверенного развития посреди мировой турбулентности. Если свести воедино весь проделанный разбор геополитических препятствий для интересов Китайской Народной Республики в этом субрегионе, проступает разветвленная, многоярусная конфигурация угроз, заставляющая Пекин непрерывно перенастраивать свой курс. Наше исследование показало: Закавказье перестало быть площадкой, за которой дипломаты лишь пассивно наблюдают, и обернулось ареной ожесточенного

²³⁹ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81

²⁴⁰ Сюе Вэньцин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesny-knr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

соперничества мировых и региональных держав за господство над трансконтинентальными транзитными путями. Отвечая на стержневой вопрос работы – о том, что движет эволюцией китайской политики, – приходим к заключению: давление извне действует двояко, оно одновременно и мешает КНР, и подстегивает ее к институциональному укоренению. Как следствие, Пекину приходится оставлять позади сугубо хозяйственный инструментарий и осваивать комплексное балансирование, мало-помалу оформляясь в самостоятельный центр силы, способный определять правила регионального транзита.

Применение методологии неофункционализма позволило выявить специфику срабатывания эффекта перелива в условиях высокой геополитической турбулентности. Мы пришли к выводу, что внешнее вмешательство со стороны США и Европейского Союза зачастую блокирует естественный процесс функциональной интеграции, навязывая региону альтернативные нормативные и технологические стандарты. В то же время стратегическая координация с Российской Федерацией создает уникальный прецедент симбиоза интересов, при котором экономическое доминирование Китая дополняется российскими гарантиями безопасности. Обобщенная оценка устойчивости китайских моделей партнерства перед лицом геополитических вызовов представлена в следующей аналитической характеристике (см. табл.27).

Таблица 27

**Оценка резистентности национальных моделей партнерства с КНР
к геополитическим шокам**

Модель взаимодействия	Уровень чувствительности к внешнему давлению	Главный геополитический ограничитель	Эффективность китайской стратегии адаптации
--------------------------	--	--	---

Азербайджанская (ресурсная)	Низкий (высокая суверенная устойчивость)	Конкуренция Турции за лидерство в Среднем коридоре	Высокая за счет глубокой интеграции в проекты ТМТМ и нефтехимии
Грузинская (транзитная)	Высокий (сильная зависимость от стандартов ЕС/США)	Нормативное давление Запада и риски вторичных санкций	Средняя через использование экономических преференций ЗСТ
Армянская (стабилизирующая)	Средний (геополитическая изоляция)	Конфликтный потенциал с Турцией и Азербайджаном	Умеренная за счет реализации нишевых инновационных проектов

Источник: составлено автором на основе анализа²⁴¹ и²⁴².

На основании проведенного анализа, принципиальным фактором сохранения китайского влияния в регионе является способность Пекина сохранять статус нейтрального арбитра, не вовлекаясь напрямую в территориальные споры и этнополитические конфликты. Следует полагать, что продвижение концепции «Сообщество единой судьбы человечества» выступает эффективным инструментом нейтрализации пантюркистских и западных идеологических нарративов, формируя у местных элит запрос на прагматичное и безопасное сотрудничество. В конечном счете геополитические вызовы 2013–2025 годов не привели к сворачиванию инициативы «Пояс и Путь» на Южном Кавказе, а напротив – способствовали ее качественной трансформации в сторону более сложной и институционально защищенной модели регионального присутствия. Будущее китайских интересов будет определяться успехом маневрирования между интересами

²⁴¹ Сюе Вэньцин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

²⁴² Ibrahimov Mahir J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus / ed. by F. Labarre, G. Niculescu. Rome, 2022. С. 64–74

России и Запада при одновременном наращивании функциональной зависимости республик Южного Кавказа от китайских технологий и финансовых институтов.

3.2 Региональная нестабильность и этнополитические конфликты как вызов интересам КНР на Южном Кавказе

Проблема региональной нестабильности на Южном Кавказе выступает серьезным и труднопрогнозируемым вызовом для долгосрочной реализации инициативы «Пояс и Путь». Хронический характер территориальных споров и этнополитических противоречий формирует специфическую среду, в которой классические механизмы экономической интеграции сталкиваются с жесткими барьерами в сфере безопасности. С позиции теории неофункционализма затяжные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии создают ситуацию «негативного перелива», когда политическая вражда блокирует развитие естественных функциональных связей в экономике и транспорте. Исследователи подчеркивают, что Южный Кавказ находится в зоне глубокого цивилизационного разлома, где различия в культурных и религиозных парадигмах трех республик выступают в роли постоянного источника напряженности²⁴³.

Китайское руководство осознает, что любая инфраструктурная инициатива в регионе рискует оказаться заложницей очередного витка вооруженной эскалации. Для Пекина критическая значимость стабильности обусловлена необходимостью обеспечения физической безопасности транзитных путей и окупаемости масштабных инвестиционных проектов.

²⁴³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 1–15

Однако специфика Южного Кавказа заключается в том, что практически все ключевые логистические узлы находятся в непосредственной близости от зон потенциальных боевых действий. Согласно имеющимся данным, именно эта «география конфликта» является главным ограничителем для превращения региона в полноценный сегмент «Сообщество единой судьбы человечества». Для систематического анализа источников нестабильности и их влияния на китайские интересы ниже представлена классификационная таблица (см. табл.28).

Таблица 28

Характеристика очагов региональной нестабильности в контексте рисков для КНР

Зона конфликта	Природа противоречий	Влияние на китайскую стратегию «Пояс и Путь»	Уровень угрозы для инвестиций КНР
Нагорный Карабах	Территориальный спор и проблема суверенитета	Блокировка кратчайших транзитных маршрутов и риск разрушения ГИС-инфраструктуры	Высокий (из-за вовлеченности Турции и Ирана)
Абхазия и Южная Осетия	Этнополитический конфликт и проблема признания статуса	Ограничение использования черноморских портов и транзита через территорию Грузии	Средний (риск политической дестабилизации Тбилиси)
Трансграничный терроризм	Деятельность трех сил под прикрытием радикальных идеологий	Угроза безопасности персонала китайских компаний и риски дестабилизации СУАР	Критический (влияет на внутреннюю безопасность КНР)

Источник: составлено автором на основе анализа ²⁴⁴ и ²⁴⁵.

²⁴⁴ Буторов А. С., Дегтерев Д. А., Савичева Е. М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: новая база данных РУДН по международным отношениям // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 388–400

²⁴⁵ Hou Aijun. Security Risks Faced by China in the Transcaucasian Region and Its Risk-aversion Efforts // International Security Studies. 2019. 7(02):68-90

Отсюда напрашивается вывод: пока конфликты остаются неулаженными, Китаю удобнее вести себя выборочно и не втягиваться целиком. Пекин сознательно держится в стороне от того, чтобы выносить политические оценки территориальному статусу Абхазии или Южной Осетии, и ограничивается общими призывами решать все сугубо мирными средствами. Такая осмотрительность позволяет ему поддерживать рабочие связи со всеми участниками противостояния, но платой становится уязвимость его положения – любой резкий сдвиг регионального статус-кво способен эти связи обрушить. Выходит, что очаги нестабильности в Закавказье вовсе не второстепенные внешние раздражители, а глубинные структурные тормоза, не дающие китайской политике перерасти из формулы «ресурсы в обмен на инвестиции» в формат по-настоящему глубокой региональной интеграции.

На протяжении многих десятилетий именно неурегулированность нагорно-карабахского вопроса оставалась главным источником нестабильности. Десятилетиями главным генератором нестабильности в Закавказье, стопорившим любые коллективные начинания, служил именно незакрытый нагорно-карабахский узел. Едва распался Советский Союз, как затяжное военное противостояние Баку и Еревана раскроило региональное пространство на изолированные куски и наглухо перекрыло важнейшие транзитные коридоры. Перелом произошел в два приема: сперва в ходе второй карабахской кампании 2020 года, а затем – в сентябре 2023-го, когда Азербайджан вернул себе полный контроль над территорией; оба события до неузнаваемости перекроили политический ландшафт субрегиона. На языке неофункционализма такую развязку уместно прочесть как силовую расчистку барьеров, мешавших функциональному сращиванию. И все же свежие трения

вокруг Зангезурского коридора напоминают: до подлинного замирения региону по-прежнему далеко, а сама эта задача из числа труднодостижимых. Как подмечают специалисты, Пекину в сложившихся условиях пришлось перекраивать свою линию под фактическое верховенство Азербайджана, стараясь при этом не растерять расположение армянской стороны²⁴⁶.

Что до официальной риторики, то внешнеполитическое ведомство КНР по карабахскому сюжету держится жестко нейтрально, в подчеркнуто осторожном ключе, опираясь прежде всего на принцип территориальной целостности²⁴⁷. На словах Пекин раз за разом уговаривал стороны сохранять сдержанность и приветствовал посредничество международных структур, однако от того, чтобы самому подключиться к урегулированию, по существу, уклонялся.

На основании проведенного анализа, такая позиция диктуется стремлением защитить транзитные интересы в рамках ТМТМ, который проходит по территории Азербайджана. Любая открытая поддержка одной из сторон конфликта означала бы для Китая неминуемый провал политики балансирования и поставила бы под угрозу безопасность инфраструктурных активов. Динамика трансформации конфликта и ее влияние на интересы Поднебесной систематизированы в рамках аналитической характеристики (см. табл.29).

Таблица 29

²⁴⁶ Karapetyan R. China's Policy in the South Caucasus: Challenges and Opportunities // *Armenological Issues*. 2024. № 2 (28). С. 67–82

²⁴⁷ Агазаде М. М. Геополитическая стратегия Китая на Южном Кавказе: интересы и вызовы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 727–728.

Этапы трансформации Нагорно-Карабахского конфликта и последствия для КНР

Исторический этап	Состояние региональной безопасности	Влияние на китайскую стратегию «Пояс и Путь»	Геополитический результат для Пекина
Период «заморозки» (1994–2020 гг.)	Транспортная блокада и перманентная угроза возобновления войны	Необходимость обхода Армении при проектировании маршрутов	Ограничение транзитного потенциала Среднего коридора
Военная эскалация и итоги 2020 г.	Резкое изменение баланса сил в пользу азербайджано-турецкого альянса	Риск физического уничтожения инвестиционных объектов	Усиление зависимости КНР от политической воли Баку и Анкары
Постконфликтный период (2023–2025 гг.)	Попытки разблокировки границ при сохранении глубокого недоверия	Формирование новых логистических возможностей (Зангезурский вектор)	Необходимость сложного маневрирования между Ираном и Турцией

Источник: составлено автором на основе анализа²⁴⁸ и²⁴⁹.

Анализ позволяет утверждать, что Пекин рассматривает полное завершение конфликта как обязательное условие для запуска полноценного эффекта перелива в региональном масштабе. Только в условиях открытых границ и признанных суверенитетов возможна реализация армянской программы «Перекресток мира», которая объективно выгодна Китаю для диверсификации связей с Ираном. В то же время нарастающие опасения Еревана по поводу территориальных претензий Азербайджана на Сюникскую область создают ситуацию новой неопределенности. Китай стремится использовать механизмы ШОС для мягкого урегулирования этих опасений,

²⁴⁸ Ibrahimov Mahir J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus / ed. by F. Labarre, G. Niculescu. Rome, 2022. С. 64–74

²⁴⁹ Сюе Вэньцин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

предлагая странам региона дивиденды от совместного высокотехнологичного развития. Таким образом карабахский фактор эволюционировал из открытого военного риска в сложную дипломатическую задачу, где Китай вынужден выступать в роли негласного гаранта неприкосновенности транзитных узлов перед лицом амбиций региональных держав.

Проблема региональной нестабильности напрямую затрагивает национальные интересы КНР. Согласно классификации Е.Н. Грачикова и Чжоу Сяоюй, обеспечение суверенитета и территориальной целостности партнеров является необходимым условием для реализации китайской стратегии «активности и предприимчивости»²⁵⁰. Однако затяжные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии формируют структурный барьер, препятствующий срабатыванию неофункционального эффекта перелива из экономики в сферу коллективной безопасности.

Как утверждает М.М. Агазаде, после завершения конфликта возникли новые риски из-за проекта Зангезурского коридора. Иран активно выступает против этого маршрута, а в Армении выражают беспокойство по данному поводу. Для Китая важно, что если в этой зоне начнется военное столкновение, то инвестиционные объекты могут быть разрушены физически. В такой ситуации китайская сторона рискует перестать контролировать южное направление Срединного коридора.

Кроме того, С.С. Жильцов указывает на проблемы в сфере воды и энергии, которые скрыто мешают стабильности региона. Из-за того, что водных ресурсов мало, а государства в Закавказье не согласовали правила их

²⁵⁰ Грачиков Е.Н., Чжоу Сяоюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.

использования, между ними могут снова возникнуть противоречия. По этой причине Китаю необходимо начать активно передавать технологии в экологической сфере. Если Китай станет технологическим донором, это поможет уменьшить вероятность конфликтов.

И существует проблема того, что радикальные идеологии распространяются, а международные террористические группировки продолжают действовать. Это создает скрытый уровень угроз, который является опасным для деятельности Китая на Южном Кавказе. В отличие от открытых межгосударственных споров факторы экстремизма носят преимущественно импортированный характер, что обусловлено высокой проницаемостью границ региона и его тесными историко-культурными связями с зонами нестабильности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. С позиции теории неофункционализма данные вызовы формируют запрос на экстренный перелив интеграционных процессов из сферы экономики в плоскость правоохранительного взаимодействия и обмена разведывательной информацией.

По оценке ряда авторов, Закавказье служит для Пекина своего рода «передовым рубежом обороны» его западных провинций: любое расшатывание кавказского перешейка почти наверняка разбудило бы дремлющие сепаратистские очаги уже внутри самого Китая²⁵¹.

И хотя международные индексы отводят республикам региона довольно достойные места по уровню личной безопасности граждан, скрытая опасность политического экстремизма никуда не исчезла. Сильнее всего китайское руководство настораживает вскрытая смычка между радикальными

²⁵¹ Гикашвили Г. Терроризм на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2019. № 5

исламистскими структурами Закавказья и объявленными в КНР вне закона группировками «Восточного Туркестана». Судя, по доступным сведениям, попытки сторонних игроков разыграть религиозную карту ради подрыва китайских вложений по линии «Пояса и Пути» вплетены в более широкую системную борьбу за господство над регионом. В Пекине отлично сознают: чтобы уберечь и персонал китайских компаний, и сами технологические объекты – будь то Гобустанская солнечная станция или портовые терминалы, – требуется наднациональный контур раннего распознавания угроз.

Специфика рисков безопасности и официальные показатели защищенности стран региона представлены в аналитической таблице (см. табл.30).

Таблица 30

**Сравнительная характеристика параметров безопасности
государств Южного Кавказа (2024 г.)**

Государство региона	Место в Глобальном индексе безопасности	Доминирующий источник экстремистской угрозы	Влияние на реализацию проектов «Пояс и Путь»
Республика Армения	8	Политический радикализм вследствие последствий военных конфликтов	Риск саботажа инфраструктурных объектов оппозиционными силами
Грузия	21	Использование территории как транзитного коридора для боевиков с Ближнего Востока	Угроза безопасности логистических узлов на черноморском побережье
Азербайджанская Республика	34	Деятельность спящих ячеек радикальных организаций и риски внешнего манипулирования	Необходимость усиленной охраны объектов нефтехимии и ТМТМ

Источник: составлено автором на основе анализа данных²⁵² и²⁵³.

Можно понять, что Пекин стремится нейтрализовать данные вызовы путем углубления взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества, предлагая Баку и Еревану китайские технологии цифрового наблюдения и антитеррористического мониторинга. Предположительно, что экспорт китайских стандартов «безопасного города» является эффективным инструментом функционального привязывания местных спецслужб к технологической базе КНР. Таким образом угроза экстремизма парадоксальным образом способствует укреплению китайского влияния, создавая ситуацию, в которой республики Южного Кавказа объективно нуждаются в китайском опыте и ресурсах для поддержания внутренней стабильности. В конечном счете борьба с тремя силами превращается из сугубо оборонной задачи в важный элемент долгосрочного политического проектирования Китая в регионе.

Глубинная нестабильность Южного Кавказа в значительной степени детерминирована его уникальным положением в так называемой зоне цивилизационного разлома. Столкновение различных ценностных парадигм и религиозных систем формирует среду, в которой интересы Китайской Народной Республики сталкиваются не только с политическим сопротивлением, но и с глубоким культурным непониманием. Анализ позволяет утверждать, что внутренняя неоднородность региона, где христианские Армения и Грузия соседствуют с исламским Азербайджаном,

²⁵² Safety Index by Country 2024. URL: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2025&displayColumn=1 (Датаобращения: 23.02.2026)

²⁵³ Hou Aijun. Security Risks Faced by China in the Transcaucasian Region and Its Risk-aversion Efforts // International Security Studies. 2019. 7(02):68-90

создает перманентное напряжение, которое проецируется на все внешние инициативы. С позиции теории неофункционализма такие социокультурные различия выступают в роли «институционального трения» замедляя процесс срабатывания эффекта перелива из сферы экономики в область долгосрочного политического доверия. Исследователи указывают на то, что культурные и мировоззренческие расхождения между Китаем и странами Южного Кавказа могут вызвать латентные угрозы для реализации стратегии «Пояс и Путь» поскольку китайская модель прагматизма зачастую вступает в противоречие с местными традициями ведения дел и политическими культурами²⁵⁴.

Особую сложность представляет процесс адаптации китайской концепции «Сообщество единой судьбы» к реалиям обществ Южного Кавказа, которые исторически ориентированы на внешние центры силы. В то время как Баку демонстрирует высокую степень совместимости с китайским подходом через призму исламской солидарности и энергетического прагматизма Тбилиси и Ереван в большей степени подвержены влиянию западных социокультурных стандартов. На основании проведенного анализа, идеологический экспорт из Европы и США формирует у части населения республик настороженное отношение, к китайской политике которое подпитывается нарративами о «несовместимости ценностей». Специфика цивилизационных вызовов для китайского присутствия отражена в следующей аналитической характеристике (см. табл.31).

Таблица 31

²⁵⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 1–15

Анализ цивилизационных факторов и их влияния на политику КНР в регионе

Параметр влияния	Христианский вектор (Грузия, Армения)	Исламский вектор (Азербайджан)	Китайский прагматичный подход
Доминирующая ориентация	Европоцентризм и либеральные ценности	Региональное лидерство и тюркское единство	Экономическое развитие и суверенное равенство
Восприятие КНР	Источник инвестиций при сохранении культурной дистанции	Стратегический партнер в противовес западному давлению	Региональный стабилизатор и технологический донор
Риск для «Пояс и Путь»	Конфликт стандартов и «мягкой силы» Запада	Риск радикализации и пантюркистского влияния	Недостаточная укорененность китайских ценностных моделей

Источник: составлено автором на основе анализа²⁵⁵ и²⁵⁶.

Очевидно, что Китай стремится преодолеть эти вызовы путем форсированного развития Институтов Конфуция и программ студенческого обмена, которые призваны создать прослойку национальных элит знакомых с китайской спецификой. Можно сделать вывод, что успех китайской стратегии на Южном Кавказе будет зависеть от способности Пекина предложить региону инклюзивную идеологическую альтернативу, которая бы не требовала отказа от национальной идентичности в пользу западных лекал. В конечном счете цивилизационный фактор остается долгосрочным вызовом, требующим от КНР перехода к более тонким формам культурной дипломатии и активного участия в межкультурном диалоге внутри самого региона Закавказья.

Нарастающая конкуренция великих держав на Южном Кавказе создает ситуацию, в которой Китай рискует оказаться втянутым в чужие

²⁵⁵ Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-knr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

²⁵⁶ Величко Людмила Николаевна, Кумуков Альберт Мусабиевич. Гуманитарная дипломатия Китая в регионе Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. № 2

геополитические игры что несет прямую угрозу его внеблоковому статусу и интересам в рамках «Пояс и Путь». После 2022 года регион превратился в арену открытого противоборства, где Российская Федерация Соединенные Штаты Америки и Турецкая Республика стремятся переформатировать архитектуру безопасности в соответствии со своими национальными интересами. Пекин осознает, что любая попытка выступить в роли «стабилизатора» региона неизбежно вызывает негативную реакцию у одного из этих игроков. Исследователи указывают на то, что Южный Кавказ является для России стратегической буферной зоной а вступление Грузии в НАТО или усиление западного присутствия в Армении рассматривается Москвой как экзистенциальная угроза²⁵⁷.

На основании проведенного анализа, опасным для Китая сценарием является полная дезинтеграция существующей системы безопасности под давлением западных санкций и военных альянсов. Постоянные военные учения НАТО в Грузии и попытки Вашингтона добиться армяно-азербайджанского примирения на своих условиях ведут к росту геополитической напряженности, которая может напрямую затронуть китайские транзитные активы. С позиции теории неофункционализма такая внешняя дестабилизация блокирует возможность формирования регионального сообщества безопасности под эгидой Пекина поскольку страны Южного Кавказа вынуждены выбирать между конкурирующими военно-политическими блоками. Характеристика геополитических рисков для китайской стратегии представлена в следующей таблице (см. табл. 32).

²⁵⁷ Маркедонов С. М. Россия и постсоветские конфликты: стратегия или реагирование // Дружба народов. 2018. № 8

**Оценка влияния внерегиональных акторов на стабильность
китайских интересов**

Внешний субъект	Инструмент дестабилизации	Угроза для интересов КНР	Степень критичности для Пекина
США и НАТО	Военная помощь и расширение инфраструктуры альянса	Риск эскалации с Россией и блокировка морских путей	Высокая (угроза физической безопасности ТМТМ)
Турецкая Республика	Продвижение инициативы «Средний коридор» и пантюркизм	Идеологическое давление на СУАР и конкуренция в логистике	Средняя (требуется постоянного маневрирования)
Исламская Республика Иран	Противодействие Зангезурскому коридору и конфликт с Израилем	Блокада южных транзитных векторов и риск большой войны	Высокая (угроза региональной энергетике)

Источник: составлено автором на основе анализа²⁵⁸ и²⁵⁹.

Судя по имеющимся материалам, вся эта линия выстроена ради того, чтобы привить региону «иммунитет» к постороннему вмешательству, – а подобная установка целиком укладывается в китайскую максиму о том, что «азиатские дела надлежит улаживать самим азиатам». Загвоздка, однако, в том, что незатихающее противостояние Тегерана и Баку вкупе с медленным сползанием Еревана к западному полюсу превращают общерегиональное согласие в цель почти недостижимую. Аналитики фиксируют: население закавказских государств легко поддается популистской агитации и внешним манипуляциям, из-за чего устойчивость правящих кабинетов остается хронически шаткой²⁶⁰.

²⁵⁸ Ibrahimov Mahir J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus / ed. by F. Labarre, G. Niculescu. Rome, 2022. С. 64–74

²⁵⁹ Князев А. Ближний Восток и Южный Кавказ создают условия для союза России, Ирана и Китая. Ситуационный анализ МГИМО. 15.09.2025

²⁶⁰ Hou Aijun. Security Risks Faced by China in the Transcaucasian Region and Its Risk-aversion Efforts // International Security Studies. 2019. 7(02):68-90

Отдельным источником тревоги для китайских капиталовложений выступает вероятность того, что к власти прорвутся жестко прозападные силы, которым ничего не стоит разыграть жупел «китайской угрозы» либо «долговой западни», чтобы оправдать разрыв уже заключенных договоренностей. Рельефнее всего это заметно на грузинском примере, где общество расколото надвое спором о европейской интеграции.

С позиции теории неофункционализма такая институциональная нестабильность блокирует действие «эффекта перелива» поскольку бизнес не получает надежных правовых рамок для расширения сотрудничества. Характеристика внутренних рисков безопасности в странах региона представлена в аналитической таблице (см. табл.33).

Таблица 33

Внутриполитические вызовы стабильности китайских проектов на Южном Кавказе

Страна партнер	Доминирующий фактор риска	Потенциальное последствие для КНР	Механизм нейтрализации Пекином
Республика Армения	Политическая поляризация и последствия «бархатной революции»	Риск заморозки инфраструктурных объектов при смене кабинета	Диверсификация контактов с различными политическими силами
Грузия	Острый конфликт между властью и оппозицией по закону об иноагентах	Возможность введения ограничений на работу китайских ИТ-гигантов	Упор на экономический прагматизм и внеблоковый статус инвестиций
Азербайджанская Республика	Социальное неравенство и проблемы преемственности элит	Угроза стабильности энергетического сектора при социальных взрывах	Поддержка государственных программ социально-экономического развития

Источник: составлено автором на основе анализа²⁶¹ и²⁶².

Исходя из изложенного, Пекин стремится минимизировать эти угрозы путем реализации стратегии «глубокой локализации», при которой китайские проекты приносят видимую пользу широким слоям местного населения через создание рабочих мест и развитие социальной инфраструктуры. Представляется, что такая тактика позволяет Китаю страховаться от политических шоков формируя общественный запрос на сохранение сотрудничества вне зависимости от личности находящегося у власти лидера. В конечном счете внутригосударственные кризисы на Южном Кавказе вынуждают КНР действовать не как классический инвестор, а как сложный политический игрок способный учитывать интересы различных групп влияния и адаптировать свои проекты к условиям высокой институциональной неопределенности.

Сегодня медийное поле Южного Кавказа само по себе превратилось в обособленную линию фронта, обращенную против интересов Китайской Народной Республики: здесь раскручивают сюжеты о «китайской угрозе» и «долговой дипломатии». В Пекине прекрасно сознают, что судьба «Пояса и Пути» во многом упирается в степень доверия со стороны населения стран-хозяек, однако информационное пространство Азербайджана, Армении и Грузии ощутимо подвержено воздействию западных мозговых центров и неправительственных организаций, старательно лепящих китайским проектам отталкивающий образ. Обобщая наблюдения, можно утверждать: стоит

²⁶¹ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

²⁶² Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с.

определенным акторам целенаправленно вбрасывать тезис об угрозе утраты независимости под грузом долгов перед Китаем, как это заметно притормаживает всякое сближение государств региона.

Сравнительная характеристика информационных вызовов в республиках региона представлена в аналитической таблице (см. табл.34).

Таблица 34

Структура информационных угроз интересам КНР на Южном Кавказе

Страна региона	Доминирующий негативный нарратив	Ключевой источник распространения	Степень влияния на общественное мнение
Грузия	Угроза демократическим ценностям и внедрение «цифрового авторитаризма»	Западные НПО и проевропейские медиахолдинги	Высокая (влияет на молодежь и городское население)
Республика Армения	Риск «долговой ловушки» и потери контроля над инфраструктурой	Оппозиционные партии и диаспоральные ресурсы	Средняя (актуализируется в периоды экономических спадов)
Азербайджанская Республика	Конкуренция китайских рабочих с местными кадрами	Социальные сети и независимые блогеры	Умеренная (фокусируется на трудовой миграции)

Источник: составлено автором на основе анализа ²⁶³ и ²⁶⁴.

Наглядно, что Пекину необходимо совершенствовать системы предварительного предупреждения об информационных атаках и создавать платформы для прямого диалога с местным экспертным сообществом. Можно сделать вывод, что только через демонстрацию конкретных успехов в сфере экологии и «зеленого развития» (например, через Гобустанский проект) Китай

²⁶³ Brautigam Deborah. A critical look at Chinese ‘debt-trap diplomacy’: The rise of a meme // Area development and policy. 2020. № 5. С. 1–14

²⁶⁴ Сюе Вэньцин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

сможет окончательно развенчать миф о хищническом характере своей деятельности. В конечном счете информационный уровень вызовов требует от КНР интеграции гуманитарных и экономических инструментов в единую коммуникационную стратегию способную обеспечить социальную легитимность присутствия Поднебесной на Южном Кавказе в условиях жесткого глобального противоборства смыслов.

Завершая комплексный анализ факторов нестабильности на Южном Кавказе необходимо констатировать, что регион представляет собой зону предельно высокой концентрации рисков для реализации долгосрочной стратегии Китайской Народной Республики. Проведенное исследование доказало, что традиционные территориальные споры межгосударственные конфликты и угроза трансграничного терроризма формируют структурный барьер, который препятствует планомерному развитию инициативы «Пояс и Путь». Мы пришли к выводу что нестабильность Южного Кавказа носит системный характер и требует от Пекина перехода от политики «невмешательства» к стратегии «активного умиротворения через развитие». Основной исследовательский вопрос о факторах трансформации китайской политики находит свое разрешение в понимании того, что риски безопасности стали главным драйвером институциональной адаптации КНР в регионе.

Применение методологии неофункционализма позволило зафиксировать феномен блокировки интеграционных процессов под воздействием хронической нестабильности. Представляется, что отсутствие регионального консенсуса по вопросам границ и суверенитета делает невозможным срабатывание полноценного «эффекта перелива» в масштабах всего Закавказья вынуждая Китай ограничиваться двусторонними моделями

взаимодействия. Исходя из изложенного, успех Пекина в нейтрализации данных угроз будет зависеть от эффективности использования многосторонних площадок таких как ШОС и механизм «3+3». Обобщающая оценка состояния региональной безопасности и перспектив китайского реагирования представлена в следующей характеристике.

1. Межгосударственные конфликты остаются долгосрочным ограничителем транзитного потенциала Среднего коридора требуя от Китая постоянного маневрирования между интересами враждующих сторон без принятия чьей-либо позиции.

2. Трансграничный терроризм и радикальные идеологии рассматриваются Пекином как прямая угроза внутренней безопасности западных провинций КНР что превращает правоохранительное сотрудничество в Закавказье в приоритетное направление политики.

3. Внутриполитическая волатильность и риск «цветных революций» вынуждают Китай делать ставку на персонифицированные договоренности с элитами что делает китайское присутствие уязвимым перед лицом резкой смены политических режимов.

4. Информационные войны и продвижение нарратива о «китайской угрозе» требуют качественного усиления инструментов мягкой силы и перехода к стратегии «социальной ответственности бизнеса» для обеспечения своей деятельности.

В завершение подчеркнем, что факторы нестабильности на Южном Кавказе к 2025 году не привели к отказу Китая от своих стратегических целей, но качественно усложнили инструментарий их достижения. Анализ позволяет утверждать, что Пекин продолжит придерживаться гибкой и прагматичной

стратегии уравнивая геополитическую чувствительность региона необходимостью функционального развития ТМТМ. Будущее китайских интересов будет определяться способностью Поднебесной трансформировать накопленный экономический капитал в механизмы коллективной безопасности, исключающие масштабную дестабилизацию этого ключевого евразийского перешейка.

3.3 Экономические вызовы и структурные барьеры реализации китайских проектов на Южном Кавказе

Экономическое измерение вызовов интересам Китайской Народной Республики на Южном Кавказе обусловлено глубокими структурными противоречиями и внутренней слабостью национальных хозяйственных систем Азербайджана, Армении и Грузии. В условиях реализации масштабных инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Пояс и Путь» Пекин сталкивается с ситуацией, когда принимающие страны не обладают достаточным внутренним потенциалом для обеспечения устойчивой доходности инвестиций. Можно прийти к выводу, что отсутствие независимой экономической системы, и высокая степень зависимости республик Закавказья от конъюнктуры внешних рынков создают риски системного характера для китайского государственного и частного капитала. Как указывают исследователи, скромная емкость здешних рынков, наложенная на резкие колебания сырьевых котировок, превращает любое долгосрочное планирование в почти неразрешимую задачу²⁶⁵.

²⁶⁵ Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

Дополнительные проблемы создает для Пекина «плачевное» макроэкономическое состояние отдельных стран субрегиона. Показательна Армения: индикатор деловой активности там ползет вниз, тогда как государственная задолженность к исходу 2024 года разбухла до внушительных величин. Столь же очевидно, что убыль жителей вкупе с демографическим спадом со временем ужимают внутренний рынок и подтачивают обороноспособность республики, а значит, ставят под вопрос оправданность масштабных инфраструктурных инъекций. Грузия же, хоть и подтянула инвестиционный климат, тащит на себе тяжелый груз долгов государственных предприятий, и это сужает ее возможности выдавать суверенные поручительства под китайские кредиты. Сводная картина нынешнего хозяйственного положения стран региона вынесена в отдельную аналитическую таблицу (см. табл. 35).

Таблица 35

**Макроэкономические показатели и факторы риска стран Южного Кавказа
(2024–2025 гг.)**

Параметр анализа	Азербайджанская Республика	Республика Армения	Грузия
Объем внешнего долга (млрд долл. США)	Около 15 (перед КНР)	12,75	11,1
Главная структурная уязвимость	Зависимость от цен на энергоносители	Депопуляция и транспортная блокада	Долговая нагрузка госсектора и нестабильность ВВП
Риск для проектов «Пояс и Путь»	Снижение рентабельности нефтехимии	Угроза дефолта и невыплаты кредитов	Политическая волатильность правовой среды

Источник: составлено автором на основе анализа данных²⁶⁶ и²⁶⁷.

Судя по доступным данным, Пекин старается обезвредить перечисленные вызовы, переписывая собственное амплуа: из «чистого заимодавца» он стремится переродиться в «стратегического донора», делающего ставку на социальную инфраструктуру и ресурсы «мягкой силы». По всей видимости, разворот к многосторонним схемам кредитования через АПВ нужен Китаю еще и затем, чтобы придать своим вложениям легитимный облик и подвести их под общепринятые международные нормы. Правда, шлейф разговоров о «долговой дипломатии» никуда не девается и вынуждает китайский бизнес куда придирчивее просчитывать технико-экономическую отдачу закавказских проектов, обходя стороной все, что выглядит сомнительно рентабельным. В конечном счете умение развеять неприглядную репутацию кредитора оборачивается для КНР неременным условием сохранения ее хозяйственного первенства в регионе.

Серьезным вызовом для реализации экономических интересов Китайской Народной Республики на Южном Кавказе выступает нарастающее информационное и политическое давление, связанное с нарративом о так называемой «дипломатии долговой ловушки». В основе этой идеи лежит утверждение, что внешние участники намеренно ставят развивающиеся государства в положение, когда те не могут выплатить долги. Подобная

²⁶⁶ Экономика Армении постепенно приближается к преддефолтному состоянию – Давид Ананян. 09.06.2025. EurAsia Daily. URL: <https://easily.com/ru/news/2025/06/09/ekonomika-armenii-postepenno-priblizhaetsya-k-preddefoltnomu-sostoyaniyu-david-ananyan> (дата обращения: 23.02.2026)

²⁶⁷ Как изменился объем внешнего долга Грузии – новые данные Нацбанка. 06.07.2024. Sputnik. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20240706/kak-izmenilsya-obem-vneshnego-dolga-gruzii--novye-dannye-natsbanka-288878749.html?ysclid=mbqzbz53soz784402231> (дата обращения: 23.02.2026)

аргументация направлена на то, чтобы нанести ущерб репутации инициативы «Пояс и Путь». Когда такие опасения распространяются среди экспертов и жителей Азербайджана, Армении и Грузии, это создает ситуацию, при которой люди перестают доверять партнерам. Из-за этого становится трудно достигать договоренностей о получении новых денежных средств и строить объекты инфраструктуры.

Исследователи указывают на то, что факты часто не подтверждают мнение о стремлении Китая присваивать чужие ресурсы через займы. Но когда подобные обсуждения существуют, Пекин вынужден вести финансовые дела в регионе более осмотрительно и открыто. С точки зрения теории неофункционализма такие обвинения останавливают «эффект перелива». Это происходит потому, что возможные сложности в политике и общественном восприятии являются более значимыми, чем те доходы, которые приносит экономическая интеграция.

Наглядно, что уязвимой к данным рискам является Республика Армения чей внешний долг в сочетании с политической нестабильностью создает почву для тиражирования нарратива о потере суверенитета. В то же время Азербайджан, обладающий значительными валютными резервами, демонстрирует высокую степень устойчивости к подобному давлению рассматривая китайские кредиты как прагматичный инструмент развития.

По имеющимся статистическим данным, уровень закредитованности стран региона перед КНР не является критическим. Например, внешний долг Грузии перед Китаем составляет менее 3% от общего внешнего государственного долга (доминирующими кредиторами выступают институты ЕС, АБР и Всемирный банк). Аналогичная ситуация наблюдается в Армении,

где основные долговые обязательства связаны с западными финансовыми структурами и выпуском еврооблигаций. Это наглядно деконструирует миф о «китайской долговой ловушке» применительно к Южному Кавказу²⁶⁸

Сравнительная оценка долговых рисков и их восприятия в республиках региона представлена в следующей таблице (см. табл.36).

Таблица 36

Анализ долговых рисков и специфики восприятия финансовой политики КНР

Государство региона	Доля КНР в структуре внешнего долга	Уровень риска «долговой ловушки»	Доминирующий нарратив в национальных СМИ
Республика Армения	Значительная (в контексте слабых темпов ВВП)	Высокий	Опасения по поводу потери контроля над транспортными узлами
Грузия	Скромная (ниже заимствований у ЕС)	Низкий	Китай как альтернативный инвестор, не требующий реформ
Азербайджанская Республика	Управляемая (обеспечена ресурсами)	Минимальный	Китай как стратегический партнер по диверсификации экономики

Источник: составлено автором на основе анализа²⁶⁹ и²⁷⁰.

Согласно имеющимся данным, Пекин стремится нейтрализовать данные вызовы через трансформацию своей роли из «чистого кредитора» в «стратегического донора», ориентированного на развитие социальной инфраструктуры и мягкой силы. Предположительно, что переход к

²⁶⁸ Asgarov S. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. – 2024. – № 4. – P. 68–71.

²⁶⁹ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81

²⁷⁰ Экономика Армении постепенно приближается к преддефолтному состоянию – Давид Ананян. 09.06.2025. EurAsia Daily. URL: <https://easaily.com/ru/news/2025/06/09/ekonomika-armenii-postepenno-priblizhaetsya-k-preddefoltnomu-sostoyaniyu-david-ananyan> (дата обращения: 23.02.2026)

многосторонним форматам кредитования через АПВ позволяет Китаю легитимизировать свои финансовые вложения приводя их в соответствие с международными нормами. Однако информационный фон вокруг «долговой дипломатии» остается фактором, который заставляет китайские компании более тщательно подходить к технико-экономическому обоснованию проектов на Южном Кавказе избегая объектов с сомнительной рентабельностью. В конечном счете борьба с негативным имиджем кредитора становится для КНР необходимым условием сохранения своего экономического доминирования в регионе.

Структурный вызов интересам Китайской Народной Республики на Южном Кавказе заключается в сохранении глубокого дисбаланса во взаимной торговле и преобладании сырьевой составляющей в экспорте республик региона. Несмотря на кратный рост товарооборота в рамках инициативы «Пояс и Путь» наблюдается ситуация, при которой Китай выступает в роли поставщика высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью в то время, как Азербайджан Армения и Грузия остаются преимущественно источниками первичных природных ресурсов. Очевидно, что такая модель обмена создает риски долгосрочной экономической стагнации принимающих стран что в конечном итоге может спровоцировать рост антикитайских настроений среди местных производителей. Исследователи указывают на то, что для Китая Южный Кавказ является важным источником нефти и сельскохозяйственного сырья, но низкий уровень

индустриализации региона препятствует диверсификации импортной корзины КНР²⁷¹.

Системным экономическим вызовом для КНР на Южном Кавказе выступает информационное давление, связанное с продвижением западного нарратива о «китайской долговой ловушке». Исследование С. Асгарова показывает, что данный дискурс часто лишен реальных экономических оснований и используется оппозиционными силами для легитимизации разрыва отношений с Пекином²⁷². На примере Грузии и Армении видно, что доля китайских кредитов в структуре внешнего долга остается управляемой и не достигает критических отметок. Д. Бротигам также подчеркивает, что обвинения в «хищническом кредитовании» являются инструментом геополитического сдерживания КНР, призванным ограничить доступ китайских корпораций к стратегической инфраструктуре региона²⁷³.

Тем не менее, Пекин сталкивается с объективными макроэкономическими барьерами. С.С. Жильцов указывает на слабость национальных экономик региона и их высокую зависимость от внешних шоков, что делает невозможным переход интеграции в стадию самоподдерживающегося роста без предоставления суверенных гарантий, от которых правительства Грузии и Армении зачастую уклоняются²⁷⁴. В этих условиях Китай вынужден адаптировать свою модель, переходя к стратегии «глубокой индустриальной

²⁷¹ Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: Сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2

²⁷² Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81.

²⁷³ Brautigam D. A critical look at Chinese 'debt-trap diplomacy': The rise of a meme // Area development and policy. 2020. № 5. С. 1–14.

²⁷⁴ Жильцов, С. С. Китай в Центральной Азии и на Кавказе: новые вызовы и возможности // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 4. С. 84–96.

привязки» и развитию высокотехнологичных ниш (космос, 5G, ВИЭ). Как подчеркивает Е.Н. Грачиков, это позволяет Пекину не только защитить свои активы, но и сформировать региональный сегмент «китайского мирового порядка», основанный на технологической зависимости и нематериальном влиянии²⁷⁵.

Анализ динамики торговых потоков показывает, что за последнее десятилетие импорт китайских товаров в республики Закавказья рос темпами, значительно опережающими встречные поставки. В частности, объем двусторонней торговли Азербайджана с Китаем увеличился на беспрецедентные показатели, однако, более семидесяти процентов азербайджанского экспорта в КНР по-прежнему составляют углеводороды. С позиции теории неофункционализма такой «несимметричный перелив» ограничивает потенциал интеграции поскольку она не ведет к созданию совместных производственных цепочек в несырьевых секторах. Специфика товарной структуры обмена представлена в аналитической таблице (см. табл.37).

Таблица 37

**Структурный анализ торгового взаимодействия КНР и стран
Южного Кавказа (2020–2025 гг.)**

Вектор торговли	Доминирующие группы товаров	Драйвер роста	Проблема для устойчивого развития
Экспорт из КНР в регион	Машины, электроника, текстиль, цифровое оборудование 5G	Реализация проектов «Пояс и Путь» и потребительский спрос	Вытеснение местных производителей и технологическая зависимость

²⁷⁵ Грачиков Е.Н. Китайский мировой порядок: дискурс, теория, нематериальная сила // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 4. С. 72–86.

Импорт в КНР из Азербайджана	Нефть, нефтепродукты, химическое сырье	Энергетический голод экономики Китая	Зависимость от волатильности цен на энергоресурсы
Импорт в КНР из Армении и Грузии	Медный концентрат, вина, минеральная вода, руды металлов	Потребность КНР в минеральном сырье и продуктах питания	Ограниченность ресурсов для масштабного наращивания объемов

Источник: составлено автором на основе анализа²⁷⁶ и²⁷⁷.

Исходя из изложенного, Пекин осознает риски, связанные с торговым дисбалансом, и стремится корректировать ситуацию через поддержку программ индустриализации и создание совместных индустриальных парков таких как зона «Хуалинг» в Грузии. Анализ позволяет утверждать, что только переход к модели локализации производств позволит Китаю обеспечить долгосрочную лояльность региональных элит и избежать обвинений в «экономическом неокOLONиализме».

Исследователи отмечают, что китайские компании вынуждены действовать самостоятельно в условиях слабой защиты прав собственности и волатильности национальных законодательств²⁷⁸.

С позиции теории неофункционализма отсутствие государственных гарантий выступает мощным тормозом для интеграции «снизу-вверх». Следует полагать, что без надежной защиты инвестиций бизнес-сообщество Китая не склонно к расширению функциональных связей за пределы защищенных государством энергетических контрактов. Риски

²⁷⁶ Сюе Вэньцин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-kr-v-regione-yuzhnogo-kavkaza-v-kontekste-realizatsii-initsiativy-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 23.02.2026)

²⁷⁷ Тасиц К. И. Развитие отношений Китая с республиками Южного Кавказа в контексте инициативы «Пояс и путь» // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56)

²⁷⁸ Сюе Вэньцин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

национализации активов или изменения правил игры после очередной смены элит в Грузии или Армении делают долгосрочные проекты в сфере логистики и телекоммуникаций крайне уязвимыми. Сравнительная характеристика инвестиционных рисков представлена в следующей таблице (см. табл.38).

Таблица 38

Анализ институциональных рисков для китайских инвестиций на Южном Кавказе

Тип инвестиционного риска	Проявление в странах региона	Последствие для китайского бизнеса	Степень критичности
Отсутствие суверенных гарантий	Характерно для большинства проектов в Грузии и Армении	Риск невозврата средств при банкротстве местных партнеров	Высокая (ограничивает приток частного капитала)
Волатильность законодательства	Резкая смена налоговых и таможенных правил при смене кабинетов министров	Снижение рентабельности долгосрочных проектов	Средняя (требует постоянного юридического мониторинга)
Неразвитость правовой защиты	Трудности в разрешении споров через национальные суды	Необходимость использования дорогостоящих международных арбитражей	Высокая (повышает накладные расходы)

Источник: составлено автором на основе анализа²⁷⁹ и²⁸⁰.

Наглядно, что Китай пытается минимизировать данные вызовы через подписание двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций, которые создают международно-правовой каркас сотрудничества. Можно констатировать, что Пекин также использует механизмы «политического страхования» через установление личных контактов с высшим

²⁷⁹ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81

²⁸⁰ Ван Люин. Торгово-экономическая и финансовая политика КНР в Азербайджане // Международные отношения. 2019. № 1

руководством республик, однако, этот путь несет риски, связанные с персонификацией договоренностей. В конечном счете экономическая эффективность китайского присутствия будет зависеть от способности КНР добиться от стран Южного Кавказа создания более предсказуемых институциональных условий функционирования капитала что является обязательным требованием для реализации высококачественного этапа инициативы «Пояс и Путь».

Экономическая стратегия Китая на Южном Кавказе сталкивается с нарастающим системным противодействием со стороны западных финансовых институтов и запущенной Европейским Союзом инициативы Global Gateway. Пекин осознает, что регион является зоной активного приложения капитала МВФ Всемирного банка и Европейского инвестиционного банка, которые навязывают республикам Закавказья собственные стандарты кредитования и нормативные требования. Исходя из изложенного, конкуренция между китайской моделью льготного финансирования и западными программами технической помощи переходит в плоскость борьбы за контроль над правилами игры в евразийской логистике. Исследователи подчеркивают, что ЕС стремится использовать свою нормативную мощь (Brussels Effect) для блокировки китайских инвестиций под предлогом их несоответствия экологическим и социальным стандартам Европы²⁸¹.

С позиции теории неофункционализма активность Global Gateway рассматривается нами как попытка создания «контр-интеграционного»

²⁸¹ Biscop, Sven. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics: Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? // Egmont Paper. 2023

контура, препятствующего срабатыванию китайского эффекта перелива. Западные институты предлагают странам региона альтернативные источники ресурсов при условии проведения глубоких правовых реформ что вступает в прямое противоречие с китайским принципом «сотрудничества без условий». Можно сделать вывод, что для Грузии и Армении имеющих амбиции на интеграцию с европейскими структурами этот вызов является критическим поскольку необходимость следования нормам ЕС может юридически ограничить их возможности по участию в проектах «Пояс и Путь». Анализ конкурентного окружения китайских финансовых интересов представлен в таблице (см. табл.39).

Таблица 39

Сравнительный анализ финансовых моделей КНР и Запада на Южном Кавказе

Параметр сравнения	Китайская модель («Пояс и Путь»)	Западная модель (Global Gateway / МФО)	Вызов для Пекина
Условия кредитования	Льготные ставки, отсутствие политических условий	Рыночные ставки при условии институциональных реформ	Снижение конкурентоспособности из-за требований прозрачности
Нормативная база	Китайские технологические стандарты	Экологические и социальные стандарты ЕС/США	Блокировка китайского оборудования через «мягкое право»
Основной инструмент	Прямые государственные займы и инвестиции госкорпораций	Гранты, бюджетная поддержка и частно-государственное партнерство	Риск обвинений в создании «долговой зависимости»

Источник: составлено автором на основе анализа²⁸² и²⁸³.

²⁸² Carmody Pádraig, Tim Zajontz, and Ricardo Reboredo. From ‘debt diplomacy’ to donorship? China’s changing role in global development // Global Political Economy. 2022. № 1. С. 198–217

²⁸³ China strengthens positions in the South Caucasus. FPRI. 26.11.2021

На основании проведенного анализа, Пекин вынужден адаптироваться к этой конкуренции путем диверсификации своих финансовых инструментов и активного привлечения к проектам Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Представляется, что Китай будет стремиться представить свои проекты как более эффективные и быстрые в реализации по сравнению с бюрократизированными западными программами. В конечном счете экономический успех Поднебесной в регионе будет определяться способностью предложить странам Южного Кавказа такую модель финансовой интеграции, которая бы гармонично сочеталась с их европейскими обязательствами, не создавая при этом непреодолимых юридических барьеров для китайской политики.

Экономическая эффективность китайской стратегии на Южном Кавказе находится в прямой зависимости от конъюнктуры мирового рынка энергоносителей, которая определяет финансовую устойчивость Азербайджана и рентабельность транзитных путей. Пекин осознает, что резкие колебания цен на нефть и газ напрямую влияют на платежеспособность Баку как ключевого инвестора Среднего коридора и на объемы грузоперевозок по ТМТМ. Согласно имеющимся данным, высокая степень зависимости региональной экономики от экспорта углеводородов создает риски циклического характера, когда в периоды падения цен наблюдается резкое сокращение инвестиционной активности и заморозка инфраструктурных обязательств сторон. Исследователи подчеркивают, что дестабилизация доходов Азербайджана вследствие нестабильности мировых рынков

подрывает фундамент азербайджано-китайского энергетического партнерства

284.

С позиции теории неофункционализма волатильность цен на сырье выступает внешним шоком, замедляющим «эффект перелива». Представляется, что финансовая нестабильность принимающих стран вынуждает Китай переходить от модели «кредитования под будущие доходы» к более жестким формам контроля над активами что может быть негативно воспринято местными обществами. В условиях, когда Азербайджан стремится к диверсификации экономики за счет развития возобновляемых источников энергии Китай выступает в роли ключевого технологического партнера стараясь снизить риски зависимости от ископаемого топлива. Анализ влияния энергетического фактора на экономическую связность представлен в аналитической таблице (см. табл.40).

Таблица 40

Влияние энергетической конъюнктуры на окупаемость китайских проектов

Сектор экономики	Характер зависимости от цен на нефть/газ	Угроза для интересов КНР	Сценарий нейтрализации риска Пекином
Нефтехимия и добыча	Прямая зависимость рентабельности объектов	Снижение дивидендов китайских акционеров (CNPC, Sinopec)	Глубокая переработка сырья внутри региона для повышения маржинальности
Транзитная логистика	Опосредованная (через объем торговли углеводородами)	Падение грузопотока по ТМТМ и окупаемости железных дорог	Расширение контейнерных перевозок потребительских товаров из КНР

²⁸⁴ СюеВэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639

Возобновляемая энергия	Обратная зависимость (рост цен на ископаемое топливо стимулирует спрос на ВИЭ)	Конкуренция с традиционными секторами за бюджетные средства	Форсированный экспорт китайских солнечных и ветровых технологий
------------------------	--	---	---

Источник: составлено автором на основе анализа²⁸⁵ и²⁸⁶.

На основании проведенного анализа, Пекин стремится хеджировать эти риски через интеграцию Южного Кавказа в более широкую сеть поставок, связывающую Каспийский регион с рынками Юго-Восточной Азии. Представляется, что развитие «зеленого коридора» и участие Китая в строительстве солнечных электростанций в Гобустане является стратегическим ответом на вызовы энергетической волатильности позволяющим Пекину закрепить свое присутствие в регионе вне зависимости от колебаний нефтяных котировок. Таким образом экономический фактор нестабильности рынков превращается в стимул для технологической трансформации китайского присутствия на Южном Кавказе обеспечивая переход к более устойчивым моделям сотрудничества.

Финальный уровень экономических вызовов интересам Китайской Народной Республики на Южном Кавказе связан с нестабильностью национальных валютных систем и сложностями проведения трансграничных платежей в условиях глобальной финансовой турбулентности. Пекин осознает, что реализация проектов в рамках «Пояс и Путь» требует создания надежной системы расчетов, защищенной от влияния западных санкций и колебаний курса доллара. Резкие колебания курсов армянского драма и грузинского лари,

²⁸⁵ Митина Н. Н., Бай И. Особенности развития нефтегазовой отрасли в Китайской Народной Республике // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 44–50

²⁸⁶ Агаев И. Китайская концепция «Один пояс – один путь» в контексте интересов Азербайджанской Республики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1

накладывающиеся на угрозу вторичных санкций против местных банков, заметно тормозят глубокое финансовое сближение Южного Кавказа с экономикой Китая. Пекин, как подчеркивают специалисты, целенаправленно расширяет применение юаня в расчетах, но продвижение этой валюты упирается в инерцию институтов и в укоренившуюся ориентацию региональных банковских кругов на западные клиринговые площадки²⁸⁷. В оптике неофункционализма именно финансовая интеграция становится вершиной «перелива»: наступает момент, когда отраслевое взаимодействие уже невозможно без формирования общего расчетного контура.

Анализ позволяет утверждать, что подписание соглашения между центральными банками Армении и Китая о двустороннем SWAP-регулировании является важным шагом к снижению валютных рисков, однако, его практическая эффективность остается ограниченной малым объемом внебиржевых сделок. Исходя из изложенного, для обеспечения безопасности инвестиций Пекину необходимо способствовать созданию независимой межбанковской инфраструктуры, на Южном Кавказе которая могла бы стать частью глобальной системы CIPS. Анализ валютно-финансовых рисков в регионе представлен в таблице (см. табл. 41).

Таблица 41

Характеристика финансово-валютных вызовов китайской стратегии

Фактор валютного риска	Проявление в странах региона	Влияние на окупаемость проектов КНР	Способ минимизации риска Пекином

²⁸⁷ Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81

Колебания обменных курсов	Высокая волатильность драма и лари к доллару	Риск курсовых потерь при репатриации прибыли	Переход на расчеты в национальных валютах и юанях
Санкционное давление	Опасения вторичных санкций у банков Грузии и Армении	Блокировка платежей по контрактам в сфере высоких технологий	Использование альтернативных систем передачи финансовых сообщений
Дефицит ликвидности в юанях	Неразвитость рынка инструментов в китайской валюте	Трудности с хеджированием рисков долгосрочных кредитов	Расширение своп-линий и поддержка филиалов китайских банков

Источник: составлено автором на основе анализа данных²⁸⁸ и²⁸⁹.

Очевидно, что успех финансовой политики Китая на Южном Кавказе будет зависеть от способности Пекина превратить юань в надежное средство сбережения для региональных правительств. Можно сделать вывод, что постепенное вовлечение Азербайджана и Грузии в цифровую финансовую экосистему Китая позволит минимизировать риски внешнего вмешательства в инвестиционные процессы. В конечном счете валютно-финансовый вызов требует от КНР интеграции Южного Кавказа в свою макроэкономическую орбиту что сделает китайское присутствие не только инфраструктурным, но и финансовым фундаментом региональной устойчивости в эпоху глобального переформатирования мировой валютной системы.

Комплексный анализ экономических вызовов интересам Китайской Народной Республики на Южном Кавказе позволяет сформулировать

²⁸⁸ Минасян Гоар Микаэловна. Вступление Армении в ЕАЭС и новые векторы сотрудничества на евразийском пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 1 (2)

²⁸⁹ Объем накопленных инвестиций Китая в Евразийском регионе превысил \$66 млрд: новый доклад ЕАБР. 25.12.2025. URL: <https://eabr.org/press/releases/obem-nakoplennykh-investitsiy-kitaya-v-evraziyskom-regione-prevysil-66-mlrd-novyy-doklad-eabr/> (дата обращения: 23.02.2026)

авторские выводы относительно устойчивости и перспектив китайской инвестиционной модели в регионе.

В первую очередь мы констатируем наличие глубокого противоречия между долгосрочными интеграционными амбициями Пекина и объективной слабостью национальных экономических систем Азербайджана, Армении и Грузии. Исследование доказало, что структурная уязвимость республик Закавказья, связанная с долговой нагрузкой сырьевой направленностью экспорта и депопуляцией, выступает фундаментальным барьером для автоматического расширения китайского влияния. Мы пришли к выводу, что в условиях отсутствия государственных гарантий и незрелости правовой среды китайский капитал вынужден брать на себя избыточные риски, что замедляет темпы реализации инициативы «Пояс и Путь».

Применение методологии неофункционализма позволило выявить специфический механизм торможения эффекта перелива в экономической сфере. Складывается впечатление, что «асимметричная интеграция», в рамках которой Китай удерживает первенство в высокотехнологичных отраслях, а сам регион закрепляется в роли сырьевого донора, мешает выстраиванию по-настоящему глубокой производственной кооперации. С учетом сказанного обостряющееся соперничество с западными финансовыми структурами и информационный нажим вокруг нарратива о «долговой ловушке» вынуждают Пекин качественно перенастроить свою линию – уйти от схемы «кредитор – заемщик» в сторону роли «партнера по модернизации».

Ключевым выводом параграфа стало осознание того, что финансовая и энергетическая нестабильность в регионе перестала быть просто внешним обстоятельством и переросла в системную угрозу оккупации китайских

транзитных проектов. Пекин довольно успешно парирует эти вызовы, наращивая экспорт технологий возобновляемой энергетики и запуская валютные свопы, — все это в стремлении сформировать финансовую экосистему, независимую от западного влияния. Отсюда напрашивается вывод: результативность китайской стратегии к 2030 году будет определяться тем, сумеет ли Поднебесная превратить функциональную зависимость республик Южного Кавказа в инструменты общего высокотехнологичного развития, обеспечивая тем самым социальную легитимность и экономическую безопасность собственной деятельности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Комплексный анализ многоуровневых вызовов и угроз интересам Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в период 2013–2025 гг. позволяет сформулировать следующие развернутые выводы по третьей главе:

1. На основе историко-системного анализа установлено, что Южный Кавказ является для Китая зоной предельно высокой концентрации геополитических рисков, где пересекаются стратегические интересы глобальных и региональных центров силы. В условиях масштабной трансформации миропорядка после 2022 года регион окончательно превратился в арену жесткого противоборства, в котором Пекин вынужден переходить от политики пассивного наблюдения к стратегии активного балансирования. Мы пришли к выводу, что системное давление со стороны США и Европейского Союза, направленное на сдерживание китайской политики через продвижение альтернативных нормативных и технологических стандартов (инициатива «Global Gateway»), выступает фундаментальным вызовом для реализации «Пояса и пути» в Закавказье.

2. Доказано, что фактор региональной нестабильности, обусловленный затяжными этнополитическими и территориальными конфликтами (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия), остается главным структурным ограничителем транзитного потенциала Южного Кавказа. Историческая динамика карабахского урегулирования в 2020–2024 гг. подтверждает, что любое резкое изменение статус-кво создает угрозы физической безопасности инфраструктурных узлов Транскаспийского маршрута. Китайская стратегия реагирования на эти вызовы базируется на концепции «развития ради мира», где Пекин стремится деэскалировать противоречия не путем политического вмешательства, а посредством создания глубокой функциональной зависимости враждующих сторон от совместных экономических дивидендов.

3. Выявлен скрытый, но критически опасный уровень угроз, связанный с деятельностью «трех сил» – терроризма, сепаратизма и экстремизма. Для Китая Южный Кавказ выступает «первым бастионом» защиты его западных границ: дестабилизация региона или рост радикальных исламистских настроений в Закавказье напрямую коррелируют с рисками активизации сепаратистских движений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В работе аргументированно показано, что экспорт китайских технологических стандартов безопасности и систем цифрового мониторинга («безопасный город») является эффективным инструментом Пекина по нейтрализации этих трансграничных угроз при одновременном укреплении технологической привязки местных спецслужб к КНР.

4. Анализ макроэкономических факторов показал, что внутренняя хозяйственная слабость Азербайджана, Армении и Грузии, их высокая долговая нагрузка и сырьевая направленность экспорта формируют риски

системного невозврата инвестиций. Мы пришли к выводу, что целенаправленное продвижение западными акторами дискурса о «китайской долговой ловушке» является не столько экономическим опасением, сколько мощным инструментом геополитической борьбы, призванным блокировать новые кредитные соглашения Пекина с республиками региона. Для нейтрализации этих обвинений КНР была вынуждена качественно диверсифицировать свою финансовую дипломатию, переходя от прямых государственных займов к моделям государственно-частного партнерства и инвестициям в высокотехнологичные «зеленые» проекты.

5. В ходе исследования установлено, что институциональная незрелость правовой среды и политическая волатильность элит на Южном Кавказе препятствуют приходу в регион крупного частного китайского капитала. Отсутствие государственных гарантий и риски резкой смены внешнеполитического вектора принимающих стран (как это наблюдалось в Грузии и Армении в периоды социальных протестов) делают долгосрочные проекты КНР в сфере логистики и телекоммуникаций крайне уязвимыми. Анализ позволяет утверждать, что Пекин пытается минимизировать эти риски через вовлечение государств региона в многосторонние платформы, такие как ШОС и механизм «3+3», создавая тем самым систему коллективного страхования своих интересов от внутренних политических шоков.

6. Резюмируя, можно констатировать, что к 2025 году Китай на Южном Кавказе перешел от политики избегания рисков к стратегии их активного менеджмента. Несмотря на нарастающее противодействие Запада и сохраняющуюся региональную нестабильность, Пекин успешно выстроил многоуровневую систему защиты своих интересов, сочетающую жесткую

экономическую связность с гибким дипломатическим маневрированием. Будущее китайской стратегии на кавказском направлении будет определяться способностью Поднебесной сохранять статус нейтрального и стабилизирующего центра силы, предлагающего региону устойчивую альтернативу в условиях глобальной фрагментации и нарастающего противостояния великих держав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершение комплексного историко-дипломатического исследования позволяет констатировать, что внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа в период с 1992 по 2025 гг. прошла путь глубокой системной трансформации, превратившись из набора спорадических контактов в выверенную долгосрочную стратегию регионального проектирования. На основе проведенного анализа доказано, что динамика этого процесса была детерминирована не только ростом совокупной национальной мощи Китая, но и качественной сменой парадигм в китайском внешнеполитическом дискурсе. Нами установлено, что в рассматриваемый период иерархия национальных интересов Пекина эволюционировала от обеспечения базовой безопасности границ и дипломатической легитимизации принципа «одного Китая» к доминированию национальных интересов развития, требующих активного формирования внешней среды и продвижения собственной модели мироустройства в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества», закреплённой в официальных внешнеполитических документах КНР.

Исторический путь взаимодействия сторон целесообразно разделить на качественно различные этапы. Если в последнее десятилетие XX века и в первое десятилетие текущего столетия Южный Кавказ воспринимался китайским руководством преимущественно сквозь призму пассивного дипломатического зондирования и выстраивания отношений в рамках приоритетов российского присутствия, то после 2013 года ситуация претерпела фундаментальные изменения. Смена внешнеполитической доктрины КНР и переход к концепции «активности и предприимчивости» в

эпоху руководства Си Цзиньпина ознаменовали запуск инициативы «Пояс и Путь», которая радикально изменила статус региона. Южный Кавказ утратил для Пекина статус геополитической периферии, окончательно утвердившись в качестве дополнительного транзитно-энергетического моста, обеспечивающего связность континентальных рынков в условиях нарастающей глобальной турбулентности.

На основании проведенного исследования, направленного на комплексное выявление характера и специфики политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в 2013–2025 гг., были сформулированы следующие развернутые выводы, соотнесенные с задачами и структурой работы:

1. Решая задачу выявления особенностей становления и развития отношений КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией в 1992–2012 гг., установлено, что на этом этапе Пекин ограничивался формальным признанием суверенитета новых независимых государств, добиваясь прежде всего дипломатической поддержки принципа «одного Китая» и изоляции Тайваня, и рассматривал регион как зону приоритетных интересов России. Доказано, что переход от политического признания к экономическому присутствию произошел в рамках стратегии «выхода вовне» («цзоу чуцью»), когда китайский капитал впервые пришел в инфраструктурные и промышленные проекты региона. Выявлено, что именно в этот период сложились предпосылки дифференцированного подхода Китая к трем государствам Южного Кавказа, а сам регион еще не рассматривался как самостоятельное направление внешней политики КНР.

2. В ходе определения и классификации национально-государственных интересов КНР в регионе Южного Кавказа в 2013–2025 гг. доказано, что их

иерархия претерпела качественную трансформацию. Если на начальном этапе приоритетом выступала базовая безопасность границ и изоляция Тайваня, то к 2025 году на первый план вышло стремление к глобальному геоэкономическому лидерству. Интересы КНР классифицированы по трем векторам:

- ресурсно-энергетический (обеспечение доступа к каспийским углеводородам);
- транзитно-логистический (диверсификация путей через развитие Срединного коридора);
- технологический (экспорт стандартов 5G, ВИЭ и цифровых платформ).

Обосновано, что Китай рассматривает Южный Кавказ как стратегический «транзитный мост», позволяющий минимизировать риски в условиях фрагментации мирового экономического пространства. При этом регион рассматривается Пекином как зона обеспечения геоэкономических интересов в дополнение к основным морским маршрутам, которые продолжают обеспечивать более 80% грузооборота КНР.

3. Решая задачу разработки периодизации политики Китая на Южном Кавказе, обоснованы критерии выделения этапов — содержание внешнеполитической доктрины КНР, характер экономического присутствия и степень вовлеченности Пекина в региональные процессы, — на основании которых выделены три этапа.

Первый этап (1992–2001 гг.) охарактеризован как период «пассивного дипломатического зондирования», когда КНР ограничивалась формальным признанием суверенитета новых государств, признавая регион зоной приоритетных интересов России.

Второй этап (2002–2012 гг.) стал фазой «прагматичного инвестиционного присутствия», связанного с реализацией стратегии «выхода вовне» («цзоу чжунь»).

Третий, современный этап (2013–2025 гг.), ознаменован переходом к доктрине «активности и предприимчивости» («фэньфа юйюнь»). Установлено, что к 2025 году Китай окончательно утвердился в качестве независимого центра силы в регионе, способного выступать модератором региональных процессов и предлагать альтернативную западной модель развития, основанную на принципах «неполитизированного прагматизма».

4. Оценивая степень согласования инициативы «Пояс и Путь» со стратегиями стран Южного Кавказа и интересами Российской Федерации, выявлена высокая степень их конвергенции. Доказано, что программа «Азербайджан-2030», армянская инициатива «Перекресток мира» и грузинская стратегия «Европейская интеграция – транзит» концептуально опираются на развитие транспортно-логистической связности, что полностью соответствует китайскому принципу «пяти связей». Установлено, что для государств Южного Кавказа китайское проектирование выступает фундаментальным инструментом преодоления географической изоляции. Установлено также, что согласование с интересами Российской Федерации обеспечивается за счет сопряжения инициативы «Пояс и Путь» с концепцией «Большого евразийского партнерства»: Пекин последовательно избегает прямого противопоставления своих проектов российскому присутствию в регионе, рассматривая экономическую взаимодополняемость как условие устойчивости транзитных маршрутов. Особое значение имеет создание совместных промышленных парков и свободных промышленных зон

(например, СЗТ «Хуалинг» в Грузии), что обеспечивает переход от прямого кредитования к модели «глубокой индустриальной привязки».

5. Раскрывая ключевые направления сотрудничества КНР и государств региона в реализации инициативы «Пояс и Путь» — энергетику, транспортно-логистические коридоры и торгово-инвестиционную сферу, — установлено, что индивидуально скроенные форматы партнерства приносят измеримые результаты. За Азербайджаном закрепились схема «ресурсно-логистической связки». В ее актив заносят обновление железнодорожного хода Баку — Тбилиси — Карс, наращивание мощностей Бакинского порта и запуск знаковых энергетических объектов, среди которых — Гобустанская солнечная электростанция. Товарооборот с КНР неуклонно прибавляет и к 2025 году поднялся до рекордных значений. В Грузии выкристаллизовалась иная конфигурация — «транзитно-торговый альянс». Подписанное соглашение о свободной торговле, а также вовлеченность китайского консорциума в сооружение глубоководной гавани Анаклиа закрепили за страной статус «стратегических ворот» Китая на рынок Евросоюза. В Армении же верх берет логика «геополитической балансировки»: зажатое транспортной изоляцией сотрудничество смещается к точечным нишам — реконструкции автотрассы «Север — Юг», внедрению решений «умного города» и разработкам в космической отрасли.

6. Систематизируя институциональное измерение сотрудничества КНР и государств Южного Кавказа, установлено, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стала главной платформой вовлечения Азербайджана и Армении в систему региональной безопасности под эгидой Пекина, причем статус партнеров по диалогу рассматривается как этап последовательного

институционального закрепления. Доказано, что институциональный контур сотрудничества позволяет Китаю встраивать региональные проекты в собственную нормативную и финансовую инфраструктуру, придавая своему присутствию устойчивый и легитимный характер.

7. Характеризуя гуманитарное измерение политики КНР в регионе, обосновано, что гуманитарное сотрудничество выступает «третьей осью» отношений после политики и экономики. Гуманитарная политика, реализуемая через сеть Институтов Конфуция (включая 13 учебных центров только в Азербайджане), обеспечила подготовку лояльного пула специалистов, ориентированных на китайские управленческие и технологические стандарты. Установлено, что сочетание «жесткой» инфраструктурной силы и «мягкой» культурной дипломатии сделало китайское присутствие долгосрочным фактором регионального развития, обеспечивая Пекину социальную базу в странах региона.

8. Систематизируя геополитические вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в условиях конкуренции внерегиональных акторов, выявлено, что активизация западных инициатив (таких как Global Gateway) и давление со стороны США (в вопросах стандартов 5G в Грузии) направлены на нормативное блокирование китайской деятельности. Установлено, что конкуренция за влияние в регионе разворачивается прежде всего в нормативно-технологической, а не в военно-политической плоскости, что определяет выбор Пекином неконфронтационных инструментов защиты своих интересов.

9. Определяя влияние региональной нестабильности, территориальных споров и этнополитических конфликтов на безопасность китайских проектов,

установлено, что отношение КНР к региональным конфликтам (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) характеризуется тактикой «деполитизированного прагматизма»: Пекин стремится нейтрализовать риски не путем вмешательства, а через создание экономической зависимости конфликтующих сторон. Доказано, что именно неурегулированность региональных конфликтов и сохраняющаяся транспортная изоляция Армении остаются главными ограничителями расширения китайского присутствия в регионе.

10. Выявляя экономические вызовы и структурные барьеры реализации китайской экономической дипломатии на Южном Кавказе, обосновано опровержение мифа о «китайской долговой ловушке»: на данных по Грузии и Армении показано, что структура их задолженности сохраняет диверсифицированный характер, а доля КНР не выходит за пределы критических значений, что укрепляет за Китаем репутацию «партнера по модернизации». Установлено, что основными структурными барьерами остаются ограниченная емкость национальных рынков, зависимость региона от внешней конъюнктуры и сохраняющийся приоритет морских маршрутов, обеспечивающих более 80% грузооборота КНР.

В итоге проведенное исследование дает основание утверждать, что к 2025 году политика Пекина на Южном Кавказе обрела системность и стратегическую выверенность. Китаю удалось органично встроиться в радикально изменившийся после 2020–2022 гг. региональный расклад сил, не утратив при этом роли нейтрального арбитра и главного инвестора. Выстроенная сеть функциональных связей в сферах энергетики, логистики и финансов сделала Южный Кавказ важным элементом новой региональной

конфигурации, что заметно способствует формированию «Сообщества единой судьбы человечества» на фоне складывающегося многополярного миропорядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

На русском языке:

Нормативно-правовые:

1. «Национальные приоритеты социально-экономического развития: Азербайджан 2030». Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 года.
2. Опубликован парафированный текст Соглашения об установлении мира и межгосударственных отношений между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения. URL : https://azertag.az/ru/xeber/opublikovan_paraftirovannyi_tekst_soglasheniya_ob_ustanovlenii_mira_i_mezhgosudarstvennyh_otnoshenii_mezhdu_azerbaidzhanskoi_respublikoi_i_respublikoi_armeniya-3696695 (Дата обращения: 11.12.2025)
3. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030». URL: <https://president.az/ru/articles/view/50474> (дата обращения: 23.10.2025).
4. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики о мерах по реализации пилотных проектов в области использования возобновляемых источников энергии. 05.12. 2019. URL: <https://president.az/ru/articles/view/35117> (дата обращения: 23.02.2025).

Публицистические:

5. «Совместное заявление об основах дружественных отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой» URL:

https://az.china-embassy.gov.cn/rus/sbjw/202011/t20201118_1098618.htm

6. «Совместное коммюнике об основах дружественных отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Армения» [关于中华人民共和国和亚美尼亚共和国友好关系基础的联合公报]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200011/t20001107_9306140.shtml (дата обращения: 28.10.2024)
7. «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676284/1207_676296/200203/t20020315_9287841.shtml
8. «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Азербайджанской Республикой». URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676284/1207_676296/200203/t20020315_9287841.shtml
9. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества. [中华人民共和国和格鲁吉亚关于进一步发展友谊与合作的联合声明] 14.07.2006. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/1207_676488/200607/t20060714_7978216.shtml (Дата обращения: 08.10.2024)
10. Двусторонние отношения. 11.02.2015. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Армения. URL:

- <http://www.mfa.am/ru/country-by-country/cn/> (Дата обращения: 28.10.2024).
- 11.Ху Цзиньтао провел переговоры с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым[胡锦涛与阿塞拜疆总统阿利耶夫会谈]. 18.03.2025. Портал Министерства иностранных дел КНР. URL : https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676284/xg_xw_676290/200503/t20050318_7970425.shtml (Дата обращения: 12.10.2024)
- 12.Грузия подтвердила позицию против «независимости Тайваня». Информационное агентство Синьхуа. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/ztbd/zgtw/t246114.htm>. (Дата обращения: 18.10.2024)
- 13.В Баку в рамках Дней культуры КНР прошел спектакль Китайского театра Ганьсу. Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. 13.12.2012 URL: https://azertag.az/ru/xeber/V_Baku_v_ramkah_Dnei_kultury_KNR_proshel_spektakl_Kitaiskogo_teatra_Gansu-251304 (дата обращения: 27.10.2024)
- 14.Взаимовыгодное сотрудничество между Китаем и Грузией продолжает углубляться. Ministry of Commerce PRC. 20.03.2024 URL: http://fta.mofcom.gov.cn/article/chinageorgia/chinageorgiagfguandian/202403/55276_1.html (дата обращения: 29.11.2024).
- 15.Встреча министра иностранных дел Армении с министром иностранных дел Китая. 26. 06.2025. Министерство иностранных дел Армении. URL: https://www.mfa.am/ru/press-releases/2025/06/26/Mirzoyan_Wang_Yi/13337 (Дата обращения: 11.11.2025)
- 16.Об участии делегации Секретариата ШОС в официальной церемонии открытия 4-го ЭКСПО «Китай-Евразия» и Форуме китайско-евразийского

экономического развития и сотрудничества. Портал ШОС. 01. 09. 2014.

URL: <https://rus.sectesco.org/20140901/8852.html> (Дата обращения: 04.03.2025)

17.Премьер Грузии провел встречу с китайским коллегой. SPUTNIK. 10.09.2015. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20150910/228517112.html?ysclid=mifpx1w0vi959867605> (Дата обращения: 04.03.2025)

18.Си Цзиньпин встретился с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. 04.07.2024. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240705_11448682.html (дата обращения: 23.10.2025)

На китайском языке:

Нормативно-правовые

19.中华人民共和国宪法 [Конституция КНР]. 14.06.2005. / 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 10.03.2024);

20.中华人民共和国对外关系法 [Закон КНР о внешних связях КНР] // 中国政府网 [Веб-сайт правительства Китая]. 28.06.2023. URL:https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 12.02.2025).

Делопроизводственные:

21.«国务院关于推进国际产能和装备制造合作的指导意见». 中华人民共和国中央人民政府. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/16/content_9771.htm [«Руководстве по содействию международным производственным мощностям и сотрудничеству в производстве

оборудования». Госсовет КНР.]

- 22.胡锦涛在莫斯科国际关系学院演讲（全文）[Выступление Ху Цзиньтао в Московском институте международных отношений (полный текст)]. 28.05.2003. URL:

http://www.cass.net.cn/chinese/s24_oys/chinese/News/Subject/Shanghai/content_891423.htm (Дата обращения: 08.08.2024)

Публицистические:

- 23.钱彤：《习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话》，《人民日报》2013年10月26日，第1版。[Цянь Тун. Си Цзиньпин выступил с важной речью на симпозиуме по дипломатии соседних стран // Жэньминь Жибао, 26 октября 2013 г.]

- 24.亚美尼亚大使宏九印出席中亚合资企业签字仪式. Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Armenia. 21.05. 2009. URL: https://am.china-embassy.gov.cn/xwdt/200905/t20090521_1700931.htm (дата обращения: 31.10.2024)

- 25.中国与亚美尼亚两国政府发表联合公报. [Совместное Коммюнике между Правительством Китайской Народной Республикой и Правительством Республики Армения]. МИД Китая. URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200012/t20001205_9306142.shtml (дата обращения: 28.10.2024)

- 26.中华人民共和国和亚美尼亚共和国联合公报. 中华人民共和国外交部. [«Совместное Коммюнике между Правительством Китайской Народной Республикой и Правительством Республики Армения»] URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200011/t20001107_8003144.shtml (Дата обращения: 03.12.2024)

27. 中华人民共和国和亚美尼亚共和国联合声明. 中华人民共和国外交部.
[«Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики
Армения»] URL:
[https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/
1207_677040/200409/t20040928_9306143.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200409/t20040928_9306143.shtml) (Дата обращения:
03.12.2024)
28. 中华人民共和国和阿塞拜疆共和国联合声明. [Совместное заявление
Китайской Народной Республики (КНР) и Азербайджана]. Портал
Правительства КНР. URL:
https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_63200.htm (Дата
обращения: 12.10.2024)
29. 中华人民共和国和格鲁吉亚共和国建交联合公报 [Совместное коммюнике
об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной
Республикой и Республикой Грузия] 09.06.1992. URL:
[https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676
476/1207_676488/200011/t20001107_7978214.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/1207_676488/200011/t20001107_7978214.shtml) (Дата обращения:
04.12.2024)
30. 中华人民共和国和格鲁吉亚共和国联合声明 [Совместное заявление
Китайской Народной Республики и Республики Грузия]. 02.06.1993. URL:
[https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676
476/1207_676488/200011/t20001107_9291138.shtml](https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/1207_676488/200011/t20001107_9291138.shtml) (Дата обращения:
04.12.2024)
31. 中华人民共和国和亚美尼亚共和国建交联合公报. 中华人民共和国外交部.
[Совместное заявление «Об установлении дипломатических отношений
между Китайской Народной Республикой и Республикой Арменией».

URL:https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/200011/t20001107_8003142.shtml (Дата обращения: 03.12.2024)

- 32.中华人民共和国与格鲁吉亚关于建立战略伙伴关系的联合声明(全文). 中华人民共和国外交部 . 31.07.2023.
URL:https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676476/xgxxw_676482/202307/t20230731_11120026.shtml [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Грузии об установлении стратегического партнерства (полный текст). Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики.]

Статистические:

- 33.Business Watch: November 18, 2003. Radio Free Radio.URL:
<https://www.rferl.org/a/1341592.html> (Дата обращения: 11.10.2024)

- 34.Safety Index by Country 2024. URL:
https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2025&displayColumn=1 (Дата обращения: 23.02.2026)

- 35.Государственный таможенный комитет Азербайджанской Республики.
Статистика внешней торговли. URL:
<https://customs.gov.az/ru/faydali/statistika/>

- 36.Китайский статистический ежегодник. Национальное бюро статистики Китая. [中国统计年鉴. 中国国家统计局]. URL:
<https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/> (Дата обращения: 20.10.2024)

- 37.Национальное статистическое управление Грузии (ГЕОСТАТ). Внешняя торговля Грузии. URL:

<https://www.geostat.ge/ru/modules/categories/35/vneshnyaya-torgovlya> (Дата обращения: 20.10.2024).

38. Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/ru/> (дата обращения: 07.05.2026).

39. Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (SIPRI). База данных по передаче вооружений [SIPRI Arms Transfers Database]. – URL: <https://armstransfers.sipri.org> (дата обращения: 07.05.2026).

40. Объем накопленных инвестиций Китая в Евразийском регионе превысил \$66 млрд: новый доклад ЕАБР. 25.12.2025. URL: <https://eabr.org/press/releases/obem-nakoplennykh-investitsiy-kitaya-v-evraziyskom-regione-prevysil-66-mlrd-novyuy-doklad-eabr/> (дата обращения: 23.02.2026)

ЛИТЕРАТУРА

на русском языке:

1. Агаев И. Китайская концепция «Один пояс- один путь» в контексте интересов Азербайджанской Республики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1. С. 16–21.
2. Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 719–733.
3. Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.
4. Агазаде М.М. Геополитическая стратегия Китая на Южном Кавказе:

- интересы и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 4. С. 715–732.
5. Алиева Р.Р. Международный диалог в области культуры на пространстве шос // Изв. Саратов. Ун-та Нов. Сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. №4. С. 81–88.
 6. Андропова И.В., Катамадзе А. Трансформация экономической политики Грузии // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. №2. С. 212–223.
 7. Арешев А.Г., Бредихин А.В., Воркунова О.А. Крылов А.Б. Южный Кавказ в «системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №60(10). С. 91-106.
 8. Арутюнян Д.О. Проект «Перекресток мира» в контексте повышения транспортной «связности» на Южном Кавказе // Экономические отношения. 2025. Т. 15, № 1. С. 169-190.
 9. Бабаян Д.К. Некоторые аспекты политики КНР на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 1. С. 82–93
 10. Бабаян Д.К. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI в. М.: Ин-т востоковедения РАН. 2013. – 323 с.
 11. Бабаян Д.К. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке Китайской Народной Республики // 21-й век. 2011. № 2. С. 66-93.
 12. Бахтиярова А.Ж. Энергетическая политика КНР в начале XXI века // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 967–970.
 13. Борисова Ек. Оценка значимости идей Маккиндера в современных реалиях // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 24–27.
 14. Буторов А.С., Дегтерев Д.А., Савичева Е.М. Региональная безопасность на

- Южном Кавказе: новая база данных РУДН по международным отношениям
// Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 388–400.
15. Ван Люин. Политика Китайской Народной Республики на постсоветском пространстве (1991–2019 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: РУДН, 2020. 212 с.
16. Ван Люин. Торгово-экономическая и финансовая политика КНР в Азербайджане // Международные отношения. 2019. № 1. С. 140–148.
17. Варданыан Т. «Перекресток мира»: светлое будущее экономики Армении или темное разрушение? // Амберд. 2023. №5 (24). С. 81–88.
18. Величко Л.Н., Кумуков А.М. Гуманитарная дипломатия Китая в регионе Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2025. № 2. С. 54–73.
19. Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 3. С.23–32.
20. Виноградов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. №3 С.69-86.
21. Виноградов А.В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №2. С.228-246.
22. Гасанов А.Г. Некоторые направления государственной поддержки развития предпринимательства в Азербайджане // The Scientific Heritage. 2024. №141. С.23–26.
23. Гикашвили Г. Терроризм на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2019. № 5. С. 1292–1304.

24. Грачиков Е.Н. Дипломатия Китая: проблемы формирования дисциплины и науки в контексте академического дискурса // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 266–282.
25. Грачиков Е.Н. Китайский мировой порядок: дискурс, теория, нематериальная сила // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 4. С. 72–86.
26. Грачиков Е.Н., Чжоу Сяоюй. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 70–83.
27. Гушин А.В. Итоги президентских выборов в США и их влияние на перспективы урегулирования конфликта на Украине // Постсоветские исследования. 2025. № 8(1). С. 19–26.
28. Гушин А.В. Основные векторы развития российско-белорусского сотрудничества в области образования на современном этапе // Постсоветские исследования. 2023. № 6(2): С. 195–204.
29. Ерчак А.И., Ерчак О.В. Средний транспортный коридор как стратегическая альтернатива для проекта «Пояс и Путь» // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. 2023. № 16. С. 140–147.
30. Жильцов С.С. Большое евразийское партнерство: итоги, проблемы и перспективы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 4. С. 425–435.
31. Жильцов С.С. Китай в Центральной Азии и на Кавказе: новые вызовы и возможности // Центральная Азия и Кавказ. 2019. Т. 22, № 4. С. 84–96.
32. Корганашвили Л. Грузия как транспортный узел китайской инициативы «Пояс и Путь» // European Journal of Intelligent Transportation Systems. 2018. №1 (1). С. 22–26.

33. Крылов А.Б. Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2. С. 147–162.
34. Крылов А.Б. Особенности современного этапа развития Южного Кавказа // Архонт. 2017. №3. С.4-7.
35. Крылов А.Б. Постсоветское пространство: интеграция vs дезинтеграция // Россия и новые государства Евразии. 2018. №2. С.47-53.
36. Крылов А.Б., Федоровская И.М. Проблемы региональной безопасности на Кавказе в контексте российско-грузинских отношений // Россия и новые государства Евразии. 2016. №2. С.78-90.
37. Крылов А.Б. Малышева Д.Б. Россия и постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа: прогноз на 2030 год // Россия и новые государства Евразии. 2011. №1. С. 44-58.
38. Кумуков А.М. Страны Южного Кавказа во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2023. № 1. С. 43–53.
39. Курылев К.П. Ключевые интересы России – цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 1. С. 9–25.
40. Курылев К.П., Воркунова О.А., Российско-китайские отношения – связующее звено трансформации Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 828–844.
41. Курылев К.П., Габриелян Г.Р., Фарактинова Е.Н. Роль и место Центральной Азии в реализации Китаем инициативы «Пояс и Путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73). С. 1219-1225.

42. Курылев К.П., Галоян Н.Г., Станис Д.В., Бредихин А.В. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе. // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 62(3). С. 108–118.
43. Курылев К.П., Мартыненко Е.В. Российско-китайское сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937–1948.
44. Лань Пэнхэ Развитие Китайско-Грузинских торгово-экономических отношений в контексте реализации стратегии «Пояс и Путь» (2013-2022) // Власть истории – История власти. 2022. №39. С. 98–114.
45. Лань Пэнхэ Сотрудничество между Китаем и Грузией в гуманитарной области (2013–2022 гг.) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2022. №2 (263). С. 79–89.
46. Лексютина Я.В., Юаньцзе Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. № 7(4). С. 367–380.
47. Лексютина Я.В. Дипломатия Китая в Центральной Азии: механизм многоуровневых партнерств и многосторонние платформы // Постсоветские исследования. 2025. № 8(2). С. 114 –126.
48. Лексютина Я В. Ориентиры торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. № 30 (30). С. 309–323.
49. Лексютина Я. В. Дипломатия принимающей стороны Китая: концепция и практика // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. №29. С.89–103.

- 50.Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия // Постсоветские исследования. 2022. № 1. С. 57–72.
- 51.Маркаров А.А., Давтян В.С. Платформа сотрудничества «3 + 3» и перспективы разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе // Геоэкономика энергетики. 2024. №2. С. 22–37.
- 52.Маркедонов С М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. Т. 7. № 87. С.245-256.
- 53.Маркедонов С.М. Россия в процессе Нагорно-Карабахского урегулирования // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. 2019. С. 11-26.
- 54.Маркедонов С.М. Россия и постсоветские конфликты: стратегия или реагирование // Дружба народов. 2018. № 8. С. 214–222.
- 55.Маркедонов С.М. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования.2018. № 2. С. 132-141.
- 56.Маркедонов С.М. Россия в процессе нагорно-карабахского урегулирования // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе. М.: РУДН. 2019. С. 11-26.
- 57.Маркедонов, С. М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг. // Мировая экономика и международные отношения. 2023. №12. С. 93-103.
- 58.Мачавариани Г.Г. Грузия-Китай: политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. №1. С. 142–151.
- 59.Минасян Г.М. Вступление Армении в ЕАЭС и новые векторы сотрудничества на евразийском пространстве // Международное

- сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 1 (2). С. 67–70.
60. Митина Н.Н., Бай И. Особенности развития нефтегазовой отрасли в Китайской Народной Республике // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 44–50.
61. Мокрецкий А.Ч. Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. № 29. С. 260–277.
62. Мокрецкий А.Ч. Страны Закавказья в китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. № 21. С. 150–158.
63. Нифтиев И. Интересы Китая в индустриализации Южного Кавказа: Сравнительный анализ производительности труда в обрабатывающей отрасли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2. С. 205–222.
64. Пивовар Е.И., Гущин А.В., Левченков А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век новые горизонты изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36. С. 43–55.
65. Пылин А. Международные транспортные коридоры на Южном Кавказе и их транзитный потенциал // Геоэкономика энергетики. 2018. № 4. С. 121–137.
66. Рожкова Л.В., Ивченков С.Г., Полутин С.В. Ближнее зарубежье во внешней политике Российской Федерации и оценках россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. № 2. С. 120–125.

- 67.Савкович Е.В. Центральнo-азиатские исследования в КНР: историография в первой половине 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 109–112.
- 68.Селезнева Н.В. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 291–305.
- 69.Скворцова Н., Абазов Д. Конфликт интересов на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2020. № 2. С. 291–305.
- 70.Сюе Вэньцзин. Вызовы интересам КНР на Южном Кавказе в реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2025. № 6. С. 627–639.
- 71.Сюе Вэньцзин. Интересы КНР в регионе Южного Кавказа в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» // Международные отношения. 2025. № 2. С. 221–234.
- 72.Тасиц К.И. Развитие отношений Китая с республиками Южного Кавказа в контексте инициативы «Пояс и путь» // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 80–96.
- 73.Троицкий В.А. Институциональные механизмы межгосударственного сотрудничества в свете меняющейся геополитической реальности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №104. С.156–169.
- 74.Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 1–15.
- 75.Харитоновa Н.И., Гушин А.В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023. № 6(6). С. 597-609.

- 76.Шевелева М.В. Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества и формирование стратегии многостороннего сотрудничества в сфере энергетики: дис. ... канд. истор. наук. М., 2014.
- 77.Язькова А. Россия и независимые государства Кавказа // Кавказ и глобализация. 2009. № 1. С. 25–32.
на китайском языке:
- 78.楚树龙, 金威, 中国外交战略和政策. –北京: 时事出版社, 2008 年版第 495 页 [Чу Шулун, Цзинь Вэй, ред. Внешняя стратегия и политика Китая. Пекин: Издательство текущих дел, 2008. 495 с.].
- 79.楚树龙。国际格局的变与不变及中国的国际战略[Чу Шулун. Измененный и неизменный международного миропорядка и международная стратегия Китая] // 现代国际关系 [Современные международные отношения]. 2013. № 4. С. 2-9.
- 80.蒿琨. 跨里海国际运输走廊建设的进展、挑战与思考国际关系研究[ХаоКун. СтроительствоТранскаспийскогомеждународноготранспортногомаршрута: процесс, вызовыи мысли] // 国际关系研究 . 第 5 期. [Журналмеждународныхотношений. 2024. No 5.]
- 81.洪宾. 国家利益论. 北京: 军事科学出版社 [ХунБинь. Теория национальных интересов. Пекин, Военно-научное издательство].1999.425 p.
- 82.侯艾君. 中国在外高加索地区的安全风险及其规避. [Хоу Айцзюнь. Риски безопасности, с которыми сталкивается Китай в Закавказском регионе, и его усилия по предотвращению рисков] // 国际安全研究 [Международные исследования безопасности]. 2019. 2. 7(02):68-90..
- 83.焦兵. 中国外交新思维: 从 “韬光养晦” 走向 “有所作为” [Цзяо Бин. Новое мышление в китайской дипломатии: от «выжидания и укрепления

- позиций» к «изменению ситуации»] // 湖北社会科学 [Губэйские социальные науки]. 2005. № 10. С. 101–103
- 84.李宝俊. 当代中国外交概论 [Ли Баоцзюнь. Введение в современную дипломатию Китая]. 北京: 中国人民大学出版社[Пекин: Издательство Народного университета Китая], 2012.
- 85.李恒杰. 论邓小平 “韬光养晦” 的外交战略思想[Ли Хэнцзе. О дипломатической стратегической концепции Дэн Сяопина «Выжидательная политика и укрепление силы»] // 国际关系学院学报 [Журнал Китайского университета международных отношений]. 2008. № 1 (03). С. 3–8.
- 86.马小妹, 陈菊霞. “一带一路”倡议下中国与阿塞拜疆的新型合作及其前景探析. [Ма Сяомэй, Чэнь Цзюся. Анализ нового сотрудничества между Китаем и Азербайджаном в рамках инициативы «Пояс и путь» и ее перспектив] // 四川省社会主义学院学报 [Журнал Сычуаньского социалистического университета.], 2020.
- 87.秦亚青, 国际体系与中国外交。-北京: 世界知识出版社, 2009 年 401 页 [Цинь Яцин и др. Международная система и китайская дипломатия. Пекин: World Knowledge Press, 2009. с. 401].
- 88.秦亚青. 关系本位与过程建构 [Цинь Яцин. Реляционность и процессуальное конструирование]. 上海: 上海人民出版社[Шанхай: Шанхайское народное издательство], 2012.
- 89.石靖. 丝绸之路经济带建设在格鲁吉亚的推进: 成果, 进展与前景展望. [Ши Цзин. Развитие экономического пояса Шелкового пути в Грузии: достижения, прогресс и перспективы] // 亚非研究 [AsianandAfricanStudies]. 2018. С. 86-102.
- 90.孙玉华, 任雪梅. 中国与亚美尼亚关系的历史、现状及前景展望[SunYuhua,

- Ren Xuemei. A Review of Sino-Armenia Relation: The History, Current Situation and its Prospect // 东北亚外语研究 [Foreign Language Research In Northeast Asia]. 第6期. 2018. С. 85-90.
91. 王海运. 新形势下的中俄关系 [Ван Хэйюнь. Развитие китайско-российских отношений в новой обстановке] // 俄罗斯学刊 [Академический журнал исследований России]. 2014. № 5. С. 38-39.
92. 王树春. 冷战后的中俄关系 [Ван Шучунь. Китайско-российские отношения после холодной войны]. 北京: 时事出版社 [Пекин: Издательство «Текущие дела»]. 2005. 251 с.
93. 王义桅. 习近平外交思想如何引领中国特色大国外交 [Ван Ивэй. Как взгляды Си Цзиньпина на дипломатию влияют на дипломатию крупных стран китайской спецификой] // 现代国际关系 [Современные международные отношения]. 2020. № 11. Р. 1-8.
94. 阎学通. 从韬光养晦到奋发有为 [Янь Сюэтунь. от «таогуаняньхуэй» к «фэньфаюйюн»] // 国际政治科学 [Quarterly Journal of International Politics]. 2014. № 4. С. 1-35.
95. 阎学通. 历史的惯性: 未来十年的中国与世界 [Янь Сюэтунь. Инерция истории: следующее десятилетие Китая и мира]. 北京: 中信出版社 [Пекин: Издательство Чжоусиня]. 2013. № 7. С. 71-82.
96. 杨洁篪. 努力开创中国特色外交新局面 [Ян Цзечи. Стремиться к созданию новой ситуации в дипломатии с китайской спецификой] // 求是 [Цюши]. 2013. № 16
97. 赵汀阳. 天下体系: 世界制度哲学导论 [Чжао Тиньян. Система Тянься: введение в философию мирового устройства]. 北京: 中国人民大学出版社 [Пекин: Издательство Народного университета Китая], 2011.

98.朱听昌. 中国国家利益的扩展与和谐世界的构建// 梁守德, 李义虎主编。

中国与世界：和平发展的理论与实践 [Чжу Тинчан. Расширение Национального интереса Китая и построение гармоничного мира в Китай и мир: Теория и практика мирного развития под ред. Лян Шоудэ, Ли Иху]. 北京世界知识出版社.[Пекин: Издательство мирового знания].2008. № 5. С. 121-137.

на английском языке:

99. Abilov S. The South Caucasus in the Belt and Road Initiative: Strategic Choices // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2024. Vol. 26. No. 2. P. 155–172.

100. Akçay N., Guo Changgang. Türkiye's Middle Corridor and China's BRI: Identification and Assessment // Insight Turkey. 2023. Vol. 25. No. 1. P. 63–74.

101. Asgarov Sirus. The Analysis of China's "Debt Diplomacy" in the South Caucasus // Orta Doğu ve Orta Asya-Kafkaslar Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2024. № 4. С. 63–81.

102. Avdaliani E. New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. 280 p.

103. Biscop S. War for Ukraine and the Rediscovery of Geopolitics: Must the EU Draw New Battlelines or Keep an Open Door? // Egmont Paper. 2023.

104. Brautigam D. A critical look at Chinese 'debt-trap diplomacy': The rise of a meme // Area development and policy. 2020. № 5. С. 1–14.

105. Carmody P., Tim Zajontz, Ricardo Reboredo. From 'debt diplomacy' to donorship? China's changing role in global development // Global Political Economy. 2022. № 1. С. 198–217.

106. Charaia V., Lashkhi M. Georgia and China: The economic ties that could one day bind. A Sea Change? // China's Role in the Black Sea. 2020. С. 11.

107. Chen Zhirui, Wu Lin. The Multilateral Shift in China's Global Partnership Building // *Foreign Affairs Review*. 2023. No. 4. P. 23–43.
108. Degterev D.A. Important aspects of Sino-African relations // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2005, N 5. P. 84–91.
109. Durrani M.F. Xi Jinping and the Discursive Construction of Global Order: From the Belt and Road Initiative to Narratives of Inclusiveness // *Atlantic Journal of Social Sciences and Humanities*. 2025. No. 6 (4). P. 104–110.
110. Evaldas Klimas, Mahir Humbatov. Baku-Tbilisi-Kars Railroad, the Iron Ground for the Silk Road: Future Opportunities and Prospects // Vilnius, 2016, p.22.
111. Fallahi, Ehsan. Assessment of China's Strategy in the South Caucasus. // *Central Eurasia Studies*. 2021.P. 113-124.
112. Guzzini S. Relationalism(s) Unpacked: Engaging Yaqing Qin's Theory of World Politics // *The Chinese Journal of International Politics*. 2024. No. 17 (2). P. 187–205.
113. Ibrahimov M.J. Great Power Competition and New Regional Order in the South Caucasus // *Stability Risks and New Conflict Management Platforms in the South Caucasus*. Rome, 2022. C. 64–74.
114. Ikenberry G.J. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crises of Global Order // New Haven and London: Yale University Press, 2020. 432 p.
115. John C.K. Daly. China deepens its presence in Georgia via its 'One Road, One Belt' initiative // *The Central Asia-Caucasus Analyst*. 2016.
116. Kaleji V. Iran and Azerbaijan after the Second Karabakh War // *Baku Dialogues*. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 126–146.
117. Karapetyan R. China's Policy in the South Caucasus: Challenges and

Opportunities // Armenological Issues. 2024. № 2 (28). C. 67–82.

118. Karim M.F. Non-Western Middle Powers in Changing Global Order // International Studies. 2025.
119. Larsen J. Georgian - Chinese relations Belt and Road geopolitics // Georgian Institute of Politics. 2017.
120. Lascurettes K.M., Poznansky M. International Order in Theory and Practice // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. 2021. 29 p.
121. Men H. China's Diplomacy Responding to World Transformation in the New Era // Singapore: Springer Nature. 2025. 310 p.
122. Nadège Rolland. China's Ambitions in Eastern Europe and the South Caucasus // Russie.Nei. Visions. 2018. No. 112.
123. Naoise McDonagh. US-China competition, world order and economic decoupling // Australian Journal of International Affairs. 2025. Vol. 79. Iss. 3. P. 364–389.
124. Papava V. One Belt – One Road Incentive and Georgia. Expert's opinion // Georgian Foundation of Strategic and International Studies. Tbilisi. 2017.
125. Papava V., Charaia V. Belt and Road Initiative: Implications for Georgia and China-Georgia Economic Relations // China International Studies. 2017. c. 122–139.
126. Parent J.M., MacDonald P.K. In Search of Status: China and the USA in United Nations Speeches, 1970–2020 // The Chinese Journal of International Politics. 2024. No. 17 (1). P. 1–27.
127. Putkaradze R. Prospects of Georgian - Chinese trade relationships // Collection of materials of II International Scientific Conference “Globalization Challenges in Economy and Business”. 2017. Tbilisi.
128. Safaryan, Shirak, et al. China's Interests, Instruments, and Limits in the South

- Caucasus since 2013// China Quarterly of International Strategic Studies. 2026. Vol. 12. P.1-27.
129. Sahakyan, Mher. China's Belt and Road Initiative and South Caucasus in the Era of Ukraine war and Multipolar world order 2.0 //Abingdon/New York: Routledge. 2023.P.105-128.
130. Sam-Sang Jo. Toward Sino-American Ideological Clash? // The Chinese Journal of International Politics. 2025. Vol. 18. No. 1. P. 35–62.
131. Shaffer B. Iran's policy toward the Caucasus and Central Asia // Central Asia-Caucasus Analyst. 2022. P. 1–8.
132. Skiert-Andrzejuk, Katarzyna The new edition of the New Silk Road—the South Caucasus case // Polish Journal of Political Science.2018. Vol. 4.P.79-94.
133. Sun Degang, Ye Yu. US-China Institutional Rivalries and West Asian Countries' Divergent Responses // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2025.
134. Tang Shiping. Order: A Conceptual Analysis // Chinese Political Science Review. 2016. Vol. 1. P. 30–46.
135. Tsaturyan, Mane, and Paulo Afonso B. Duarte Armenia's foreign policy options within China's belt and road initiative: A small state perspective // Journal of Eurasian Studies.2026. Vol. 17. P.116-127.
136. Wang, Tingting, et al. Evolution of the South China Sea geo-pattern based on the “geo-potential-strategic triangle” framework // Ocean & Coastal Management. 2024.
137. Weiss Z., Bernard-Pearl J. Strategic Minerals Explained: Ukraine, the South Caucasus and Central Asia. Washington: The Caspian Policy Center, 2024.
138. Wrobel Ralph. The changing geopolitics in the South Caucasus during the

war in Ukraine: Chances and risks for the region // Ordnungs Politesses Portal. Erfurt, 2023. № 2.

139. Xiong Haoming, Peterson D.A., Braumoeller B.F. Reconceptualizing International Order: Contemporary Chinese Theories and Their Contributions to Global IR // International Organisation. 2024. Vol. 78. P. 538–574.

140. Yengoyan, Paylak, and Zhanna Grigoryan. Glocal Soft Power as an Instrument of China's Strategic Influence in the South Caucasus: A New Model of Integration and Geopolitical Consequences // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. 2025. Vol. 4.P.64-78.

141. Yengoyan, Paylak, Zhanna Grigoryan. Glocal Soft Power as an Instrument of China's Strategic Influence in the South Caucasus: A New Model of Integration and Geopolitical Consequences // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. 2025. Vol. 4.P. 64-78.

142. Zhao Long, Zhang Qiyue, et al. Decoding Greater BRICS Cooperation: A Non-Western Path to a Shared Development Community // SIIS Report. 2025. Vol. 43. P.48.